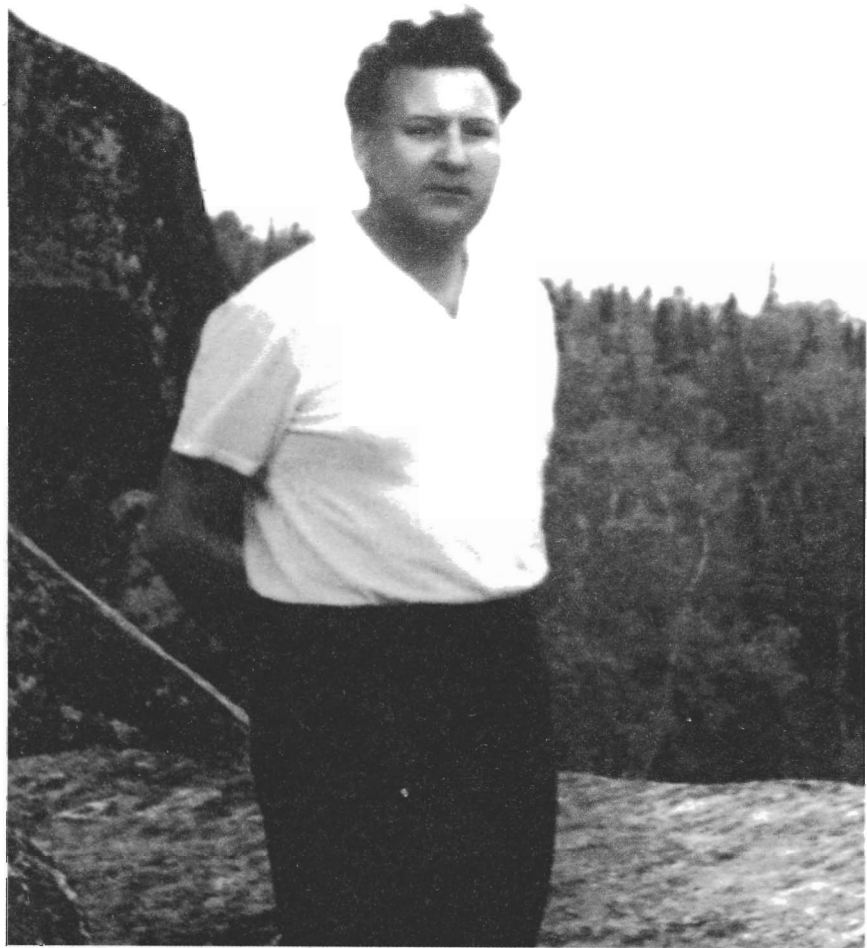

Г. 58 - КР

Михаил ГОГОЛЕВ

Сель

ББК 84.3Р7

Г58

Гоголев, М. П.

Г58 Сель : повесть / М. П. Гоголев. — Кемерово, 2006. — 164 с.

Как и в предыдущей повести «Другой день Ивана Денисовича», автор верен своей гражданской позиции. На судьбах героев повести отразилось действие осуществляемых в стране рыночных реформ. Сюжет ассоциируется со стихийным катастрофическим явлением: стремительным грязевым потоком, разрушающим и смывающим все на своем пути — селем. Отсюда и название. Кто-то в такой ситуации прибрал к рукам немалые ценности, кто-то потерял все, и даже и саму жизнь.

Читая эту повесть, порой принимающую детективно-криминальный характер, нельзя не переживать вместе с автором за судьбу Родины, народа. Сюжет развивается динамично, заставляя читателя с интересом следить за событиями, а в конце задуматься над происходящим.

ББК 84.3Р7

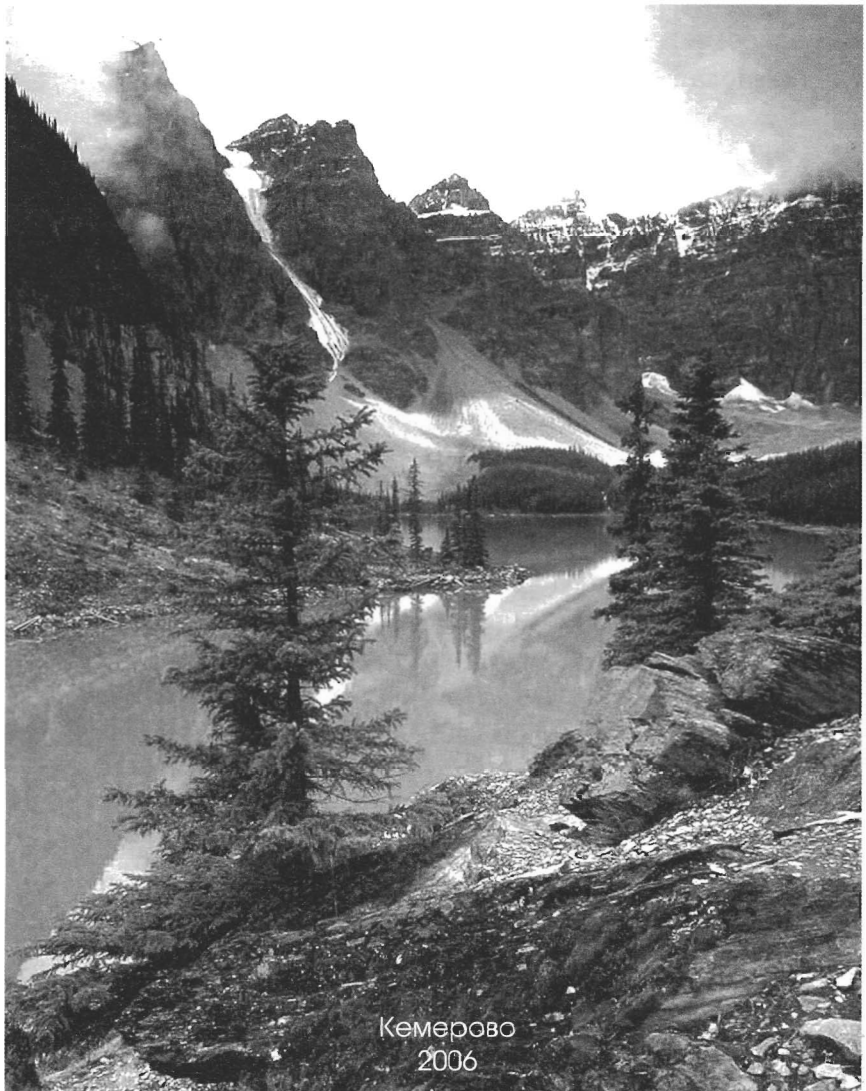
Издано по лицензии союза писателей Кузбасса

ЛР 030775

84 (2100=Kp) 6
Г 58 - кр.

Михаил ГОГОЛЕВ

Сель

Кемерово
2006

Муниципальная библиотека
г. Кемерово
№ 24 60206

К шестнадцати часам все было закончено, записано в журналы, занесено в графики, в таблицы. Напряжение спало. Почувствовал, как по телу разливается усталость. Наступила тишина ожидания окончательной оценки результатов эксперимента.

Телефонные звонки участились: всем заинтересованным хотелось поскорее узнать даже пока еще предварительные данные.

Когда Николай Иванович, старший научный сотрудник, протянул Виктору Ивановичу трубку телефона и сказал, что ему звонят из аэропорта, тот почти вскочил, схватил трубку, волнуясь, громко и весело прокричал в нее:

– Григорьев слушает!

Он надеялся таким тоном успокоить Людмилу. «Вот хам! – подумал. – До сих пор не позвонил ей». Но это была не она.

– А, это ты, Вероника! Что у вас хорошенького? – попытался он придать непринужденность своему голосу, едва скрывая нетерпение поскорее узнать хоть что-нибудь о Людмиле.

– Виктор Иванович, мы с девочками поздравляем тебя с успешным испытанием. Мы уже звонили, и нам дали понять... Мы не хотели тебе мешать... и не приглашали к телефону.

Виктор Иванович почувствовал тревогу в голосе Вероники, а также, что она должна сообщить ему что-то важное. Промелькнула страшная мысль: «ЧП! Теперь самолеты стали чаще падать»...

– Вероника, что случилось? Говори скорее!

– Да ничего страшного. Вот мы тут с девочками хотим сказать... Виктор Иванович, только ты не волнуйся...

– Вероника, не тяни! Говори толком – что случилось? Где Люда?

– С Людой ничего страшного... Она попала в больницу. Мы у нее были...

– Где? Как? Что с нею? – перебил он.

Между тем все потихоньку из кабинета вышли, остался лишь Николай Иванович.

– Виктор Иванович, как освободишься, позвони нам. Мы встретимся и все обговорим, – предложила Вероника.

– Я выезжаю! Сейчас!

Поняв важность ситуации, Николай Иванович предложил подвезти его на своей машине.

По пути в аэропорт Виктор Иванович старался подробно вспомнить происходившее накануне вечером: «Итак, я лег спать. В постели читал перед сном. И хотя рассказ Шукшина был захватывающим, вдруг в душу вкралась неосознанная тревога. В третий раз читал один и тот же абзац, а уяснить сути не мог. Что же мешало? Догадался: Людмила долго не возвращается. На улице темень, уже почти ночь. Беспокойство нарастало. Ничего не сказала... куда ушла? К Вике, на пятый этаж, к Серафиме Петровне в соседний подъезд? К ним она иногда забегает, они к ней тоже – поболтать, «посплетничать»... Попытался успокоиться, но не мог. Вспомнил, что Люда всегда, уходя, бросает: «Я к Вике». Или: «Проведаю Серафиму Петровну». А тут ничего. И какой-то странный телефонный звонок... Снова взял книгу, но читать не мог. Уж не ревную ли? – подумал. И тут же упрекнул себя: этого еще не хватало! Ладно, никуда не денется... Немного успокоился. Решил, надо спать, завтра трудный день, вставать рано. Завел будильник, подумал, может, подождать еще? И тут вспомнился недавний сон. К чему бы это? Сон особый, радостный. Он с Людмилой не то в отпуске, не то в выходной день где-то в деревне. Бегут к реке купаться. Люда убегает, он старается ее поймать. Она увертывается и бежит дальше. Ему так хочется подхватить ее на руки и понести по этим изумрудным лугам. Утренняя свежесть, ясное голубое небо, пылающее, но еще не палящее солнце. Люда сияющая и счастливая! Подол ее легкого платья на бегу раздувается, открывая ноги. Кожа еще не загорела, розоватая. Золотистые волосы развеваются на бегу.

Бежит она, едва касаясь земли, как бы зависая в воздухе, как в замедленной киносъемке. Он любит ее. На душе легко и радостно! Он счастлив. И счастье наполняет, кажется, все пространство вокруг.

Такие сны я готов видеть каждый день. Дальше. Я отложил книгу, выключил бра, повернулся на бок, отгоняя всякие мысли, вскоре уснул. Снилось: что-то не ладится со схемой подключения стенда к электросети, все вибрирует на панели. Вдруг сижу на каком-то совещании и не могу сосредоточиться, потому что клонит в сон. Забываясь, пытаюсь досмотреть сон, в котором мы с Людмилой бежим по луку. И странно: мне это удается. Но теперь все выглядит как-то блекло, серо. Я не могу бежать быстро: ноги как чужие, не слушаются. И мне становится страшно! Люда убегает от меня по-настоящему. Одета почему-то в фуфайку и валенки и не замечает, как на нее несется трамвай, истошно звеня. Я хочу крикнуть ей, предупредить об опасности, но не могу: пропал голос. Мои отчаянные жесты она не замечает. В ужасе я проснулся. Звучно звонил будильник. Включил свет, тут же увидел: рядом кровать пуста. Постель Людмилы осталась не разобранной. Не ложилась? Может, уже встала? Боясь обмануться, позвал ее. Она не отозвалась. Ее вообще дома не оказалось. Не было записки на журнальном столике. Посмотрел на вешалку, понял: не возвращалась. На работу уйти не могла – форменная одежда на месте. Баул, который она постоянно берет с собой, тоже здесь. Плаща нет. Значит, ушла в плаще. Подумал для собственного успокоения: «Придет, куда не денется. Однако, – проносилось в мыслях, – сколько теперь всяких происшествий: ограблений, избиений, даже убийств. А сколько дорожно-транспортных происшествий! Но ей не впервой в ночь, в полночь добираться до аэропорта или оттуда, ловить такси, попутную машину... Как я мог не окликнуть ее, не остановить, не дать знать, что еще не сплю? Конечно же, она думала, что я сплю, не хотела будить. Может, по какому-то срочному делу ее вызвали в аэропорт,

прислали за нею дежурную машину, а потом она осталась там до утра, чтобы не нарушать мой сон?»

Отгоняя мысли о худшем, подумал, она не может меня обманывать, сейчас придет. Не придет – позвоню ей позже. А если ее на работе нет и не было? Если звонить, то так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений.

«Что же все-таки случилось?... Еще раз все по порядку. Я уже был в постели. Она, кажется, читала. Совершенно верно, – там, в кресле, у журнального столика. Вдруг – звонок телефона. Она сняла трубку, отозвалась тихо, чтобы не разбудить меня, слушала. Затем что-то хотела сказать. Возможно, что-нибудь говорила, но я не мог расслышать, так как дверь в спальню была прикрыта. Осторожно отворилась и закрылась входная дверь. Было ясно, она вышла из квартиры. Как же я не придавал значения такому странному телефонному разговору, ее уходу? А к чему относятся ее слова: «Сейчас нельзя»? Точно, эти слова она действительно сказала еще тише, как будто даже с оттенком испуга».

На завтрак пожевал без аппетита хлеба с колбасой, выпил чаю. Выйдя из квартиры, закрыл дверь на ключ, упрекнув себя, что до сих пор так и не продублировал ее железной. Вспомнил, что хотел оставить записку Людмиле, но возвращаться не стал. Посчитал, запиской упрекнет ее, и это может ее огорчить. О себе подумал: «Что это я сгущаю краски! Маю себя. Ничего не случилось. Все нормально».

Свет уличных фонарей, мельтешение фар, смок большого индустриального города требовали повышенного внимания при переходе улиц. Потом и вовсе внимание переключилось на предстоящий день, процессы эксперимента. От его исхода зависит многое. Положительных результатов ждут все, вплоть до замминистра, ведающего вопросами науки. А как же! Ожидаемый эффект не только экономический, но это еще и престиж отрасли. Это заявка на поощрение, на внимание, помощь

институту в дальнейших изысканиях. А главное – дополнительные ассигнования на научные исследования. Да и к почти законченной докторской пригодится, защита будет другого уровня. Представил, как те, что рангом повыше, сумеют показать свою «причастность» к осуществлению и результатам эксперимента, свое «радение» за дело. Но уж если неудача – держись, Григорьев и иже с ним! Быстро найдут крайнего. Не зря говорят, что у хорошего результата много отцов, плохой результат – сирота... Нет, успех будет обеспечен! Он был уверен.

Николай Иванович немного затормозил, все внимание направляя на лавирование в потоке автомашин в «час пик», чтобы быстрее доехать до аэропорта, и не отвлекал товарища от его дум. До аэропорта оставалось ехать каких-нибудь пять минут. Виктор Иванович припомнил, что иногда Людмила вдруг задумывалась, в ее глазах появлялась какая-то грустинка. Или тень тревоги? Теперь это приобретало значение, какой-то смысл. Сейчас он как бы со стороны смотрел на себя и видел, что в его чувствах берет верх ревность. «Влюблен, как мальчишка», – подумал он о себе.

У поворота к главному административному зданию аэропорта ждали Вероника и еще две девушки в форменках бортпроводниц. Виктор Иванович бросился к ним, всем своим видом выражая вопрос.

Вероника, волнуясь, сказала:

– **Люда в больнице.** Она порезана ножом. Находится в реанимации без сознания. Ей сделали операцию. Врачи к ней не пустили. Приезжал следователь. Мы от него узнали, что Люду рано утром обнаружил в парке дворник. Сначала считал, что она мертва, сообщил в милицию. А когда приехала бригада, увидели, что жива, и отвезли в больницу. В кармане плаща у нее оказалось служебное удостоверение. По нему-то сотрудники милиции и сообщили нашему руководству. Мне о ней сказали одной из первых, знают, что я ее подруга. Виктор

Иванович, следовательно предполагает, что на Люду напали не с целью ограбления, потому что с пальцев не сняты золотые кольца и перстень. Он предупредил, что возьмет показания у близко знающих Людмилу людей. Некоторых уже записал. И тебя я назвала. Он записал твой адрес и номер телефона.

Виктор Иванович поспешил в больницу, надеясь более подробно узнать о состоянии жены и, возможно, увидеться с нею. Решил, что в прокуратуру или милицию заедет на обратном пути. «Должен же кто-то работать по горячим следам, – с надеждой думал он. – И вообще постараюсь проследить, чтобы дело расследовали тщательно, и сам следствию помогу. Да-а, но что я могу? Чем помочь? О Людмиле, в сущности, ничего не знаю. Ведь мы встретились и стали жить вместе всего несколько месяцев назад. Что она успела мне рассказать? Не может же следователя интересовать, как сильно..., что она для меня значит... Надо узнать, насколько опасно ранение. Что же все-таки произошло? Почему я, идиот, с нею не пошел? Даже не спросил, куда и зачем идет. Случайное нападение на нее или намеренное? Но за что? Шпана могла натворить. Могло быть и так: Люда шла, хулиганы безобразничали, она вмешалась – она такой человек, не пройдет спокойно, вот и нарвалась. Теперь мало кто осмелится сделать замечание распоясавшимся хулиганам, на помощь никто не придет, даже в общественном транспорте. Вот и пользуются безнаказанностью. Сбиваются в группы, точно волки в стаи. Пьянство, наркомания. Все только сетуют: «Куда идем?» да «Что за молодежь пошла?». А чтобы вмешаться да призвать к порядку, так нет. Стараемся не замечать, отворачиваемся, будто нас это не касается. А подростки все больше наглеют. И вообще какая-то агрессивность в людях...»

Вдруг его осенила догадка: «А что, если это месть со стороны какого-нибудь незадачливого или шизанутого ухажера?»

Между тем такси остановилось у подъезда приемного отде-

ления больницы. Отпустив машину, Виктор Иванович вошел в коридор. Проходившая мимо девушка в белом халате заинтересовалась:

– Вам кого?

– Я... моя жена Черемнова сегодня утром сюда доставлена...

– Идемте, – сказала девушка и привела его в комнату, где находились двое мужчин. Узнав в чем дело, один из них сказал:

– Я дежурный врач, в курсе, только что от пострадавшей. У нее проникающее ножевое ранение в области левой груди. На правой ладони порезы. Потеряла много крови, обширная гематома. Сердце не задето, но легкое пробито. Долго оставалась на земле – переохлаждение организма, а это чревато осложнениями – воспалением легких, почек... Находится в реанимации. Там дежурит опытная медсестра.

На вопрос, можно ли увидеть Людмилу, он ответил:

– Не желательно. Она в бессознательном состоянии. Делаем все возможное.

– Скажите, пожалуйста, что произошло? – попросил Виктор Иванович.

– Обстоятельства мне неизвестны. Об этом вам лучше узнать в милиции. Могу только сказать, что с момента ранения и до доставки к нам прошло не менее шести часов.

Виктор Иванович заикнулся, было, о возможной помощи с его стороны, например, купить какие-то лекарства или взять у него кровь. Но врач тактично сказал:

– Если будет нужно, вас пригласят.

Разговор окончен. Когда Виктор Иванович вышел из больницы, ему захотелось подойти к окну палаты, в которой лежит Людмила, увидеть ее. Но где реанимация? Где это окно? Почему не спросил? Нет, это неуместно... и вообще наивно. Хотя, наверное, врачи привыкают к нелепым просьбам и поступкам родственников больных.

В городском управлении милиции в дежурной комнате находились три офицера в форме и несколько человек в штатском. Звонили телефоны, офицер записывал информацию, отдавал распоряжения. В широком холле и далее по коридору толпились люди. «Приглашенные или заявители? Может быть, и пострадавшие?» – подумал Виктор Иванович.

Судя по всему, формировалась оперативная бригада для выезда. Об этом можно было судить по коротким фразам, репликам, жестам.

Не имевший ранее дел с милицией Виктор Иванович с любопытством наблюдал происходящее, соображая, к кому же обратиться. На очередной звонок сидящий за столом у приемного окошечка дежурный майор с готовностью ответил: «Сейчас выезжают». «Видно, торопит начальство», – подумал Виктор Иванович. В готовой к выезду бригаде он заметил человека в штатском, у которого на ляжке через плечо была сумка с красным крестом. «Врач, – заключил он, – значит, «ЧП» серьезное. Видно, такая обстановка для милиции обычная».

В краткую паузу дежурный через окошечко обратился к нему:

– Молодой человек, вы по какому вопросу?

Выслушав ответ, открыл один из лежащих у него на столе журналов, прочитал запись и предложил пройти в двести седьмой кабинет. Виктор Иванович поднялся на второй этаж. Кабинет оказался закрытым. Возвратившись к дежурному, попросил номер телефона сотрудника, к которому следует обратиться. Этим сотрудником оказался начальник отделения уголовного розыска майор милиции Игорь Васильевич Краснов.

Выйдя из милиции и соображая, что делать дальше, Виктор Иванович вспомнил, что о случившемся с Людмилой еще не знают Вика и Серафима Петровна, которые, возможно,

могут сообщить ему что-либо важное. Городская суета, масса людей, занятых своими делами, вернули его к мысли о собственной сегодняшней суете. Столько всего за один день! Победать некогда, даже на ум не пришло позаботиться о себе.

Вдруг его встревожила мысль: «А что, если Вика и Серафима тоже замешаны? Ведь я их не знаю. Может, с ними лучше сотрудникам милиции поговорить? Нет, Люда не может иметь дело с плохими людьми. Ладно, скажу о них в милиции», – решил он.

Придя домой, почувствовал голод, усталость и... пустоту в квартире. Такой никогда в отсутствие Людмилы не бывало. «Надо взять себя в руки, – почти приказал он себе. – Сначала приготовить ужин и поесть. Нет, сначала принять душ. После ужина спокойно полежать, отдохнуть. Обязательно позвонить в больницу. Продумать все действия на завтра».

Он ходил машинально из угла в угол, заглядывая в спальню, в комнату-подсобку, в кухню, бесцельно перекладывая бумаги на своем рабочем столе. Заглянул в ящики стола Людмилы. И тут подумал: «Какой беспомощный я без Люды».

Звонок телефона показался необычно резким и тревожным. Он схватил трубку:

– Слушаю, Григорьев.

– Это я, Вероника. Виктор Иванович, ты был в больнице, видел Люду?

– Да, был, но ее не видел. Не разрешили.

– А известно, что произошло с нею? С милицией говорил?

– В милицию пойду завтра. Сегодня там нужного сотрудника не застал. А что у вас слышно? Поговори с коллегами, которые ее знают, что думают о случившемся. Надо милиции помочь. Может, у кого-нибудь есть врачи знакомые в этой больнице. Может, лекарства доставать придется. Я заплачу. Завтра, прежде чем идти в милицию, я заеду к вам.

– Виктор Иванович, только сильно не переживай, побереги себя. Люда хорошая, мы все ее любим. Мы будем ездить к ней.

Мы тоже можем пойти в милицию, мы можем сказать о ней только хорошее. Отдохни хорошенько до утра.

– Спасибо, Вероника, спасибо тебе и девочкам. Завтра увидимся.

В тот вечер ему еще звонили товарищи по работе. Интересовались результатами эксперимента, состоянием здоровья жены. Все сочувствовали и подбадривали. Позвонил бывший парторг НИИ, сказал, если нужно, он попросит знакомого ответственного работника милиции внимательнее отнестись к расследованию уголовного дела. Позвонил и зав. отделом НИИ, чтобы сказать, завтра можно на работу не выходить, а «заняться с милицией и больницей».

Несколько успокоенный и ободренный Виктор Иванович принял душ, соорудил нехитрый ужин, напился чаю и взялся за свежую почту, которую, возвращаясь домой, вынул из почтового ящика, но, просматривая газеты, не мог сосредоточиться ни на одной информации. Его внимание вновь и вновь возвращалось к событиям дня: эксперименту, больнице, милиции и жене. Люда-Люда... Невероятная усталость сковала его. Лег в постель и тотчас уснул.

Проснувшись, произвольно повернул голову в сторону кровати Людмилы: пуста... Моментально вспомнил события вчерашнего дня. «Спокойно! Еще раз – спокойно! – командовал он себе. – Все по порядку. Обязательно сделать физзарядку, прибраться в квартире, приготовить завтрак, поесть — силы надо беречь».

Физзарядкой занимался вяло, в мышцах, во всем теле приятного ощущения не появилось. Схватил самые тяжелые гантели, перешел на силовые упражнения. Постепенно приятное тепло разлилось по всему телу. Появилось ощущение «радости организма» натренированного человека, когда тело просит еще и еще нагрузки. Но сегодня на зарядку меньше времени, нужно спешить.

Чем бы ни занимался, он невольно продолжал внушать

себе: «У Люды все обойдется, врачи сделают все возможное, ее организм справится. К ней будут ходить подруги. И меня в горе не оставили, интересуются, сочувствуют. Вокруг столько хороших, отзывчивых людей! Кто я им? Не родственник, не начальник. Не делал им особых одолжений. А как внимательны и участливы! В текучке жизни это не чувствуешь. И то надо признать, в последние годы все в жизни взвинчивается, ускоряется, все бегом да быстрее, быстрее да бегом. И люди отдаляются друг от друга, становятся равнодушными. Так, на ходу: «Здравствуй!» – и в ответ: «Привет!». А случись что – не оставят в беде, – обобщил он. – Надо бы и самому быть внимательнее к другим. И я бегу со всеми, ничего не замечая, кроме своей работы, и только ужасное «ЧП» в моей семье остановило меня. Или это от того, что всяких «ЧП» у нас становится все больше?».

Застигнутый личным несчастьем, Виктор Иванович действительно как бы остановился, чтобы понять, что произошло, почему произошло и что надо предпринять, чтобы ничего плохого не происходило.

В последнее время в нем нарастало непонятное чувство, точнее, тревожное ощущение чего-то, что накатывается на страну, нависает над обществом, как огромная грозовая туча. В атмосфере общественного бытия явно чувствовалось ожидание чего-то угрожающего. Но только сейчас он осознал это всем своим существом.

Отыскав нужный кабинет, Виктор Иванович постучал в дверь. Услышав «Да, входите», вошел, поздоровался.

– Я по делу нападения... ранения Черемновой Людмилы, работницы аэропорта. Я ее муж, Григорьев.

– Соколов Николай Петрович, старший следователь городской прокуратуры, – представился хозяин кабинета. – Мне поручено курировать расследование. Отрабатывается версия

покушения на убийство. Я хотел пригласить вас к концу дня. Но... раз вы пришли... Вы не могли бы немного подождать в коридоре?

Виктор Иванович вышел. В узком, с плохим освещением коридоре слева и справа тянулся ряд дверей. Раньше он в прокуратуре, как и в милиции, не бывал. По табличкам на дверях можно было судить о структуре прокуратуры: прокурор, его помощники, следователи, канцелярия. Что там еще?

Из внезапно открывшейся двери стремительно вышла и натолкнулась на него женщина в форменной одежде с грудой папок. От столкновения часть папок из ее рук выскользнула и упала на пол. Женщина резко, недовольно бросила:

– Простите! – и попыталась собрать их, однако сделать это ей было трудно, так как грозили рассыпаться и другие. Виктор Иванович наклонился, чтобы ей помочь.

– Я сама! – запретила помпрокурорша, судя по табличке на двери кабинета, – Шикина Любовь Николаевна. Но он уже успел поднять несколько папок. Это были материалы уголовных дел, и он понял, что Любовь Николаевна не должна была позволять постороннему человеку прикасаться к ним. Это его обескуражило.

Отдавая злосчастные папки, он приблизился к ней и почувствовал запах дешевых духов, увидел лицо переутомленного человека. На вид ей было лет сорок пять, возможно и меньше. Лицо все же миловидное, а форменная одежда не скрывает изящной фигуры. «В молодости она была красива», – заключил он.

Помпрокурорша со своими папками ушла в канцелярию, вызвав у Виктора Ивановича грустные размышления о женщине: «Работает до переутомления и старится раньше времени, корпя над разбором преступлений. Живет по существу разбором чужих судеб и не имеет возможности позаботиться о себе. Работы прокуратуре все прибавляется. Где та грань, которая отделяет эту женщину от чужого, грязного, прес-

тупного? И где начинается свое, личное, счастливое?».

С улицы вошел мужчина и с ходу, без стука и приглашения, вошел в кабинет Соколова. «Ну, теперь надолго, – подумал Виктор Иванович. – Напомнить о себе, что ли?». Но тут вышел сам следователь и пригласил его к себе. Оказалось, к Соколову пришел начальник отделения уголовного розыска городского управления милиции Игорь Васильевич Краснов. Соколов попросил рассказать, какие обстоятельства заставили потерпевшую оказаться на улице в столь поздний час. А выслушав, сказал Виктору Ивановичу:

- Я понимаю, вы человек занятый, и, чтобы не терять времени на составление протокола, прошу вас изложить письменно все, что считаете нужным по обстоятельствам события. Отдельно составьте, пожалуйста, список подруг, друзей, родственников вашей жены, изложите характер их взаимоотношений.

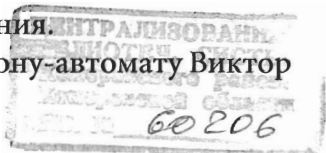
Тут заговорил Краснов, заметив:

- Я считаю версию ограбления маловероятной: ценные вещи, например, золото, не взяты. У меня к вам просьба: посмотрите, пожалуйста, не сохранились ли письма, открытки, телеграммы, возможно, поступившие на ее имя. Нет ли у нее записных книжек или каких-то других записей, которые могут пролить свет на происшествие. Может, вы вспомните какие-нибудь подробности телефонных разговоров вашей супруги. Прошу обратить внимание, не будет ли кто из посторонних проявлять к происшествию повышенный интерес. Или наводить справки о Людмиле Петровне, о вас тоже. В таком случае постарайтесь меня найти, не откладывая. Вот вам номера телефонов.

Выходя из прокуратуры, Виктор Иванович решил поехать в больницу. Там врач о Людмиле сказал:

- Состояние тяжелое, но надеемся, опасности летального исхода удалось избежать. К сожалению, долго оставалась без медицинской помощи. Все еще без сознания.

Ответ был исчерпывающим. По телефону-автомату Виктор

Иванович позвонил начальнику отдела своего НИИ. Тот сказал, что продолжается оформление результатов эксперимента. Посоветовал в институт не приезжать, если он занимается с прокуратурой и милицией.

Долго не мог начать писать. Как будто ничто не мешало, а вот сосредоточиться не получилось. В памяти всплывали разные события, но выбрать нужное для Соколова и Краснова оказалось трудно. «Ладно, все по порядку. Пусть читают, а то еще будут изучать версию, не я ли хотел ее убить. Как-то неловко получается, ведь и о себе приходится писать. Что подделаешь, если прокуратура, милиция, суд, медицина тем успешнее решают свои задачи, чем лучше знают человека, в судьбе которого принимают участие.

Но дело у него явно не шло. В квартире тихо. Нахлынули воспоминания.

... Галина Ивановна, классный руководитель девятого «в», привела в класс незнакомую девочку и сказала: «Принимайте новенькую. Люда Черемнова в наш город приехала с родителями. Ее папу перевели по службе. У Люды в ведомости неплохие оценки, и я надеюсь, в нашей школе она будет учиться тоже хорошо, а вести себя достойно и бороться за честь класса».

Классная попросила отнестись к новенькой так, как полагается хорошим ребятам, и предложила старосте Кате Серовой взять над ней шефство.

Девочке предложили занять любое свободное место. Без особого стеснения она подошла к парте Вити Григорьева и дружелюбно спросила: «С тобой можно?» Не дожидаясь ответа, села. Для него это было так неожиданно, что он смутился и так ничего и не ответил. Другие мальчишки откровенно рассматривали ее, а он от смущения не поднимал глаз. От этого ему было еще более неловко. Тем более, что она ему сразу

понравилась. Потом он понял, что она ведет себя так просто и свободно потому, что с переездами семьи учится уже в четвертой по счету школе, привыкла. Теперь, когда она была совсем рядом, он видел лицо ее, шею, руки. Светлые волосы заплетены в две косички.

Как только Галина Ивановна вышла, класс взорвался: многие повскакали с мест, загалдели. Девочки поспешили окружить новенькую, чтобы познакомиться, спрашивали, откуда она, хороший ли там город, что танцуют, была ли у них «клас-ная дама» и т.д. и т.п. Мальчишки заглядывали через плечи девчонок, некоторые паясничали, кривлялись, пытались остерить — старались всеми силами обратить на себя внимание. В отличие от других Витя почти неподвижно оставался на месте. И злился за это на себя. В класс вошла математичка и выручила его. Все быстро заняли свои места, поздоровались и затихли, шурша тетрадями и учебниками.

Новенькая заговорила с ним первой, шепотом спрашивая, почему он сидит один, злая ли математичка, любит ли он математику и вообще — какой предмет у него самый любимый. Витя отвечал односложно и от этого только больше смущался. Он, хотя и не смотрел по сторонам, но чувствовал, Люда продолжает привлекать внимание класса. Особенно придирчиво рассматривали ее признанные модницы, но и у мальчишек свой интерес: придумать прозвище, понравиться. Люда, конечно же, замечала внимание к себе, но никак не реагировала.

Наконец, прозвенел звонок. Виктор в числе первых выско-чил из класса и постарался затеряться среди ребят. Однако Петька Свиткин, вездесущий остряк и задира, отыскал его и сходу:

- Ну, как она?

Витька притворился, что не понимает вопроса:

- Кто?

- Ну эта, новенькая?

Витька пожал плечами.

– Вы же весь урок проговорили! Познакомились? – допытывался любопытный Петька.

– Нет. Зачем мне? Иди знакомься, если надо.

– Ну ты даешь! – воскликнул Петька. – Растяпа! – и юркнул в гущу учащих.

К концу уроков волнение вокруг новенькой улеглось, класс ее принял. Староста выяснила, принята ли она в комсомол и какую общественную работу хотела бы вести здесь. Оказалось, Люда участвовала в художественной самодеятельности: декламирует, любит стихи. В комсомол еще не вступила – мешал переезд. Жила в Первомайске, до того в Загорске. Все поняли, почему она так быстро сходится с ребятами.

Прошла неделя. Люда вела себя со всеми «на равных». Виктор помогал ей по математике и физике. Люда училась старательно, но точные предметы давались ей с трудом. Она же помогала ему в английском.

Люда сразу вошла в число лидеров класса. Она была модной девчонкой, хорошо одевалась. Носила на руке маленькие симпатичные часики на браслете. Любила всякие украшения. Ей льстило внимание девочек и мальчишек. И не только из их класса. С ней было интересно. Она с родителями, когда отец бывал в отпуске, отдыхала на море, побывала уже в Москве и в Ленинграде. Со знанием дела, свободно говорила о моде, о современной музыке, танцах, о поведении «золотой молодежи» Запада и «безнадежной отсталости» нашей молодежи.

В десятом классе Люда уже заметно отличалась от других девочек своей привлекательной внешностью. Была жизнерадостной, общительной. Она постоянно находилась в кругу подруг. И пока еще ни с кем из мальчиков не дружила. Училась хорошо, но отличницей не была. Еще в девятом ее приняли в комсомол, а в десятом избрали в бюро школьной комсомольской организации, где она отвечала за сектор культуры. Через эту общественную работу круг ее подружек рас-

ширился. Все большее число мальчишек пыталось добиться ее расположения.

Виктор Иванович и теперь с чувством неловкости вспоминал, как он досадовал на себя за то, что, в отличие от других ребят, не умел, не мог водить дружбу с девчонками. В группе ребят он чувствовал себя свободно. Но едва оставался с кем-либо из девчонок, не находил о чем с ними говорить, кроме математики и физики. Все слова куда-то терялись, мысли замирали вместе с ним. Хорошо, если девчонка болтушка или смелая, сообразительная, тогда она брала инициативу в свои руки и выводила его из потеряннного состояния. И потому ни с кем из них дружба не складывалась. После понял, причиной была и Люда. А какое-то время он просто не осознавал, насколько он увлечен ею. Не представлял даже возможным, чтобы такая умненькая симпатичная девочка обратила на него внимание. Но получалось, сам-то никого, кроме нее, не замечал.

Отношения с Людой прояснились перед весенними каникулами по ее инициативе. Был март, но по зимнему холодно, каток в городском саду еще работал. Как всегда, он невольно наблюдал за Людой, окруженной подружками и мальчишками, весело скользящими по льду. И вот перед закрытием катка, когда трижды промигали огни, Люда подкатилась к нему и сказала:

– Витя, пойдем домой вместе. Я тебе что-то скажу... – и, загадочно улыбаясь, покати́лась к выходу. Ему ничего не оставалось, как немедленно последовать за нею. Он старался не потерять ее из виду.

Пробираясь в толчее раздевалки, ужаснулся мелькнувшей догадке: «Разыграть решила... В таком случае лучше не подходить к ней».

Жили они в одном микрорайоне, но ему было удобнее с катка возвращаться трамваем, ей – троллейбусом. «Вот она опять в окружении свиты», – досадовал Виктор.

В раздевалке была давка. Шпана толпилась, выжимая из очереди других. Отдельные старшекласники, немного хамя под видом дурашливости, старались через головы получить одежду. Они также всовывали в руки первоочередным свои жетоны на одежду. На замечания девочек еще больше распялились, напирали, грубо и пошло острили. В такой ситуации он решил, в случае чего, заступится за Люду. «С такими двумя-тремя могу потягаться силами. Только бы пришлось заступиться...», – взмолился он неизвестно кому. Вдруг Виктор заметил, что Люду приглашают знакомые девчонки. «Уйдет с ними...», – оборвалось у него сердце. Но Люда пробилась к ним, отдала свой жетон и буквально подскочила к нему, выхватила из рук его жетон и тоже передала.

Получив одежду, Люда быстро увлекла его в более свободный угол, где они и оделись. При этом Виктор, волнуясь, не совсем ловко помог Люде надеть пальто. Люда вела себя с ним свободно и уверенно, как будто не замечала его волнения. Он же совершенно не знал, как себя вести. В голосе Люды появились небывалые ранее в разговорах с ним теплота, нежность. Вот и пальто свое она сама дала ему в руки, чтобы помог надеть.

– Пойдем. – сказала Люда, увлекая его и уклоняясь от встреч со знакомыми.

На улице, едва выбравшись из толчеи, она ухватила его под руку, загадочно произнесла:

– А у меня новость.

Виктор молчал, не находясь, что сказать. Не дождавшись ничего, добавила:

– А я уезжаю.

В голову его и сердце ударило жаром. Он совсем онемел. Пронеслась мысль: «Она так и не узнает...». Он молчал. Она, выступая вперед, в темноте заглядывая ему в лицо, тормоша его, с нетерпением спросила:

– Ну? Ты чего молчишь? Я тебе первому говорю. Ты ведь друг мне? Отвечай!

- Насовсем уезжаешь? – буркнул он, мало что соображая от неожиданного сообщения.

Его волнение Люда, кажется, заметила. Голос ее стал теплее, она плотнее прижалась к его плечу.

Папу переводят в Москву. Он уже уехал. Мама опять чемоданы собирает.

Витька молчал.

- Ну, скажи хоть что-нибудь! Ты не рад? Или тебе, действительно, все равно? Ты хочешь, чтобы я уехала?

- Когда уезжаете?... Последний год... Выпускные, – сгорая от собственной беспомощности, мямлил он.

- Папе предложили посмотреть две квартиры. Он звонил сегодня утром. Советовался с мамой. Надо будет еще ремонт сделать. Школу я буду заканчивать здесь. Это решено. И мама будет со мной. Она завтра вылетает в Москву смотреть квартиру.

Люда говорила о необходимости снова привыкать к обстановке, заводить новых друзей. Какую-то особую теплоту чувствовал он к этой девушке. Но нарастала и тревога: «Уедет в Москву, окунется в новую для нее жизнь, интересы будут совсем другие, московские. И забудет обо мне». Он, поддерживая разговор, старался не выдавать своего чувства. Да и слов много не требовалось, потому что Люда говорила почти без умолку.

Подшли к подъезду ее дома. Пухлые снежинки оседали на ворсе ее шапочки, на воротнике. Лицо ее горело, в обрамлении снежинок смотрелось сказочно красиво. «Настоящая Снегурочка!» – восхитился Виктор. Наблюдал украдкой. Смотреть ей в лицо, любоваться им открыто не смел. Он волновался, боясь получить отрицательный ответ, спросил:

- Писать будешь?

Она ответила вопросом:

- А отвечать будешь?

Лукаво посмотрев, сказала:

– Ты, Архимед, будешь по письмам помогать мне по математике. Нет, ты обязательно поступай в Московский университет.

Она ласковым движением рукавичкой смахнула снег с его куртки, уткнулась ему в грудь лицом, тут же поднялась на цыпочки и быстро поцеловала его в щеку. Не успел он опомниться, как Люда вскочила в подъезд.

«Дурак! Идиот! – вслух обругал он себя, обрывая столь дорогие воспоминания»...

... Да, но что писать следователю, угрозыску? Надо сосредоточиться. Представить, что бы меня интересовало, будь я следователем. Начнем отвечать на вопросы... Письма, открытки, телеграммы...

Преодолевая чувство неэтичности рыться в чужих вещах, Виктор Иванович подошел к журнальному столику, у которого Люда обыкновенно устраивалась в мягком кресле у настольной лампы, и стал перебирать лежащие там бумаги: ее служебные документы, различные записи, письма родителей. «А это что за письмо? В Москву...Медведеву Ивану Петровичу...Марка не погашена – не отправлено. И не заклеено. Может, в нем что-то важное?» Вынул из конверта лист и стал читать. Людмила писала:

«Здравствуйте, Иван Петрович! Я еще раз благодарю Вас за поддержку и помощь. С вашей легкой руки я, кажется, обрела семейное счастье. Я не стесняюсь это говорить вам, добрый человек, Иван Петрович. Я встретила здесь своего друга школьных лет, с которым у меня был «школьный, юношеский роман». Он был женат, разведен, так что мы оба – «два сапога – пара». Звать его Виктор, Виктор Иванович. Он инженер, занимается наукой и успешно, подготовил к защите докторскую диссертацию. Работает в научно-исследовательском институте производственного объединения, которое считает ся режимным, и институт режимный. С работой у меня все

нормально, коллектив принял хорошо, люди здесь добрые, внимательные. У меня появились подруги. Я как вновь родилась.

Иван Петрович, сложилось все так, что вопрос о моем возврате в Москву на прежнее место работы, как Вы понимаете, отпал сам собой: от добра добра не ищут. Значит, так судьбе угодно. Два раза пыталась поговорить с Вами по телефону из Домодедово, но Вас на месте не было, вот решила написать. Еще раз спасибо, Иван Петрович. Людмила (пока еще Черемнова)».

Виктор Иванович читал в великом волнении. Охватывали чувства радости, благодарности Людмиле, судьбе. Промелькнуло позднее раскаяние: «Как мог допустить мысль о неверности? А почему письмо не отправлено, не запечатано? Может, хотела сама мне его прочитать?».

Не найдя ничего, что могло бы, по его мнению, заслужить внимание следователей, он аккуратно разложил все по своим местам. «Но что же это за телефонный разговор? Тайный уход, нападение?» – возникали у него вопросы. И снова стал казнить себя, почему не вник, не остановил? И опять прорезалось в мозгу, в сердце: «Почему ни разу не выслушал? Ведь она пыталась о своем прошлом рассказать. Нет, Людмила не может быть нечестным человеком, неискренней со мной. Здесь какие-то другие обстоятельства, которые действуют помимо ее воли. Ее нужно уберечь, оградить. Надо вспомнить и написать все, что может пригодиться следствию. И письмо передать? Нет, посоветуюсь с Людой... как придет в сознание...».

Думая о совместной жизни с Людмилой, Виктор Иванович на отдельные обстоятельства смотрел по-новому: Людмила говорила, что мужа оставила сама, из Москвы уехала временно. Но почему она уехала из Москвы аж «на край света», бросила международные рейсы и перешла на внутренние? И безо всяких признаков сожаления. Не хотела быть обузой для родителей? Возможно. О бывшем муже, причинах раз-

рыва с ним ее не спрашивал, считал недостойным для себя «копаться» в прошлой ее жизни, не хотел причинять ей возможные неприятности, довольствовался тем, что она сама говорила. О прежнем муже плохо не отзывалась, но отмечала, что он «слабохарактерный», «дружки его довели», «решила побыть подальше от всего этого», уехать. Из ее случайных воспоминаний можно было представить, что временами жили в достатке, с мужем и друзьями бывали в ресторанах, выезжали на дачи. Но приходилось порою строго контролировать расходы. Получалось, Людмила, как могла, боролась за мужа.

Вспомнилась встреча с ней после долгих лет. Он возвращался из командировки. В салоне самолета ему показалось, что одна из бортпроводниц кого-то напоминает. Сначала ее лица не разглядел, не успел, увидев его вполоборота, и тут же она скрылась за ширмой соседнего салона. Но как только все заняли места, в салон вошла та самая стюардесса и обратилась к пассажирам, как обычно, от имени экипажа. Все слушали ее с интересом, потому что любовались ею, высокой, стройной, с красивым лицом и волнистыми волосами по плечам. Форменная одежда делала ее изящной. И Виктор Иванович узнал ее. Определенно это была она, его школьная подруга! От неожиданности непроизвольно осел глубже в кресло, как будто хотел спрятаться от ее глаз.

Пассажиры внимали ее четким, доброжелательным словам. Он же слышал только голос, не различая слов. Все мысли слились в вопрос, как заговорить с нею? Или ждать, когда будет подавать обед или воду? Может, пойти к ней в служебное отделение? Но что подумают пассажиры: «Прохиндей увязался за красивой девушкой». Заговорить надо, чтобы хоть что-нибудь узнать о ней. Экипаж и самолет Северного. Значит, она живет в Северном! – догадка обрадовала его и заставила еще больше разволноваться. Но, возможно, ее послали в рейс вместо нашей бортпроводницы, которая осталась в Москве по какому-нибудь случаю? Заболела, например. В аэропорту,

по прилету, все равно подойду. Может, она прикомандирована именно к нашему аэропорту? А если живет в нашем городе?...Надо узнать, замужем или нет. Поистине, мир тесен...

Когда в аэропорту он ее окликнул, она сразу же его узнала. Как говорила потом, узнала по голосу. Она подошла к нему, обрадованная, со словами:

- Витя, ты?

Руки ее были заняты сумкой и коробкой, через плечо на ремне висел баул. Она засыпала Виктора вопросами, принимая, кажется, за прилетевшего в Северный в командировку.

- Ты надолго сюда? Ты часто здесь бываешь? Где останавливаешься?

Как и прежде, общительность Людмилы выручила его. Он только радостно и смущенно улыбался, не сводя с нее глаз.

Вечером они долго гуляли по городу. Говорили без конца. Он чувствовал себя совсем свободно, будто разлуки и не было. Говорили, перебивая друг друга, перескакивая с одного на другое. Столько у каждого было, о чем хотелось рассказать! Она узнала, что он был женат на сокурснице, которая не хотела детей, стремилась к «красивой жизни», а он не имел возможности и не стремился к материальному обогащению. Словом, через два года они расстались, он уехал в Северный. Развод оформили после.

Встречаясь при каждой возможности, Людмила и Виктор однажды просто не расстались. Спустя два дня пригласили друзей в малый зал ресторана «Ясные Зори», где и состоялся свадебный вечер. Гости искренне восхищались молодоженами: такая замечательная красивая пара!

В тот день Виктор Иванович так ничего и не написал следователю. В лаборатории сослуживцы относились к нему с сочувствием. На другой день, проверив готовность каждого работника к проведению очередного этапа эксперимента, он позвонил в больницу. Дежурная врач, уточнив, кто звонит,

сказала, что состояние больной остается сложным. На вопрос, можно ли ее увидеть, ответила, что больная по-прежнему без сознания, и что сегодня о ней справлялся «мужской голос». Однако, на вопрос, кто интересуется, мужчина ничего не ответил и положил трубку. «В общем, – сказала врач, – имейте в виду, никаких сведений о больной ему не сообщено».

Эта новость вызвала настороженность и беспокойство у Виктора Ивановича. Он тут же сообщил о ней по телефону в угрозыск Краснова. Краснов попросил его приехать.

Начинался рабочий день, и в кабинете начальника уголовного розыска Краснова постоянно раздавались звонки, запрашивали информацию. Игорь Васильевич держался спокойно, отвечал со знанием дела и с готовностью выполнял поручения вышестоящих начальников. «Разве можно в таких условиях глубоко вникать в суть каждого преступления? Сможет ли милиция, Игорь Васильевич, в частности, быстро и полностью раскрыть преступление против Людмилы?» – думал Виктор Иванович.

Наконец, между звонками образовалась пауза. Краснов извинился, развел руками, дескать, видите, какая ситуация, и доверительно сказал:

– Ничего не поделаешь, время такое. То ли еще будет...

Однако уточнять смысл сказанного не стал, пригласил поближе к столу и приготовился слушать.

Виктор Иванович рассказал, что неизвестный мужчина проявил интерес к состоянию здоровья Людмилы. Начальник угрозыска вновь попросил и дальше ставить его в известность о подобных фактах. Он хотел получить какие-либо дополнительные сведения об обстоятельствах, побудивших Людмилу уехать из Москвы, о ее связях там, но Виктор Иванович не мог добавить к ранее сказанному что-либо существенное. Так, в общих чертах: была замужем, муж спился, чего-то там домогались от него его друзья. Жить с ним

стало невозможно. Через аэрофлот откомандирована сюда, в Северный, чтобы разрядить семейную драму. «Из отдельных штрихов ее раасказов могу предположить – но это уже сейчас, после случая с нею, – ей в Москве что-то угрожало».

– Давайте будем отрабатывать и эту версию: «московский след», – сказал Краснов.

Виктор Иванович передал Краснову список известных ему знакомых Людмилы, подготовленный по просьбе следователя. Тут были сведения и о ее родителях, указан их московский адрес.

С грустными мыслями возвращался Виктор Иванович на службу. У проходной встретилась инспектор отдела кадров, спросила:

– Ну как, Виктор Иванович, нашел вас ваш знакомый?

– Какой знакомый? – не понял он.

– Ну, как же? Дней десять назад звонил мужчина, интересовался вами, представился вашим знакомым и просил номер вашего домашнего телефона. Такой, знаете, приветливый. Я дала ему ваш телефон. Не звонил?

– Нет, Валентина Сергеевна, никто не звонил. А что он о себе говорил?

– Сказал, что учились вместе, что он в командировке. Разговор был коротким, я не успела запомнить фамилию. А зовут Александром.

«Случайно или нет наведение справок обо мне и Людмиле? Да мало ли кто из прежних соучеников мог вспомнить обо мне. Но, все равно, об этом надо сообщить Краснову», – решил Виктор Иванович.

Слухи о нападении на стюардессу быстро распространились по городу. Одни говорили, что ее ограбили: сняли золотые часы, кольца, вырвали из ушей серьги, забрали много денег. Другие, что напал насильник, угрожал ножом и применил его. Третьи, что стюардесса состояла в банде, ей в разборке отомстили. И т. д.

На другой день после происшествия двое сотрудников милиции опрашивали у входа в парк граждан, задавая им одни и те же вопросы: часто ли пользуются этим маршрутом, может, проходили здесь в последние два-три дня около двадцати двух-двадцати трех часов, не замечал ли кто чего особенного, что привлекло бы внимание человека, может, с подозрительным поведением, например, поджидал кого-то здесь, не видел ли кто здесь молодую женщину по таким-то приметам?

Опросили десятки людей. Почти все они постоянно ходят здесь, спеша на расположенную у входа в парк остановку городского транспорта. Но возвращались этим же путем единицы. Чего-либо, заслуживающего внимания, у них узнать не удалось. Подобный вечерний опрос также ничего не дал.

Обдумывая ситуацию, Краснов учел, что эта часть парка мало освещена, а в глубине его вообще глухомань. Сооружений для игр, развлечений в этой части парка и поблизости нет. С учетом расположения дома, в котором живет потерпевшая, и транспортной остановки, женщина не могла постоянно ходить через парк. Следовательно, пришел к выводу Краснов, она оказалась здесь не по своей воле. Под воздействием неизвестных обстоятельств она появилась в такой поздний час в парке.

По рекомендации Краснова опросили водителей троллейбусов и автобусов, работавших в тот день на этом маршруте в вечерние часы. Один из водителей троллейбуса рассказал: «В тот вечер, примерно в двадцать три часа пятнадцать минут, а я работал в режиме расписания, на остановке «Космос», предыдущей перед остановкой «Парк», в троллейбус вошел молодой мужчина в состоянии сильного опьянения. В вечернее время пассажиров в салоне мало. Вел себя мужчина беспокойно. Как вошел, стал смотреть в окно в сторону парка, к которому подходил троллейбус. Затем он перешел и смотрел

через заднее окно туда же, пока троллейбус не свернул на улицу Мичурина. В пути следования он внимательно рассматривал пассажиров, особенно входивших».

Все его действия водитель видеть не мог, но приметы, в основном, запомнил: выше среднего роста, нормального сложения, круглолицый. Одет в плащ темно-коричневый, скорее всего импортного производства, вероятно, финского, такие несколько лет назад поступали в продажу. Гражданин был без головного убора, волосы русые, стрижка короткая. Каких-либо характерных примет водитель не заметил. В руках гражданин держал «дипломат» черного цвета, доехал до конечной остановки «Аэропорт». Ни до этого, ни в последующие два дня он этого человека не видел.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска ознакомился в аэропорту с документами оформления полета пассажиров. Особенно тщательно просмотрел документы на вылетевших в Москву. Опросил занятых в ту смену работников, имевших отношение к обслуживанию пассажиров и рейсовых самолетов. В результате был выявлен пассажир Сазанов С. В., вылетевший в день преступления в Москву и имеющий некоторое сходство, по приметам, с человеком, о котором рассказывал водитель троллейбуса. Созвонившись с Григорьевым, Краснов назвал ему приметы этого гражданина и его фамилию. Виктор Иванович сказал, что человека с такими приметам и по такой фамилии он не знает. В свою очередь сообщил Краснову, что некий неизвестный, под видом бывшего однокурсника по институту, наводил о нем справки, получил номер его домашнего телефона. Краснов попросил быть осторожнее, осмотрительнее и сказал, что в ближайшее время пригласит его для беседы.

Закончив планерку и отпустив сотрудников, Краснов стал обдумывать дальнейшие действия по делу стюардессы. Сняв трубку на очередной звонок, услышал голос начальника

отдела уголовного розыска Свиридова Станислава Антоновича. Тот сообщал, что к дежурному обратился молодой человек, он хотел бы рассказать об обстоятельствах, возможно, относящихся к нападению на стюардессу. Краснов решил лично выслушать этого человека и попросил направить его к нему в кабинет.

Заявителем оказался молодой парень, токарь машиностроительного завода Николай Хворостов, недавно демобилизованный из армии. Был он выше среднего роста, крепкого сложения и, видимо, здоровья, держался скромно, но не скованно. О себе рассказал, что служил в Афганистане в десантных войсках, имеет ранения, награды.

Николай не исключает, что то, что он видел в парке, относится к происшествию со стюардессой. В тот вечер он с невестой, после кино, сеанс которого начинался в двадцать часов, гуляли там. Когда оказались в менее освещенной аллее, присели на скамейку. Вскоре парк опустел. Вдруг их внимание привлекли двое мужчин, вошедших со стороны остановки городского транспорта, с аллеи сошли в тень. Мужчины остановились недалеко от входа в парк, явно кого-то ожидая. Николай отметил, что один из них человек среднего роста, в куртке темного цвета немного прихрамывал на правую ногу, примерно так, как прихрамывают при растяжении сухожилий, когда нога полностью не разгибается. Второй мужчина выше среднего роста, одет в плащ также темного цвета, был он не то пьян, не то сильно возбужден, что-то пытался говорить, но первый его сдерживал. У второго в руке был «дипломат». При слабом освещении и на расстоянии примерно девяноста-ста метров хорошо рассмотреть мужчин он не мог. Да и особого внимания им не придал. К тому же его невеста опасалась, что между мужчинами может возникнуть ссора, и, полагая, что Николай обязательно вмешается, чтобы их разнять, настояла уйти «от греха подальше». И они пошли, однако, успели заметить, что в парк вошла женщина и подошла к мужчинам. Все

трое еще дальше углубились в темноту.

Выяснив, что Николай в настоящее время располагает временем, Краснов организовал повторный осмотр места происшествия и прилегающей территории. В результате был обнаружен нож «финка» с наборной ручкой. Лезвие и рукоятка были, вероятно, в крови. Нож соответствующим образом упаковали и оформили протоколом.

Зазвонил телефон, Виктор Иванович взял трубку:
– Виктор, здравствуй? Это Василий. К тебе можно? Я прилетел утром, день промотался по городу. Есть хочу. У тебя найдется перекусить? Людмила дома?

– Да, конечно... Но Люды нет... Ты откуда звонишь?

– Засиделся в вашей редакции. Ладно, я мигом.

«Хорошо или плохо, – подумал Виктор Иванович, – что сейчас явится старый друг, одноклассник, Васька Суслов, собкорр центральной газеты? Да, конечно, хорошо. Посмотрю, что есть в холодильнике. Уже два дня ничего не покушал. Отощал за эти дни. Васька, этот шалопай, непримиримый спорщик, нетерпимый к лицемерию и чванству, закончил факультет журналистики. Молодец!».

Минут через тридцать, когда на столе уже были нарезаны помидоры, сыр, колбаса, а на сковороде шипело сало для яичницы, в прихожей раздался звонок.

Да, это был Василий, оживленный, шумный. Обнимая Виктора Ивановича, радостно затормошил его:

– Здравствуй, здравствуй доктор! Тебя уже можно поздравить? Или ты хочешь сделать открытие, чтобы сразу в книгу Гиннеса? Вычислил уже, когда мы с тобой полетим в другую галактику? Или скрываешь свое изобретение? Ну, показывай свою спутницу жизни. До сих пор не было случая увидеть ее. Где же она? Постой, ты чего такой серьезный? Уж не случилось ли чего? Ну-ка, ну-ка! Давай, рассказывай. Неприятности на работе? Изложи-ка собкорру!.

Суслов остановился, прервав свой монолог, внимательно разглядывая друга.

– Пойдем на кухню, за ужином все расскажу. Это не просто – одним словом не скажешь. Потерпи. Вот только у меня хлеб черствый. Но есть можно, – говорил Виктор Иванович.

– Пойдет. У меня тоже кое-что есть. Конфеты, консервы – нашему брату нельзя без «НЗ». Ну, пойдем: я голоден, аки волк.

– Извини – сало горит. Чайник уже зашумел.

Суслов, успевший бегло осмотреть квартиру, заметил:

– Ну, вот, сразу чувствуется женская рука в доме. Покажи хотя бы портрет или фото твоей Людмилы, Руслан. Какая она стала? Придет – не узнаю. Руслан и Людмила – здорово! Где же она?

Заметив, что друг сдержан, Василий вновь участливо обратился к нему:

– Ну, старик, не май душу: что случилось? Отчего не весел, буйну голову повесил? Выкладывай – есть не буду.

– Люда в больнице, Василий.

– Что с ней?

– Понимаешь, какая-то загадочная история... В общем, кому-то она помешала. Или перед кем-то виновата, что ли.

– Давай суть. Что с нею? Травилась?

– Да нет, что ты! Под нож попала.

– Как «под нож»?

– Да так. Вечером. Выманили из дома.

– Ты в этом уверен – «выманили»?

– Да нет, не уверен, но все к тому. Как я понимаю, и следствие к тому же склоняется...

– Как все было? Претензии были? К тебе, к ней – от бывшего мужа?

– Давай есть. Подожди, кажется, у меня кой-чего найдется немного. Давно стоит – за встречу.

Волнуясь и немного сбиваясь, Виктор рассказывал свою

историю. Василий внимательно слушал, иногда кое-что переспрашивал, просил повторить, профессионально улавливая важные моменты. В результате и сам Виктор увидел происшествие в новом свете, иначе относясь к отдельным обстоятельствам. Такого подробного разговора и со следователем не было.

Сулов просил подробнее рассказать о причинах разрыва Людмилы с прежним мужем и выезда ее из Москвы.

- Случай в практике редчайший, чтобы человек по своей воле оставил столицу, - аргументировал он дотошность своего интереса.

- Понимаешь, она пыталась что-то мне рассказать, но я не проявил интереса - ну, не обязана же она исповедаться передо мной. Зачем, думал, это нужно? Так, имею общее представление. Видно, неплохой был парень, но спился: друзья, компании. Теперь это не редкость. Словом, оставила его.

Когда же Виктор Иванович рассказал об обстоятельствах ухода Людмилы из квартиры, а потом о проявленном к ней и к нему интересе каких-то людей, Василий, полушутя-полусерьезно, воскликнул:

- Ну, Витя, здесь мы имеем дело с мафией! Обещаю написать роман, сюжет уже готов! Я шучу, конечно. Но я тебя знаю: ты не фантазер, чтобы сочинить такое. Каково состояние Людмилы? Она может что-нибудь рассказать?

- В том то и дело, что не может. Лишь на короткое время приходит в себя и опять впадает в забытие.

Виктор встал, возбужденный, прошелся по комнате туда-сюда, снова присел к столу. Налили по второй.

- Успокойся, Витя, я тебя понимаю. Все ли делают врачи?

- Все, что необходимо. Дело не в возможности, а в тяжести, точнее - в побочных осложнениях. Долго пролежала после нападения, потеряла много крови, к тому же переохладилась. Казню себя: почему ее не остановил, не догнал!

- Успокойся, - вновь попросил Василий. - Если это месть

или ее преследуют, что в общем, одно и то же, то не сейчас, так когда-нибудь после и, может быть, с худшими последствиями...

– Да уж, куда хуже!...

– Бывает. Нашему брату эти вещи хорошо известны. Слышал про журналистские расследования?

Друзья проговорили за полночь. Вспомнили школьные, студенческие годы, друзей. Касались проблем образования, свободы слова, сепаратизма и экстремизма, общественно-политических процессов. Виктор давно не интересовался чем-либо кроме своей работы – изысканий в области новых технологий – и потому словно отрывал взгляд от рабочего стола, по-новому всматриваясь в окружающий мир, вслед за Василием. Увидел, как далек он от политики. Конечно, журналисту центральной газеты много известно, потому и судить ему легче, что происходит в стране. Ему понятно, что за маховик раскручивается, кому это выгодно, к чему это может привести и уже приводит. Но сколько это будет продолжаться? На этот вопрос и он ответить не может.

Время от времени Василий вновь возвращался к трагедии друга. Виктор понял, что он намерен вникнуть в ход следствия, а потому и интересуется прошлым Людмилы, ее увлечениями. Но Виктор мало что знал об этом.

– Скорее всего, основная причина преступления в Москве, – высказал Василий предположение. А там и не такие дела «глушат» – концов не найдешь. Ну, да ладно, крепись. Будем надеяться, что Люда скоро поправится.

После перевязки Людмилу привезли в хирургическое отделение. В палату пришла дежурная врач, измерила кровяное давление, проверила пульс, сказала:

– Ну что, Черемнова, будем гостей принимать? Из милиции постоянно интересуются. Допроса не разрешим, а побеседовать позволим. Не возражаете?

- Да, ...можно, - слабым голосом отозвалась Людмила.

- Следователь Спицын Валерий Владимирович, - представился вошедший мужчина в белом халате. - У меня к вам несколько вопросов. Вы сможете ответить?

Людмила едва заметно кивнула, произнесла:

- Согласна.

На глазах у нее появились слезы.

- Успокойтесь, пожалуйста, я понимаю. Вам говорить трудно, но я не стану вас утомлять. Что произошло? Очень кратко. Как вы в поздний час оказались в парке?

- Меня вызвали. Я сама виновата. Не надо было идти одной. Меня вызвал бывший муж... Он был не один...

- Назовите его фамилию, имя, отчество, где он живет?

Людмила назвала, сообщила его домашний адрес.

- Как он оказался в Северном? С какой целью? Вы его приглашали?

- Нет, я его не приглашала. Как он сюда попал, не знаю. Он моего адреса не знал. Думаю, он не сам... Он потребовал, чтобы я возвратилась в Москву, вернулась к нему.

- Вы говорите, что он был не один. С кем, вы знаете?

- Да, не один. Я поняла, что Сергея Сазанова заставили приехать сюда... привезли его.

- Что вы ответили бывшему мужу на его требование вернуться к нему?

- Я категорически отказалась.

- Он вам угрожал, наносил удары.

- Он не угрожал... Он просил вернуться... Неуверенно... Он только один раз толкнул меня. Но у него в руке был нож. Но ножом не он, это другой, хромой, который был с ним. Сергей был сильно пьян, а хромой - нет. Подстроено.

- Людмила Петровна, вам тяжело, вы устали, разговор закончим. Спасибо, вы нам хорошо помогли. Поправляйтесь. До свидания.

Когда капитан третьего ранга Виталий Николаевич Подручных, уволенный с военно-морского флота в запас, пришел в отдел кадров Производственного объединения «Сигнал» устраиваться на работу, ему предложили заполнить анкету и написать автобиографию. Из его документов кадровики уяснили, что служил он по части снабжения. Как раз в управление материально-технического снабжения и сбыта требовался инженер с опытом работы. Доверие к офицеру Советской Армии и вовсе ускорило оформление на него допуска соответствующей категории секретности. Компрометирующих сведений на него с флотской службы не поступило. Уволен на основании рапорта «по собственному желанию» в связи с выслугой лет, дающей право на получение пенсии.

Опытный снабженец быстро освоился на новом месте. Был активен, исполнителен. Начальство это заметило. Вскоре его повысили в должности, он стал старшим инженером.

Первые месяцы работы в объединении носил военный мундир, но без погон. Морской формой, военной выправкой выделялся среди сослуживцев. Моложавый, симпатичный, общительный, холостой, он легко сходился с людьми, и было совершенно естественным часто видеть его в пивном баре, что располагался недалеко от главной проходной. Здесь он быстро стал своим среди завсегдатаев и получил уважительную кличку «Мичман». Так, за кружкой пива, он познакомился с научным сотрудником НИИ объединения Сергеем Сазановым. А вскоре заметил, что тот стеснен в деньгах, и не считался с мелочными расходами на кружку пива для своего нового друга. Когда узнал, что Сергей работает в режимном цехе, в котором используют золото, серебро, платину, другие дорогие металлы, то и вовсе расположился к нему.

Однажды Мичман предложил Сергею поехать в ресторан обмыть премию, которой поощрили его за успешную операцию по доставке с Урала металла спецпрофиля. Сергей отказывался.

- В чем дело? Премии не каждый день дают, – удивился Мичман.
 - Не могу сегодня. В ресторан идем. Компанией.
 - По какому случаю? Родился кто? Звание получил?
 - День рождения у подруги жены.
 - Замужняя?
 - Была замужняя.
 - Большая компания?
 - Человек семь. Нас, мужиков, двое-трое.
 - Прекрасно! Купим цветы, подарок. Не возражаешь?
- Сергей неопределенно пожал плечами.
- Обузой не буду. Поздравим, не понравится мое появление, уйду. Идет? – настаивал щедрый друг.
 - Идет, – уступая, согласился Сергей.

Компания Виталия не отвергла. Больше того, он всем понравился. Культурный, обходительный, скромный, он умело и тактично пользовался морским сленгом и покориł присутствующих, особенно женщин. Словом, находка для любой компании! Виталий в свою очередь заметил, что среди симпатичных молодых женщин застолья особенно выделяется супруга Сергея. Однако флотский офицер никому из присутствовавших женщин предпочтения не отдал, со всеми был одинаково внимателен, учтив, а потому к концу праздничного застолья сумел получить номер телефона резерва стюардесс в аэропорту.

В дальнейшем обходительный и находчивый кавалер постарался закрепить знакомство с девчатами: звонил им и даже стал приезжать в аэропорт, находя предлоги видетъся, что называется, запросто. Не стеснялся и не скупился на мелкие подарки прекрасному полу. Завел знакомства и в службе снабжения.

Сергей все чаще приходил домой в нетрезвом состоянии. Это всерьез беспокоило Людмилу:

- Сергей, где ты деньги берешь? Кто тебя поит?

– На свои пью... Зарабатываю, – наигранно-весело отвечал пьяненький супруг.

– Я спрашиваю: где берешь деньги? Чуть не каждый день!

– Зарабатываю, говорю, – несколько развязно ответил он с вызовом.

– У тебя что, левые заработки появились? Почему мне не говоришь? – продолжала строжиться жена.

– Ну, не совсем так.

Людмила перешла на мягкий, миролюбивый тон:

Ты пойми, я должна знать, какими возможностями мы с тобой располагаем.

– Ты знаешь, Люда, у нас золото... вообще – цветмет... Работа такая.

– Ну и что?

– Учет – так себе... формально... на доверии.

– Ты воруешь золото? – испуганно воскликнула Людмила.

– Да ты что, совсем уже! – в растерянности повертела она пальцем у виска.

– Не совсем, – пьяно улыбнулся супруг.

– А как?

– Как? – повторил он. – Есть такие.

– Воруют, выносят, а ты? – догадалась супруга.

– А я – глаза закрываю... Делятся. За всеми не углядишь... – цинично ухмыляясь, сказал Сергей.

– Ну, надо же! Он вор – и улыбается. Ты обо мне подумал? А о родителях? Ведь все это добром не кончится. Поймает вас милиция!

– Я не ворую, – повысил голос Сергей. – Я сказал: не ворую... Делятся. Чего отказываться?

– Но, выходит, ты участвуешь. Позор-то какой! Мой муж – вор!...

– Хватит об этом. – сказал Сергей, вдруг став серьезнее. – Пустое. Подумаешь! Это не остановишь. Не бойся, я не сам. Все отлажено. Прикрыто.

– Ты и меня за собой в тюрьму потащишь. Я не могу терпеть это твое... Не прекратишь – придется тебе уволиться. Все, я тебя предупредила! – резко и строго сказала Людмила, расстроенная ушла на кухню.

Мичман энергично исполнял свои служебные обязанности, быстро заводил новые связи в снабженческих структурах различных ведомств. Для «левых заработков» использовал возможность снабженцев участвовать во много-ходовых бартерных операциях и иметь неплохой при этом «навар». Особенно удачно использовал систему «толкачей» для «пробивания» поставок материалов и оборудования. Ярким примером для него была деятельность его коллеги Юрия Львовича Абрикосова по прозвищу «Султан». Кто и когда дал ему такую кличку, Мичман не знал, но считал, она к тому прилипла, как тут и была, и приложил немалые усилия, чтобы наладить с ним отношения. Но и сам новый знакомый легко шел на взаимодействия с ним. Он тоже оценил по достоинству опытного, располагающего неоглядными масштабами снабженческой деятельности и возможностями Мичмана. И «Сазан» – под такой кличкой у них был инженер Сергей Сазанов – им пригодился. Жена Сазана может пригодиться: красавица, умная, деловая. Украшение любой компании. Султан ею даже заинтересовался, сколько раз просил Мичмана: «Организуй встречу». Ему нужны ее международные рейсы? Вон куда гнет! Ему в стране стало тесно. Мичман догадывался: «Хочет расширить рынок. А не «махнуть» ли собрался? Не-е-т, кто его там ждет? Кому он нужен? Ему здесь все подходит, все его устраивает, все к его услугам. Берет все, что хочет. Комфорт какой! Юг, море, женщины... К Людке потянулся... Посмотрим еще.», – злился Мичман.

Обсуждая с Мичманом текущие и перспективные операции с «леваками» и «толкачами», Султан сказал:

– Надо в Ижевск сгонять. Не могу дозвониться – прячутся, собаки. Два месяца, как груз получили. Были бы ближе – не посылал бы тебя. – Я дам тебе их расписку. Срок расчета месяц назад истек. «Баксов» немало. Пусть не сразу – обговоришь новый срок. Предупреди: попытаются «крутить» – дай понять...

– Как скоро это надо? – спросил Мичман.

– Вчера надо было! Месяц назад! – злобно рывкнул Султан.
– Возьми с собой Сазана, дай ему «пушку». Проинструктируй, как следует. Подавай его как спортсмена, бывалого, решительного... Напиться не дай. Вообще, сделай его своей тенью – приходится.

– Он у меня в кармане.

– Каким образом?

– «Малый бизнес». Со цветными работает.

– Заметут! – предупредил Султан.

– Он не сам. Контроль, можно сказать, отсутствует. Привыкли. Или глаза закрывают. Выносят другие.

– А менты?

– Менты тоже хотят жить. Они свое снимают.

– Смотри, сгорите на мелочах, – еще раз предупредил Султан, имея в виду, что надо сохраняться для большего бизнеса.
– Заодно прозондируй, кто еще в чем нуждается. В Ижевске большая «оборонка» – сам знаешь, – сказал он. – Да и другие предприятия еще немного дышат... кто-то в чем-то нуждается. Пока не начнут ложиться... Но под надежный расчет.

Мичман чувствовал и понимал, что участие в делах «шефа» становится все опаснее, но обстоятельств для отступления пока не находилось. Да и менять обеспеченную жизнь на существование на зарплату не хотелось. Обдумывал варианты: «Уже могу иметь дачку, тачку. Сменю место работы. Обзаведусь новой семьей. Лет пять-семь могу прожить безбедно».

Последующая перспектива оставалась неясной. Возникали вопросы: «А дальше что? Семья, расходы. Нет, это не дня

меня. Пока нечего рыпаться. Поменьше мотать, побольше – в «зачачку». А от Султана надо бы, все же, отвалить. Но как? Уйти из снабжения? Как раз сейчас образовался такой хаос! Ни блоки, ни узлы не разбираются, все, что хочешь, списывай, продавай. Вон сколько радиолюбителей, любителей цветмета развелось! Уволиться «по собственному желанию»? Но Юрия Львовича не проведешь. Нужно заработать компру, чтобы выгнали. Опять же, могут заинтересоваться, от чего да почему? Так и до следствия недалеко. Могут все вывернуть, и Султан не поможет. В случае чего сам уберет. Руки у него длинные».

То жарко, то холодно становится Мичману от таких размышлений. Вспомнил, как однажды о нем отозвался Султан, рекомендуя его по телефону: «Он тертый калач», подмигнув при этом – мол, вот как котируешься! «Да, Султан меня сразу оценил. А как теперь? Он что, уверен, что крепко меня на крючок посадил? Перестал считаться, командует. Но мы еще посмотрим... И за Людку постоять могу...».

И тут Мичман признался себе: Людя все больше привлекает его внимание, согревая его сердце. Приходится прибегать к большим усилиям воли, чтобы не думать о ней.

«Да, когда свел меня с Султаном снабженец из Главснаба, – продолжал обдумывать свое положение Мичман, – Султан не стал манежить, куш выжимать. Во-первых, потому, что меня рекомендовал известный ему «деловой» человек, во-вторых, потому, что при знакомстве со мной он узнал не только о широких возможностях по взаимным поставкам, но и о том, что без проблем я могу устроить билет на любой рейс. Это тоже годилось ему. Да и моя служебная биография имела для него какое-то значение. Он еще спросил, имею ли я звание. «Да, – ответил я, – капитан третьего ранга интендантской службы». «Идет, – сказал он, – будешь капитаном второго ранга». Так потом меня всем и представлял. Тогда в два дня я решил вопрос о поставке транспортерной ленты. Султану потребовалось лишь по телефону найти в «Главхимснабе» нужного человека.

Так и пошли наши взаимные услуги. Учиться да учиться мне у него. Какая ловкость, хватка! Из ничего создал «Контору», вышел на такую орбиту!».

Поначалу Мичман все успехи приписывал лично Султану, не зная, что без заинтересованности чиновников высоких инстанций тот не мог бы так широко развернуться. Но и при этом, замечал Мичман, в последнее время шеф жил в большом напряжении. Он стал более осторожным и раздражительным, оставаясь в своем кабинете, как-то беспокожно реагировал на телефонные звонки, и секретарша Кира Константиновна все чаще отвечала в трубку: «Его нет», «Он занят», «У Юрия Львовича из Главка». Сочиняла, что могла. А тут еще на базе «Химснаба» затеяли ревизию, и к Султану пожаловали работники Контрольно-ревизионного управления. Наконец, стало известно об арестах в отделе сбыта «Машзавода», с которым его «Контора» состояла в деловых отношениях.

Мичман понимал: Султан свою кличку носит не зря – не малым капиталом ворочает. Власть над людьми имеет, но так вечно оставаться не может, а если лопнет его фирма, что тогда будет с ним, Мичманом? Но Султана кто-то прикрывает... Не могут не прикрывать, много поставляет «наверх» тем, от которых зависит. Так сказать, отношения по вертикали. Да и по горизонтали направляет немало. Много чего приходит-уходит, много оседает и у него, – позавидовал Мичман. – Взять Султана, конечно, не просто. «Высокие» заступники сами денно и нощно его оберегают. Не легко брать таких. Встречи, приемы, сувениры «от себя лично», подношения, одолжения. Это по мелочам. А сложившаяся система поощрений – выдача пособий, оплата «дополнительно выполненных работ»? Многое сходит за «мероприятия в интересах дела» или «поддержания деловых связей». А теперь и вовсе не считается это чем-то криминальным и не осуждается. Можно как-то влиять на эту систему, можно выйти из нее, отойти, если не так глубоко и широко успел «повязаться». Вякнул – моментально

вышвырнут. Но кто осмелится пойти против? Кому под силу остановить все это? Кто хочет себе хуже? Нет дураков. Кто не хочет иметь собственную тачку или отдохнуть на море? Султан поит, кормит, ставит в зависимость, владеет судьбами людей. Стоит ему только пальцем пошевелить, и судьба человека сломана. Сам тоже зависим: тому поставь, этому окажи, третьему обеспечь, пятого-десятого ублажи. Надо же на всех набраться! Чтобы управлять разросшейся системой, какую голову надо иметь! А она у него не «Дом Советов», не справляется. Кое-что стало проходить бесконтрольно, неуправляемо. Каждый норовит урвать побольше. Сам все чаще прет напором, внаглую. Все больше приходится ему прибегать к услугам явно криминальных личностей – «Гены» или «Буфетчика», чтобы «повлиять», «выдавить». Те тоже своего требуют. Благо, законы о предпринимательстве, услугах, посредничестве дают возможность иметь не только легальные солидные доходы.

Общаясь с многочисленными клиентами и просто знакомыми Султана, Мичман фиксировал кое-какие сведения о нем, иногда исподволь выведывая их. «В случае чего – «полундра!», без скрипа «отвалю», – думал он, – или же оттяпаю кус, приму контрмеры».

Выведанные Мичманом сведения являли удивительную картину возникновения «Конторы». Появилась она под каким-то странным воздействием еще в те, теперь уже далекие, годы, когда везде все «усовершенствовали» и «укрепляли». Но при том как-то необъяснимо появлялись сбои в производстве. Без обоснований и доказательств все чаще произносили слово «застой». Многие лихорадочно искали причины сбоев в производстве, стремились найти те «звенья», ухватившись за которые, можно вытянуть всю цепь. Более всего полагали, нужно совершенствовать управление сверху, усилить контроль, воздействовать на низы. В результате росла и разбухала целая система надстроек, параллельных структур, «связующих звеньев». То же произошло и в объединении «Электрон», где

стало что-то не срабатывать, особенно в сфере снабжения. В производственном процессе стали появляться торможения. Как и повсеместно, здесь создали систему «толкачей». Вот тогда-то и было кем-то рекомендовано укрепить звено снабжения. Можно было ввести в штаты управления снабжения дополнительно должность старшего инженера и поручить исполнение необходимых функций опытному, расторопному снабженцу. Здесь же перед Главком сумели обосновать необходимость создания «Группы экстренного реагирования». Поговаривали, будто идея исходила «сверху». Главк одобрил, вышел приказ, утвердили штаты, лимиты. Возглавить группу поручили ведущему специалисту отдела Павлу Ивановичу Доброву. Хороший организатор, честный человек и труженик, он критически относился к созданию группы, не видя в ней надобности. Он все что-то обдумывал, прикидывал и однажды со своими расчетами и предложениями явился к Генеральному директору. Тот внимательно выслушал и, как понял Павел Иванович, внутренне с ним согласился. Однако сказал:

— Дорогой мой, вряд ли нам удастся сделать обратный ход. Дело в том, как на это посмотрит Главк? Кроме того, отделы, какие-то функции которых переданы группе, будут сопротивляться. Заскрипит клиентура, смежники. Давай подумаем.

Вскоре Павлу Ивановичу предложили должность в одном из подразделений объединения, поблагодарив его за «хорошую работу группы». Новое назначение было некоторым повышением по службе с увеличением оклада, но он понял: от него избавились. Это его оскорбило: проигрывало дело. Поразмыслив, он решил шума не поднимать, а накопить побольше аргументов, выйти в Главк наверняка, где и обосновать нецелесообразность содержания группы. Однако осуществить ему свой замысел не удалось, поддержки он не нашел. Переживая, анализируя ситуацию, вдруг понял: пока еще только отдаленные глухие раскаты управленческого раз

грома докатываются до объединения, но они уже ежедневно несут массу сиюминутных проблем, отнимая все время.

На место Павла Ивановича по рекомендации Главка и определился Юрий Львович, мужчина лет сорока пяти, лысеющий «огненный блондин», как его вскоре прозвали, энергичный и общительный человек. О его прошлом никто ничего не знал. Он довольно быстро познакомился с ведущими специалистами управления материально-технического снабжения, не испытывал никаких трудностей в установлении с ними взаимоотношений.

Вскоре от него стали поступать предложения по «совершенствованию» работы группы. Казалось, от их внедрения эффект реален. И звонок «сверху» последовал: поддержать «оригинально мыслящего» специалиста.

В общении с людьми Юрий Львович готов был любому прийти на помощь, услужить. Но в то же время в случае некомпетентности, промахов или оплошности давал понять это неудачникам. Однако сор из избы не выносил. Таким образом, незаметно подминая людей под себя, держал их на крючке. Успевал предложить услуги начальству, поздравить нужного человека с днем рождения. Это располагало к нему и обязывало. Особенно ловко прибирал к рукам ротозеев и прослыл работником компетентным, деятельным, отзывчивым. Круг его деловых связей выходил далеко за пределы интересов объединения. К специалистам группы Юрия Львовича все больше и больше переходило функций других подразделений управления снабжения. Кое у кого из сотрудников возникал вопрос: зачем это надо? Другие считали, начальство знает, что делает, ему виднее.

Многие понимали и говорили, что у Юрия Львовича в Главке «лапа». Конечно, это не было секретом и для руководства объединения, но оно знало свой шесток. Это корбило начальство, но и устраивало: не было проблем с дефицитом, в том числе – и в личном плане.

Не прошло и пары лет, как группа превратилась в солидную службу, практически параллельную управлению, получившую название без вывески: «Контора». В ее паутине оказались многие.

Ссутулившийся, отяжелевший Сергей не вошел – ввалился в квартиру. О том, что он сильно пьян, Людмила поняла по скрежету его ключа о замок двери – старался попасть в скважину. «Кончится это когда-нибудь или нет!» – в сердцах думала она, – замучилась уже... Видно, не остановится – болезнь это. Алкоголизм».

– Людочка, извини... Последний раз... Больше не буду, – шатаясь и разводя руками, бормотал супруг.

Людмила ничего не ответила, ушла в спальню, закрыла дверь. Ее душили слезы. Она слышала, как Сергей долго и с трудом раздевался, шарахаясь от неустойчивости, гремя стулом, задевая мебель. Упал на диван и затих, немного погодя, захрапел...

Людмила чувствовала себя несчастной, униженной и оскорбленной. «Уж сколько раз зарекался... Надо что-то делать. Так дальше продолжаться не может. Уйду к маме. Развод, раздел квартиры – такая волокита! ... Стыдно перед людьми».

Утром Людмила отдохнувшей себя не чувствовала. Настроение скверное, голова тяжелая. Сергей спал на диване, распластавшись в неудобной позе. Одежда разбросана, пиджак одним бортом свисает со спинки стула, готовый свалиться на пол. Она стала прибирать его одежду. Взяв пиджак, почувствовала в кармане тяжесть. Сунула руку – так и есть: пистолет! Она отдернула руку, но тут же заметила необычно выпуклый внутренний карман. Осторожно запустила руку – деньги! Куча денег! Молнией пронеслась мысль: «Мой муж – преступник!». Ее колотило от ужаса.

Людмила решительно подошла к дивану, схватила Сергея за плечи и яростно затрясла, требуя:

- Вставай!... На работу!... Семь часов!...

Сергей вытаращил на нее глаза, поднялся, сел, не понимая, что она от него требует.

- Откуда у тебя это? - Людмила указала на оттянутый карман, - откуда деньги?

Сергей, оставаясь в полусонном состоянии, но поняв, о чем речь, и видя, что ему пока ничто не угрожает кроме гнева супруги, дурашливо-предупредительно прижал палец к своим губам:

- Ш-ш-ш-ш, пистолет... Шеф... Охрана... Деньги? Заработал... честно...

Супруг, старался изобразить непринужденность, поясничал, разводя руками. Виновато улыбаясь, он продолжал:

- Извини... Не доложил... Много будешь знать, скоро составишься. Еще будут. Я, так сказать, при деле...

- Что за бред! Что ты несешь?

Людмила поняла, Сергея используют Виталька и его друзья для прикрытия их афер, для охраны их денег и их самих.

- Прибери, чтобы я этого больше не видела! Отнеси! Отдай! Посадят тебя! Я сама в милицию заявлю... если не остановишься!

Небольшая, в шестнадцать квадратных метров, комната-подсобка фотографии - индивидуального частного предприятия «Этюд» талантом Леонида Моисеевича Гроссмана, по кличке «Леха», превращена в нечто, напоминающее комнату отдыха с миниатюрным буфетом. Изолированная от внешнего мира, она узким кругом лиц звалась просто: «Буфет». Для решения деловых вопросов говорили: «Встретимся в Буфете». «Пригласи в Буфет».

За камином, вмонтированным электрическим обогревателем, была скрытая дверь. Выходила она в нерабочий подъезд. Через нее можно было выйти и спуститься в подвал здания, а из него через низкое окно на уровне земли - во двор. **Мож-**

но было открыть дверь подъезда и оказаться во дворе или подняться по маршевой лестнице и уйти через чердак. А там – гуляй себе по наружным пожарным лестницам, спускайся в другой подъезд. Всего за пару «пузырей» по просьбе Лехи слесарь котельной изготовил нужные ключи. Таким образом отступление обеспечено во все стороны.

Обстановка в комнате небогатая, но достаточно уютная: журнальный столик, пара кресел, четверка стульев, буфет с набором посуды, кушетка, вешалка, еще кое-что.

В этих стенах с неброскими обоями было много всяких эпизодов. Здесь обсуждали сделки, разворачивания операций «икс», определяли роли, решали судьбы незадачливых конкурентов, непослушных исполнителей или вышедших из доверия своих. Постороннему уху сложно было бы понять беседу, состоящую из полуфраз, условностей, жаргона. Комната являлась и своеобразной перевалочной базой золота, серебра, чеканки, камней. Но это был Лехин бизнес. Султан об этом докладов не требовал, однако свою долю получал, хотя мог и «набросить ставку». Но не интересовался доходом своего «помощника», считал: Леха сдохнет в пытках, но правды не скажет.

Давно ушли в прошлое те времена, когда Леха жил в студенческих общежитиях, учился на физико-математическом факультете, а затем стал младшим научным сотрудником научно-исследовательского института «Химпродукт», где разрабатывали проблемы в области твердых сплавов. Еще в школе он выделялся среди сверстников «предпринимательством», интересом к деньгам. После окончания вуза и вовсе выяснилось: упорный труд ему был тошен. Он своеобразно понимал «свободу творчества». Это способствовало сближению его с «золотой» молодежью, знающей толк в модерновской культуре и западной музыке, моде, танцах. Но возвращаться в этой среде можно было, только имея деньги. Родители этого обеспечить ему не могли. Однако, соответствующая среда оценила

его стремления и допустила к «гешефту». Вначале по мелочам: «втихаря» распродал нелегально привозимую из-за бугра порнуху, какие-то модные тряпки, постепенно втягиваясь в фарцовку. Накапливался опыт устанавливать контакты с «нужными» мальчишками и девчонками. Наторел увлекать простушек в отдаленные, глухие, неосвященные закоулки, где якобы парочка подвергалась ограблению. Жертва не только не понимала существа происходящего, но еще и благодарила «рыцаря»: ведь могло бы еще и не то случиться. А снятое колечко, вырванные из ушей сережки, отобранная сумочка не дороже девичьей чести и, тем более, жизни.

Султан движением руки от себя передвинул стопу брикетов через стол сидевшему напротив Буркову. Тот передвинул через стол, прижав ладонью, расписку. Султан выдвинул ящик стола и опустил в него полученный документ. «Клиент» открыл свой изрядно поношенный портфель и сгреб в него со стола банкноты. Молча встал, встряхнул увесистый портфель и покинул кабинет.

Через минуту Султан набрал номер телефона. Откликнулся Леха. Султан сказал в трубку:

- Ужин заказан в гостинице «Украина».

- Вы очень любезны, мы вам признательны, – последовал ответ.

Ответив на телефонный звонок, Леха вернулся к своей компании.

- В «Украине» остановился один идиот. Получил наличку. Уезжает в двадцать четыре ноль-ноль с Киевского. Рассмотрим ситуацию: чья очередь? Кто за рулем?

В двадцать три часа пятнадцать минут Бурков вышел из гостиницы «Украина». После обильного ужина, который ему услужливо подавал молодой элегантный официант, он, слегка захмелевший, довольный благополучно завершившейся сдел-

кой, находился в хорошем расположении духа. Но в глубине сознания жила тревога: такой крупной суммы при себе он еще никогда не имел. Пачки купюр выпирали бока портфеля, словно консервные банки. Бурков понимал, что он серьезно рискует: «Надо было кого-нибудь взять с собой», – думал он. Но постарался себя успокоить: «Обойдется».

Едва он спустился с крыльца гостиницы, как отделилось такси от ряда других, стоявших в ожидании клиентов. Водитель, дотянувшись, открыл дверь автомашины. «Все в порядке вещей, столичный сервис! Когда же у нас, в Кутайске, будет достаточно такси?» – подумал Бурков, чувствуя теперь себя в полной безопасности. Усевшись на переднее сидение, небрежно бросил водителю:

– Киевский.

И хотя до Киевского вокзала было рукой подать, водитель долго гнал по Кутузовскому проспекту, говоря:

– Проезд закрыт. объезжать придется. Попробуем проскочить здесь.

И такси свернуло направо, потом налево и покатилося темным двором. Вдруг мотор раза два «чихнул», машина дернулась и остановилась. Водитель вышел из машины, поднял капот, включил местное освещение. Что-то потрогал, подергал, подошел к дверце справа, открыл ее и сказал пассажиру:

– Извините, мне нужно минут пятнадцать. Во сколько отходит ваш поезд?

Бурков с тревогой посмотрел на часы:

– Сейчас двадцать три часа тридцать минут. Поезд в двенадцать ноль-ноль.

В это время на обгон такси пошли какие-то «Жигули». Водитель такси бросился и остановил их. Кроме шофера в «Жигулях» находились два пассажира. Бурков слышал, как таксист уговаривал водителя отвезти на железнодорожный вокзал его пассажира, так как из-за поломки такси он может опоздать на поезд. Водитель и пассажиры не соглашались, но потом уст

пили просьбе. Буркову ничего не оставалось, как пересесть в «Жигули».

Открыв глаза, Бурков не мог сообразить, где он и что с ним. Недалеко над ним что-то светилось. Он закрыл глаза и тут же снова открыл. Приходя в сознание, понял, лежит на жестком диване, светит фонарь. С трудом приподнялся и сел. Страшно болела голова, тошнило. Пахло водкой. Рубашка и галстук были влажными. Поднял голову, привалился к спинке дивана, стало немного легче. И тут пронзила мысль: «Где портфель?». Осмотрелся – нет. Понял – ночь!... Находится в каком-то парке. Снова мозг резанула догадка: «Усыпили газом. Потом имитировали «перебор» – облили водкой рубашку и галстук. Могли и «замочить». Холодный пот от запоздалого страха покрыл тело, он испытал стыд, страх, беспомощность. Спихватился: надо взять себя в руки, успокоиться. Живой – и то хорошо. Где портфель? Где шляпа?». Встал, пытаюсь сделать несколько шагов – тошнило, кружилась голова, едва держался на ногах. Увидел: валяется шляпа, а вот и портфель! Открыт. Схватил его – пуст! «Ограбили! Все подстроено: и такси, и «Жигуль», и водка. И ничего никому не докажешь, и в милицию не заявишь. Хоть вешайся. Тьфу ты, осел, раскис. Смываться надо, пока милиционер не застучал». И скрылся в тень, оцупал карманы: бумажник, личные документы, деньги, оставшиеся в кармане после ресторана, на месте. Немного успокоившись, достал платок, отер лицо, шею, расчесал волосы, расправил, надел шляпу, стараясь держать равновесие на ногах, направился на освещенную улицу, с омерзением осмысливая картину происшедшего.

Ощущение двойственного состояния не оставляло Людмилу весь вечер. Оно возникло, когда Виталий настоял на своем приглашении поужинать в ресторане «Уют» «в честь старого друга», с которым он якобы долго не встречался и который вчера приехал в Москву в длительную служебную

командировку». Виталий так и сказал:

– Людмила Петровна, не подведи меня: я поспешил и без твоего согласия пообещал ему, что буду с хорошими своими друзьями. Сережа ведь согласен? – обратился он к ее мужу.

Тот уклончиво пожал плечами. Это означало, что последнее слово за женой.

– Там будет еще один наш с Сергеем хороший знакомый, – продолжал Виталий. – Тебе не мешает с ним познакомиться. Другого такого случая может не быть. Это интересный деловой человек. Его знает вся Москва, – прихвастнул он.

Чувство неловкости Людмила испытывала оттого, что, с одной стороны, она не хотела оказаться в компании собутыльников своего мужа, упрекала себя в том, что вовремя не проявила твердости и настойчивости и не удержала его от злоупотребления спиртным. С другой стороны, она решила попытаться найти возможность не дать втянуть Сергея дальше в липкие лапы нечистоплотных людей. Для этого ей необходимо больше знать о его знакомых последнего времени, что за интерес у них к Сергею. Все это, считала она, позволит принять более правильное решение. Она согласилась:

– Сергей, ты не возражаешь?

Не ожидавший такого доброго расположения к себе жены, Сергей поперхнулся и поспешно согласился.

– Чур, – продолжала Людмила, – домой отпустите по первому моему требованию!

– Разумеется! – с готовностью воскликнул Виталий. – Ваше слово для нас закон! – поясничал он.

Людмила отлично понимала, что он лжет, никакой друг к нему не приехал, а если кто и приехал, то это очередной «толкач», будет очередная попойка, а он решил ею украсить компанию, поднять свои «акции».

Было стыдно и обидно, что ее Серегу в расчет не брали, с ним уже не считались. О более гнусных намерениях она не догадывалась.

Виталий остановил такси, пригласил Людмилу на переднее сидение рядом с водителем, подтолкнул Сергея на заднее сидение, сел сам, назвал водителю:

–«Уют», – и передал купюру.

В дороге Виталий пытался завязать разговор, перескакивал с темы на тему, каламбурил. Сергей молчал. Людмила отделилась отдельными «да», «нет», «возможно», стараясь не пропустить важное для себя в его болтовне.

При входе в ресторан Виталий небрежно поприветствовал швейцара, делая вид, что он здесь «не редкий гость». Однако швейцар не удосужил его особым вниманием, кивнул сухо, как и прочим, ищущим его расположения. Вместе с тем она ощутила ту атмосферу, когда обстановка в ресторане внешне являет собой как бы место сосредоточения порядочных людей: с хорошим настроением по случаю семейного праздника, достойной компании, желающей отдохнуть в комфорте с хорошим сервисом, пообщаться с близкими – с другом, подругой, а то и коллективно отметить юбилей, награду, повышение в должности, в звании, присвоении «почетного». А кто-то желает просто «расслабиться».

Едва вошли в зал, как подошел администратор, молодой мужчина лет тридцати, за руку поздоровался с Виталием, кивнул Сергею. Виталий представил молодому человеку Людмилу. Тот назвался Геннадием Васильевичем, пригласил проходить, занимать свои места и чувствовать себя как дома. Было видно, что Виталий и Сергей знакомы с ним давно.

Виталий услужливо приглашал и сопровождал Людмилу. Сергей плелся сзади.

Оркестр исполнял что-то камерное, приятное, располагающее к отдыху. Публика изысканная, мужчины галантны, женщины, знающие себе цену. Но были явные новички. Держались неуверенно, смотрели на происходящее с любопытством. Некоторые неуклюже старались свою неуверенность скрыть нарочитой развязностью. Легче тем, кто впервые появился

здесь с компанией. Они о чем-то говорили, чтобы только облегчить свое самочувствие в непривычной для них обстановке. Опытным глазом официант легко распознает каждого и в соответствии с этим выстраивает к ним отношение.

Прошли через зал, поднялись на полуэтаж. Здесь приглушенное освещение, много искусственных цветов, горит бутафорный камин.

За двумя сдвинутыми столами двое мужчин и три женщины. Они деланно обрадовались новичкам компании. Людмила подумала, что такая изысканная сервировка стола Виталию не по карману. Виталий же, чувствуя себя совершенно свободно, представил Людмилу участникам застолья. Людмила, присматриваясь к ним, попыталась определить роль каждого персонажа компании, держалась приветливо. Она заметила, что и на нее обращено пристальное внимание гостей, видела почти подобоострастное отношение к Юрию Львовичу женщин да и мужчин тоже. «Так вот кто заказывает музыку...» – определила она.

К столу с готовностью обслужить подпорхнул молодой официант в черном фраке, белой сорочке, с бриллиантовой заколкой на бабочке. Брючки наглажены так, что казалось, о стрелку можно ладонь порезать. Напомаженный, лощеный до блеска. Пожелав доброго вечера и приятного аппетита, он откупорил бутылку с коньяком, открыл шампанское и, обходя гостей, услужливо налил каждому по желанию. Казалось, нет ничего неисполнимого для этой компании.

Больше обычного суетился Виталий, стараясь поднять общее настроение, создать непринужденную обстановку.

– Предлагаю первый тост за знакомство! – торжественно-весело сказал он.

Все с одобрением согласились. Дамы как обычно пожемались для приличия, но выпили по полной. Людмила, чтобы не оказаться «белой вороной», отпила шампанского. Прерывая всегдашнее после первой рюмки безмолвие, Виталий

попросил, чтобы кто-нибудь сказал следующий тост. Слово взял гость с периферии Генрих Эдуардович. Он пытался что-то сказать о своей провинциальной жизни, сбивался с речи и, наконец, предложил выпить за встречу столь почтенной компании, за его встречу с «другом Виталием». Все дружно поддержали.

Звонче застучали вилки и ножи о тарелки, все задышали свободнее. Атмосфера за столом потеплела. Предлагали друг другу отведать закуски, которые сами уже попробовали, хвалили хороший вкус организаторов ужина. Общего связного разговора пока не складывалось. Юрий Львович дружелюбно и снисходительно поддерживал высказываемые мысли, не смотря на их подчас незначительность, связывал все в общий разговор, «нивелировал» его. Людмила видела, что все с готовностью внимали любому его слову, лишь Сергей был безразличен ко всему и замкнут. Сдержанность Людмилы как бы не замечали: достаточно было того, что ею любовались все и что особое внимание ей уделял Юрий Львович. Сдержанность же его была результатом того, что супруга Сергея – «Сазана» – на самом деле оказалась более привлекательной, чем он представлял себе по рассказам Мичмана, назвавшего ее Русалкой. Чуть позже она поняла: встреча «в честь приезда Генриха Эдуардовича» на самом деле – камуфляж. «Я являюсь объектом заинтересованности Юрия Львовича», – заключила она. Ей стало немного тревожно и даже жутковато. Появилось чувство униженности и желание поскорее уйти. Но любопытство и цель – выяснить ситуацию с Сергеем – взяли верх, и она решила: «Надо играть до конца!».

Подлинный хозяин застолья был любезен со всеми, никого вниманием не обходил. Наконец он посчитал уместным не скрывать своего особого внимания к новой для компании гостье.

- Нехорошо, – сказал он, обращаясь к Сергею, – ты до сих пор не познакомил нас с Людмилой Петровной. Эгоист ты.

Все она у тебя занята, вся в делах да заботах. А нужно уметь сочетать труд и отдых. Согласно конституции. Человек имеет право на труд и отдых, – балагурил он. – Правильно, Людмила Петровна, я говорю? Вот то-то, – не дожидаясь ее ответа, самоуверенно произнес он.

Сергей молчал, уткнувшись в тарелку, делая вид, что аппетитно закусывает.

Чтобы поддержать в разговоре Юрия Львовича, Людмила сказала, что действительно ей приходится много работать, ее профессия не позволяет расслабляться, требует хорошего знания иностранных языков. Таким образом, как бы между прочим, сообщила о себе немаловажные сведения. «Расхвалилась я, еще подумают, цену себе набиваю», – подумала она, а вслух сказала:

– Что это мы о себе да о работе? Давайте выпьем за нашего гостя Генриха Эдуардовича, за то, чтобы ему в Москве сопутствовал успех в его командировочных делах!

Все оживились, с готовностью поддержали тост, похвалили инициативу и дружно выпили. Людмила с внутренним негодованием заметила, что Сергей момента выпить ожидал с нетерпением.

По чьим-то неуловимым знакам появлялся официант, наполнял рюмки, бокалы и подавал новые блюда. На столе оказались фигурные бутылки с вином импортным. Попробовали и его.

Снова заиграл оркестр. Юрий Львович, испросив ради формы у Сергея разрешения, извинившись перед компанией, пригласил Людмилу на танец. Она согласилась. Бережно поддерживая под локоть, Юрий Львович свел ее в зал, привычно и ловко вписался с нею в ритм танца пока еще под сносно звучащую музыку. Людмила, стройная и изящная, встряхнула волнами своих роскошных золотых волос, легко поплыла по кругу со своим кавалером. Она замечала и чувствовала внимание к себе многих. Юрий Львович, уже начавший пол-

нет, весьма старался и был в восторге. Ему хотелось что-то говорить Людмиле, но быстрый вальс не позволял ему вести связную беседу. Он улыбался ей восхищенно, откровенно любуясь ею. Видно было, он серьезно увлекся.

Звуки оркестра умолкли, пары расходились к своим столикам. Иные уже были хорошо навеселе. Многие из особо усердных, возбужденные, утирались платками, глубоко дыша, шумно переговариваясь. Некоторые дамы, внешне счастливые, расслабившись, прижимались к партнерам. Юрий Львович, бережно ведя Людмилу под руку, спешил как можно больше сказать ей для закрепления знакомства.

- Людочка, как вам сегодняшняя вечер? Нравится?

Людмила согласно кивнула головой:

- Да, хорошо. Я давно не танцевала и уже забыла, когда была в ресторане.

- Нехорошо! Такая дама и вдруг - работа, работа. Надо когда-то и отдыхать. У нас вообще женщина не занимает подобающего ей места. Я имею в виду подобающее место, согласно ее внешним и другим данным... Интеллекту, конечно, - поправился он. - И вообще в соответствии с тем, что она стоит, ... то есть заслуживает...

Он явно намекал, что Людмила лишена возможности пользоваться преимуществами, которые она имеет перед другими женщинами, и которые он замечает и ценит.

Подошли к столу. Компания времени даром не теряла: отсутствие Юрия Львовича раскрепостило ее - говорили шумно. Отметив это, Юрий Львович сам налил себе и Людмиле и, как бы присоединяясь к остальным, пригласил ее выпить с ним. При этом сообщил, что Людмила хорошо танцует и что он пригласил ее на следующий танец, хотя на самом деле этого не делал, и она, естественно, согласия ему не давала: все знают, кто здесь хозяин. И он знал, что никто из гостей застолья без его согласия пригласить ее на танец не посмеет. Его замысел сбывался: Людмила на роль курьера и для вы-

полнения других «пикантных» поручений подходит.

Он сам умело вскрыл шампанское, шумно выстрелив пробкой, налил всем. Пили все, больше от жажды. Сергей захмелел больше других, совсем обмяк. На жену не обращал внимания. Она же, все больше постигая смысл организации застолья, роль каждого участника, внутренне была удовлетворена, что ее прогнозы на вечер оправдались. Окончательно все стало ясно с Сергеем: «Сколько можно терпеть?» – упрекала она себя.

Оркестр заиграл танго в каком-то венгерско-цыганском «вытяжном», интимном стиле, Юрий Львович подал руку Людмиле.

Любуясь ею, пытаюсь вести ее плавно и осторожно между танцующими, Юрий Львович ненавязчиво старался заинтересовать ее собой.

– Не думайте, что я постоянно могу позволять себе такое. Это Виталька, он сегодня пригласил. Знаете, некогда. В наш век быстротекущей жизни нет времени по-человечески отдохнуть, побыть среди людей в приятной обстановке, остановиться, помечтать. Семья тебя не видит – ты семью не видишь. Вот уже скоро пятьдесят, – явно прибавил он, рассчитывая на комплект, – а что я видел? А ничего. Везде надо успеть. Приходится подрабатывать... Семье надо? Надо, семья требует. Да и себе на карманные расходы...

Видя, что Людмила внимательно слушает, решил, пора и о главном: «Она податлива», – заключил он.

– Знаете, Людочка, я много поездил, повидал, повстречал разных людей. Не ценят у нас женщин. Ведь, сознайтесь, не сладко вам с Сергеем? Такая ответственная работа! Сергей говорил... не удивляйтесь, откуда я это знаю. Он на вас молится. Но облегчить ваше положение не в силах. А хотелось бы вам помочь. ...Подобрать работу... Но он не сможет... с его слабостью. Умная у него голова, но все, что заработает – до дома не донесет... Ему нужен руководитель. Вы, конечно, распола-

гая возможностями, могли бы устроить все по-другому. А он - нет.

Людмила догадывалась, какие ее «возможности» он имеет ввиду, но уточнять не стала и не мешала ему говорить. Напротив, как бы поддерживая его, сказала:

- Женщины столь заняты, что им и рожать-то некогда. Работа да кухня, да еще стиральная машина. О себе подумать некогда. Такой уж век. Везде скорость. Голова кругом.

Эти слова только подхлестнули Юрия Львовича, открыли ему дорогу к цели. И он продолжал:

- Я с вами совершенно согласен. Надо раскрепощать женщин. Надо создавать им условия, чтобы они могли украшать жизнь мужчин. Надо брать пример с цивилизованных стран. Отбросить некоторые понятия, мешающие нашей женщине быть самой собой. Да вы ведь лучше меня знаете. Вы часто бываете в разных странах.

Людмила улыбалась, слегка кивая головой в знак согласия.

- Я бы так сказал: женщина должна быть освобождена от многих забот-хлопот, особенно в сфере добывания благ. Надо, чтобы мужчины могли их обеспечить сполна. Достойных, конечно. Вот вы, например. Такая красивая, умная, - откровенно льстил он, - и вынуждены жить по строгому режиму, по определенному расписанию, жить напряженной жизнью. Опасной при этом. Постоянно экономя на всем.

- Вы меня захвалили, Юрий Львович, преувеличиваете. А я вам скажу: меня моя профессия вполне устраивает и работа мне нравится. Я нахожу, что она по мне. А сколько девчонок мечтают о моей профессии?

- Вы, Людочка, говорите правильно. Но это, так сказать, в конкретной ситуации, исходя из..., как бы это вам сказать, точнее выразиться, из известного вам. А если бы вы посмотрели с другой стороны, исходя из других возможностей, то, я уверен, пересмотрели бы свою настоящую точку зрения.

- Что вы имеете ввиду?

– Я имею ввиду то, что объективно заложено в нас. Ведь вы не знаете жизни за пределами ваших обязанностей, по сути однообразных суетных дел. Уверяю вас; вам скоро надоест, вы устанете от вашего положения. Простите меня, Людочка, но не ваш удел – обслуживать других. Ваш удел – повелевать! С вашими данными...

– Но у меня конкретная работа! Без нее нельзя. То есть можно, но моя работа полезна, она нужна людям. Зачем мне повелевать? Меня и так все слушаются на борту..., – игриво улыбаясь, сказала она.

– Нужна-то нужна, но причем здесь лично вы? Ведь профессий, подобных вашей, много, их в сфере обслуживания становится все больше. Вы в этом океане затеряетесь неизбежно. А жизнь идет, «наши годы, как птицы, летят» – продекламировал он. – А все может стать по-другому... для вас, по крайней мере...

– Что вы имеете ввиду, Юрий Львович?

– Да, просто... В общем, я имею некоторые возможности, – уклончиво сказал он. – То есть, у меня есть знакомые, связи, так сказать, и вы могли бы воспользоваться.

Между тем музыка кончилась, танцевавшие расходились. В зале, да и в антресолях, все места за столиками были заняты. Обстановка в ресторане заметно изменилась. Упростились отношения между его гостями. Возбужденные спиртным, танцами, одурманенные табаком, громоуханием оркестра, некоторые вставали с мест, подходили к другим столикам, к оркестру, приставали с любезностями к официанткам. Все чаще и все громче слышался смех, выкрики. Шум, гвалт нарастали. Официанты все чаще надоевшим и «не ценным» клиентам отвечали резко, грубо. Людмила, тонко чувствующая настроение, все это замечала, ей было противно, но она продолжала играть свою роль. Ее замысел осуществлялся. Она старалась быть в меру веселой, но где-то в глубине души тревога усиливалась. Она понимала что ей, по существу, готовили ловушку. «Я нужна кому-то для

исполнения каких-то дел. Послушаем, куда будет клонить «хозяин» застолья. Посмотрим, какую роль играет Виталий. А Сергей? Или он только мостик ко мне?».

Самоуверенный по натуре, Юрий Львович и сейчас был убежден в положительном результате воздействия на «простушку-стюардесску» и спешил закрепить «успех». Со всеми участниками застолья он держался одинаково ровно, был обходителен и учтив. Однако Людмила замечала, что ему это давалось непросто, что он терпеливо контролирует свое поведение. Предложил тост за здоровье присутствующих, за дружбу и товарищество, за освобождение женщин.

Он снова пригласил Людмилу на танец. Сошли вниз. Но теперь в зале были уже не танцы, а форменный содом. Вместо музыки сплошной шум, громохание оркестра, пьяные выкрики, взвизгивания женщин, танцующие дергались, кривлялись, прыгали – словом, «балдели». Юрий Львович безуспешно пытался продолжить разговор в нужном ему русле. Не дождавись окончания музыки, Людмила вывела его из круга беснующейся толпы, стараясь не выказать к ней отвращения. По пути наверх, к своему столу, она сказала, что очень устала и хочет домой. Юрий Львович пытался ее уговорить остаться, побыть еще, был очень любезен, заявил, что рад был с нею познакомиться и надеется на встречи в будущем. Людмила настояла на своем.

Возбужденный Юрий Львович в наигранной манере объявил:

– Людмила Петровна устала, и ей необходимо ехать домой.

Никто не возразил. Рассыпаясь перед нею в любезностях и сожалениях, он попросил Виталия отправить домой супругов на такси. Виталий и отягощенный спиртным Сергей послушно поднялись из-за стола. Дамы и Генрих Эдуардович тепло попрощались с Людмилой. Юрий Львович проводил отъезжающих до швейцара. Прощаясь, поцеловал обе руки Людмилы, еще раз выразил уверенность, что ей сегодняшний

вечер понравился и что он надеется на скорую встречу с нею. Людмила на это ничего не сказала. Сергей будто не замечал чрезмерного внимания «шефа» к жене.

Людмила же думала только о том, чтобы поскорее добратся до своей квартиры, принять душ и вообще освободиться от дурных запахов, от чего-то как будто липкого, противного. Ей стоило большого труда в течение всего вечера оставаться спокойной. Она была довольна, что разгадала комедию, устроенную Виталием. Но тревога в душе оставалась: «Какой узел завязывают вокруг меня, с какой целью?». Было обидно и стыдно за унижительное их с Сергеем положение. Она видела, что все присутствовавшие за столом – «подсадные утки», бутафория, пешки в руках хозяина. «Сколько их в его руках? Хитрый и ловкий делец, – определила она. – Какие новые шаги предпримет он в отношении Сергея? Чего он конкретно хочет от меня или моей работы? Сергея он проглотил давно, безмолвный раб в его руках. Но какую роль выполняет или исполнял? Что ему угрожает? Он мне ничего не говорит. За чей счет, за какие дела поят его? Даром не будут. Неужели Сергей за это «подставляет» меня этому дельцу! Мерзавец! Все врет. Или молчит. Еще один разговор с ним – и, если не поймет, не остановится, не порвет со своими дружками, оставлю его. И чего я за него держусь? Нет! Чего это я его около себя держу? Живет фактически за мой счет. Да подачками. Одна видимость, что замужем. От людей стыдно. Конечно, не у одной меня так. Посмотришь кругом – сколько угодно таких... матери-одиночки – при мужьях».

Рядом на сидении спал Сергей. «Вот опять готов, – подумала она в досаде и с ненавистью. – Укачало, развезло. Напрасно поддалась уговорам Виталия: все женское любопытство, а больше сердоболие, надежда. Все ясно: какая-то грязная затея у этих ужасных людей».

Такси мчалось. Сергей спал. Водитель молчал. Людмила оставалась наедине со своими мыслями. «Этот делец теперь не ос_тавит меня в покое. Ведь он уже приоткрыл мне завесу

перед какими-то таинствами, перед чем-то скрытым и страшным. Какие это «возможности» он имел ввиду для меня? Но и обалдел от меня... Конечно, он спохватился, что допустил лишку, проговорился, а я дала повод для этого. Ведь все равно на преступное дело не соглашусь. А такого не прощают. Итак, – анализировала она, – я проявила заинтересованность, даже податливость – не возражала, слушала. Как это он может расценить с его философией о месте и роли женщины? Тоже «философ»... Настоящий ловец человеческих душ. Опасный и коварный тип. Надо быть осторожней. И уж больше никаких встреч».

Людмила растормошила Сергея, почти вытащила его из такси, помогла подняться в квартиру. Дома стащила с него верхнюю одежду и уложила его на диван. Сильнее, чем бывало прежде, возникло чувство неприязни к нему, к человеку, который заставляет ее нести унизительное бремя жены алкоголика. Отвращение и злость не оставляли места в ее душе для сочувствия, тем более для любви к нему. «Да и была ли она, любовь-то, настоящей?» – так ставила она вопрос самой себе впервые.

Принимая душ, Людмила подумала: «Вот они, мои женские достоинства, которым завидуют подружки. Неужели так и не будут оценены любящим и любимым мужем? И долго ли еще будут оставаться мои формы упругими, а кожа эластичной?... Нет, надо решиться. Кому нужен мой гуманизм? Не инвалид же он, в конце концов...».

После душа она почувствовала себя посвежевшей, освободившейся от ресторанного чада, от пережитой нечистоплотной ситуации. «Больше откладывать не буду. Утром выскажу ему свое решение, чтобы потом не пенял на меня, если когда-нибудь одумается», – заключила она.

Утром собиралась молча. Сергей плаксиво канючил:

– Люд, а Люд? Ну, прости... Я больше...

Людмила брезгливо взглянула на него: он сидел на диване

больной, беспомощный, небритый и непричесанный.
«И таков после каждой попойки, – подумала она. – Чуть ли не каждый день».

– Ты меня замучил. Я тебя предупреждала много раз. Все!

С этими словами она вышла из квартиры: ей сегодня в рейс.

Возвратившись из рейса, Людмила увидела в аэропорту Виталия о чем-то весело разговаривающего с девушками-бортпроводницами. «Почему он здесь? Неужели меня встречает?» – подумала она с удивлением и тревогой.

Заметив Людмилу, Виталий пошел ей навстречу, приветливо улыбаясь. Поздоровался, принял из ее рук баул. Стараясь изображать непринужденное, веселое настроение, сказал:

– Ну, как там Париж, веселится?

– Я была в Праге. Париж в следующий раз.

– Это я так, для экзотики.

– А ты, я вижу, следишь за мной? Ухаживать собрался?

– Я бы со всем нашим удовольствием... Такая красавица! Сколькие по тебе сохнут. Жаль: зря пропадает товар...

Людмила заметила: Виталий навеселе, потому несколько развязный. И резко его оборвала:

– Ну, ты... полегче! Что надо?

– Спокойно, Людочка, дай посмотреть на тебя. Ты можешь стать знаменитостью! И тогда на нашего брата – тьфу!...

– Ты это о чем?

– Юрий Львович без ума от ваших «акций», – игриво оповестил Мичман.

– Давай ближе к делу. Что у тебя ко мне?

– Имею разговор. Словом, шеф просил передать поклон. Продолжает надеяться на дружеское к нему расположение Вам, Людочка, надеюсь, это не помешает. От себя лично – рекомендую. Между прочим, он может устроить эффективный курс лечения Сергею.

– Что это у твоего Юрия Львовича такой интерес ко мне? И о Сергее такая трогательная забота? Любопытно. Может, просветишь меня?

– Вот и прекрасно! Будь благоразумна, и «ваша щетина превратится в золото», – балагурил он. – А золото, ненаглядная, это твои рейсы, Людочка: туда – обратно, туда – обратно. И никаких усилий. «Ешь пирог с грибами и держи язык за зубами», – говаривали наши предки. Вы, Людочка, согласны? Вот и хорошо, – не дождавшись ответа, заключил он. И добавил с намеком:

– Париж... он и есть Париж...

Виталий поставил на стул ее баул, игриво козырнул, пожелал «всего доброго» и удалился.

«Откуда такая уверенность? Что бы это значило? Просто наглость! Если специально ждал, значит, это серьезно. Играет, но делает это вынужденно. Крепко, видно, держит его «хозяин». Значит, по-серьезному вокруг меня плетутся сети. Что-то надо делать более решительное, чем избегать этих людей. Виталька нахвастал, теперь форсирует. А крайним быть не захочет. С кем-то надо посоветоваться. Но с кем? Что я могу сказать? Какие у меня факты? На смех поднимут: ну и что, что мужику понравилась? Дело естественное. Другого в толк не возьмут. Ладно, посмотрим». На душе было тревожно.

Подруги давно заметили необычную заинтересованность Виталия Людмилой. При случае стали над ним подшучивать, на что он тоже отвечал шутками. Подружки понимали, что Виталий далеко не пара Людмиле, взаимного внимания не получит, и он сам не может этого не понимать. Стало быть, преследует другую цель. Но какую? Людмила видела, что подружки стараются оградить ее от общения с этим «скользким холостяком». Но ей хотелось узнать, какую в действительности цель преследует «хозяин» и он сам, стараясь

укрепить с нею дружбу. И она «подавала надежды».

Встретив Людмилу у служебного входа и здороваясь с нею, Мичман сказал:

– Проезжаем здесь недалеко – дай, думаю, зайду, может встречу, подкинем домой. За рулем Юрий Львович. Не откажите любезно, Людочка, ваш новый знакомый останется доволен. Со своей стороны – приглашаю.

– Ну, что ж, раз специально заехали – поедem. Мне как раз сегодня нужно поскорее добраться домой, – схитрила Людмила, хорошо понимая, что «друзья» оказались здесь не случайно, и чтобы отсечь возможность быть втянутой в очередную ситуацию-ловушку.

Юрий Львович, выйдя из машины, приветливо поздоровался с Людмилой, услужливо открыл перед нею дверцу и усадил на переднее сидение рядом с собой. Мичман устроился на заднем сидении. Едва отъехали, он попросил шефа «подбросить» его к станции метро «Белорусская». Людмила окончательно поняла: опять все подстроено.

Оставшись вдвоем, Юрий Львович сходу продолжил разговор, начатый им в ресторане.

– Уважаемая Людочка, – позвольте мне вас так называть, ведь я гораздо старше вас по возрасту, – долго ли вы намерены трудиться на своем поприще, где вас «все слушаются», как вы говорите? Я согласен: в самом деле, ваша профессия для многих девчат остается мечтой.

– Я, Юрий Львович, прохожу языковую практику. После возвращаюсь на преподавательскую работу. Для меня держат место в Ломоносовке. Так что я за нынешнее свое место держаться не буду.

Такого оборота дела Юрий Львович не ожидал. Понял: срывается его план. И он ринулся спасать положение:

– А сколько нынче платят преподавателям? Мизер! Вы, надеюсь, не обижаетесь на нынешнюю свою зарплату? Стоит ли идти на кафедру?

- Думаю, будет хватать. Займусь переводами, буду брать дополнительные занятия. Предлагают тему для защиты кандидатской: у меня неплохая практика преподавательской работы.

- Вполне допускаю, что вам на этом этапе не помешало бы и жилищные условия улучшить, мебель обновить..., - гнул свою линию «благодетель».

- Я пока довольствуюсь тем, что есть. Высоких запросов не имею, ни на что не претендую. Не на одном меркантильном жизнь держится. Есть другие интересы.

- Какие, Людочка?

- Например, передавать свои знания людям. Работая со студентами, сам многое приобретаешь.

- Оно все так, Людочка. Но, имея достойное благоустройство, достаточное количество даже «деревянных», можно приобрести любые знания и в любом объеме. И жить интересно, свободно, не быть привязанной к чему-то постоянному. Человеку нужно разнообразие. Не так ли? Нужно вырываться из ограниченного пространства.

- Я понимаю так, Юрий Львович: быть или не быть в ограниченном пространстве зависит от самого человека. Пушкин не объехал весь мир, вообще никогда не был за границей царской империи, а каков результат!

Видимо, не зная, как парировать этот довод, Султан резко повернул разговор в иное направление.

- Вы знаете, Людочка, о чем я сейчас подумал?

- Интересно, о чем вы сейчас подумали?

- Я подумал, как бы вы хорошо смотрелись за рулем достойного вас авто! «Шевроле», «Линкольна», например...

- Вот уж никогда не испытывала желания самой водить машину. Смотришь иногда - ползут, как черепахи, сплошной лентой, пробки на каждом перекрестке. Меня еще там не хватало!

- Аппетит приходит во время еды.

– Вот мы и приехали. Остановите, пожалуйста, Юрий Львович. Спасибо вам большое.

– Людочка, может, поужинаем вместе? Есть тут одно местечко – с террасой: кофе, чай, еще что-нибудь?

– Спасибо, Юрий Львович. Я говорила Виталию Николаевичу, что спешу домой. Может быть, как-нибудь в другой раз...

– Жаль, – сказал Юрий Львович разочарованно. – Он вышел из автомашины, тепло, почти нежно, попрощался с Людмилой, поцеловал ей руку.

Рызыскав Людмилу, Мичман спросил, действительно ли ей предстоит вылет в Париж. Она, в свою очередь, будто не придавая прежнему разговору значения, спросила:

– Зачем тебе об этом знать?

– Так, пустяк. Париж!...

– Говори уж, не крути. Не люблю вокруг да около.

– Письмишко надо опустить там... По адресу.

– И только? – наигранно-«наивно» воскликнула Людмила.

– Ну, там еще передача..., посылочка. Но это после... Там встретят. В общем, я приду к отлету.

– Сразу уж – «приду»! А ты мое согласие получил? – сказала она, быстро соображая: «Точно, форсируют. Они ведь не знают о моем решении порвать с Сергеем. И вообще...».

– Что за нужда такая? Почта работает.

– Потеряться может. Да и почта долго везет. А надо быстрее.

– Ладно, где оно у тебя?

– Здесь, со мной.

Мичман достал из внутреннего кармана костюма конверт и, передавая его Людмиле, сказал:

– Не запечатано. Можешь прочитать и заклеить. От вас, Людочка, секретов нет.

– Я думаю, не собираешься вместо себя меня в тюрьму посадить. Верно? Заклеивай сам.

– Гарантируется полная безопасность. Я за вас, Людочка, не

то, чтобы подвергать риску, подставить голову готов на гиль-
ятину...

– Рассказывай.... Поживем – увидим, – загадочно сказала она и оставила Мичмана в некотором недоумении.

Разойдясь с Мичманом, Людмила старалась представить, что заставляет их рисковать. «Наверное, Сергей за меня ручается. Или этот ухажер перестарался перед «хозяином»? Сергей может стать заложником». При последнем предположении кровь прихлынула к лицу. «Что бы такое придумать, чтобы не выполнять поручения? Это мне ни к чему. В общем, надо думать».

Султан надеялся, Людмила втянется в роль курьера, и Счуть ли не потирал руки. Решил сделать прием – устроить дружеский ужин снова в ресторане «Уют». По его заданию при очередной с нею встрече Мичман сказал:

– Юрий Львович – человек не только слова, но и дела. Он обещал дружбу и теперь приглашает на ужин. Он, я, вы с Сергеем, две дамы из его службы. Так, скромненько. Ты в ближайшие дни свободна от полетов? Тебе предоставляется право назначить день и час.

– Знаешь, Виталий, занята я очень именно в ближайшие дни.

– Но, в принципе, ты не возражаешь?

– Давай в другое время поговорим об этом. Немного освобожусь...

– Есть! – лихо козырнул довольный «Морской волк». – Так и передадим по команде.

Людмила по обычаю в хорошем настроении, с резервом Времени до вылета, приехала в аэропорт. Увидев там Виталия, пошла ему навстречу: все равно остановит.

– Что еще скажешь, ухажер? – сказала она игриво.

– Как наше послание? – сходу, вопросом на вопрос ответил Мичман.

– Доставлено по назначению. Теперь не сплю, на каждый шорох думаю: «За мной пришли», – смеется Людмила. – Что ты на это скажешь?

Однако Мичман на этот вопрос не ответил, он очень торопился и волновался.

– Людочка, как договорились, передача от Юрия Львовича. Прямо в руки.... Там, на Монмартре, встретят. Я сейчас все расскажу, – старался говорить так же весело-игриво Мичман, открывая свой «дипломат» и озираясь по сторонам.

– А я на Прагу. Зря старался.

– Как «на Прагу»? А Париж?...

– Париж отставить.

– Это почему? Как я теперь?... А ты?

– А что я? Я сама оказалась не в курсе. Позвонили за три часа. Послушай, Виталий, я ведь тебе своего согласия **не давала** «на постоянную работу». Так что с Юрием Львовичем сам **разбейся**. Нахвастал? А зря.

Мичман лихорадочно соображал, как выйти из такой ситуации. Султан такой промашки не простит. **Ведь наверняка** она сама **переменила** рейс, попросила, предлог нашла.... И не находил, что сказать Людмиле.

– Мне пора, – **сказала она, поправила** на плече лямку баула и **пошла своим путем, оставив порученца в смятении**.

Чтобы не подвергаться гневу шефа лично, Мичман **решил** об отказе Людмилы сообщить Султану по телефону:

– Рейс не состоялся, – торопливо доложил он. – **Изменили график**: вместо Парижа – Прага. Куда направить товар?

– Оставь у себя до следующего...

– А как **там?** Придут встретить...

– Переживут. Узнай, когда следующий рейс.

– **Есть!** – **С готовностью ответил** Мичман, весьма довольный своей тактикой.

На следующий день после прилета из Праги Людмила утром проснулась несколько позже обычного, однако достаточно отдохнувшей себя не чувствовала и продолжала оставаться в постели. Она вспоминала дни, следовавшие после вечера, проведенного в ресторане. Вспомнилось и далекое прошлое. Если раньше встречи с подругами и друзьями были интересными, – на квартире, в ресторане ли, теперь они казались лишними, не для нее. И в эти, последние, дни она почти никого не хотела видеть. Как бы с расстояния, со стороны анализировала свою жизнь в последние два-три года. Пришла к выводу, что все как-то поблекло. Той простоты, искренности, что были в отношениях с друзьями и подругами, уже не чувствовала. Сухость, черствость, каждый сам по себе. «Давно следовало говорить о собутыльниках Сергея, а не друзьях, – упрекнула она себя. – Что-то надо делать решительно».

Пройдя по кабинетам служб и не встретив Людмилу, Мичман, как всегда, с комплиментами и шуточками пристроился к группе бортпроводниц. В разговоре упомянул имена двух-трех их подружек, здесь не присутствовавших, в их числе и Черемнову. Всезнающая Зина, работавшая ранее в справочном бюро, угадав, кто конкретно интересуется Виталия, сказала:

- У парторга Людмила. Второй час сидит.
- Чего она там? – сорвалось с испуга у Мичмана. Но, спохватившись, с напускным безразличием заметил:
- Она, мне кажется, всегда была беспартийная.
- Душевные излияния. Сергей совсем того...спился, крыша поехала. Кстати, не без твоего участия, – съязвила языкастая Зина.
- Я тут при чем? – встревожился Мичман. И подумал: «Оказывается, о моей с ним дружбе широко известно».
- Да не при чем. Я так, пошутила, – засмеялась Зина. Подружки веселым загадочным смехом поддержали ее.

– Смотри, Виталька, придется Людку брать на попечение, – весело сказала одна из девушек, и все снова дружно рассмеялись.

– Мы бы с большим удовольствием... стоящее дело. Но не от нас это зависит, – попробовал отшутиться Мичман.

Озадаченный шутками и намеками девушек, Мичман решил не ждать Людмилу, не встречаться с нею, чтобы не насторожить ее и не заострить внимания к себе ее подружек. «И вправду подумает, что я слежу за нею. В другой раз встречу. О чем она фисканула парторгу? Закладывает?... Надо предупредить Султана. Нет, надо сначала самому побольше выяснить. А то он сильно разбираться не будет: раз – и.... Ну, а в чем я промахнулся? Вроде ничего конкретного не говорил. И она ни о чем не спрашивала, не мог я проболтаться. Разве что о письме, о посылке, о роли курьера? Я делал все в рамках установки шефа и не больше. С ним не посвоевольничаешь. О чем же они говорили так долго? Ее рассказ о Сергее вряд ли обойдется без упоминания моего имени. Значит, она меня заложила. Но я ей ничего плохого не сделал... Не должна... Вообще-то она ничего конкретного не знает. Так, в общем. Вот разве Сазан что-нибудь выболтал? От него могла узнать, вытянуть из него. Этот подонок мог перед ней раскиснуть, покаяться, расколотся. Ну, тогда держись, Рыба. Султан назначит «аудиенцию»...

Еще долго в этот день тревога не покидала Мичмана.

Султан слушал рассеянно. Его внимание было где-то далеко от сидящего напротив него Мичмана, который сообщал:

– У Гены могут быть неприятности.

– Какие?

– Сегодня Гена приезжал в аэропорт. Прошелся по залу ожидания на втором этаже, видимо, проверялся. Я подходить к нему не стал и не показался. Наблюдал за ним. В это время к посадке в самолет на Париж прибыла группа туристов. Гена

подошел к телефону-автомату будто с намерением позвонить, стал копаться в карманах. Вижу – чего-то выжидает. Наконец, достал монету, стал набирать номер. Тут к нему подошел один Фазан. Они перебросились фразами. Гена набрал номер телефона, подержал трубку, сделал вид, что не отвечают. Затем то же проделал и Фазан. После этого он подошел к группе и смешался с нею. Гена несколько раз прошелся по залу, осмотрелся, вышел на улицу, сел в такси и уехал.

– Ну и что?

Мичман докладывал так, чтобы все подвести к точке кипения.

– Да то, Юрий Львович, что этого Фазана замели!

Как замели? – вскинулся Султан.

– Очень просто. Сам видел. Проследил за Фазаном. Когда досматривали личные вещи, то всех туристов пропустили быстро. Фазана же досматривали строже. Чтобы не задерживать остальных членов группы, Фазана, руководителя группы и еще двух туристов пригласили в смотровую. Видимо, этих двоих прихватили в качестве свидетелей, понятых. Досмотр вещей туристов закончился, а тех нет. Туристы заволновались. Руководитель с двумя из них вышел и стал успокаивать группу, говоря, что ничего особенного. Фазан так и не улетел.

– И что с ним, в чем дело?

– Я разыскал сержанта Дубина. Оказалось, он был при досмотре группы. В разговоре с ним я как бы между прочим сказал, что видел, как из группы туристов в Париж был задержан один. Дубин сообщил «по секрету», что у этого туриста изъяли полсотни чеканок и еще кое-что... камни какие-то. Всего Дубин не видел, но знает, что составлен протокол, турист от поездки отстранен и задержан. Его увезли в управление транспортной милиции.

– Где он теперь? – обеспокоенно спросил Султан.

– Не знаю. Думаю, что Гена связан с Фазаном и не знает, что его замели.

– Понятно. Займусь. Что еще? – с нетерпением подгонял Юрий Львович.

– Мне кажется, что Фазана кто-то заложил. Слишком точно на него вышли. Никого так четко не досматривали, а его взяли.

– А что об этом думает сержант?

– Сержант сказал, что в последнее время несколько раз в службу пассажирских перевозок приезжал майор из областного Управления. С ним приезжал другой человек, в штатском, о котором Дубин ничего не знает, но полагает, что он из госбезопасности. Дубин слышал разговор двух офицеров о приездах майора и штатского. Один из них сказал: «Наверное, что-то серьезное, в отделение к нам не заходят. Начальник мечется, но пока ничего узнать не может. Полагает, что-то связано с таможней»...

– Да, ты прав, это возможно. Ты вот что, посмотри, не было ли в аэропорту или в смене кого-нибудь из наших. Ну, там поближе к службам по вылетам. Береженого Бог бережет.

– Были, Юрий Львович, были. Русалка была.

– Ну и что? – весь от внимания выпрямился Султан. – Что из того?

– А то, что Русалка видела Гену в аэропорту. Когда он и Фазан были у телефона-автомата, она как раз проходила там. Меня не заметила, я укрывался. Она Гену узнала, приостановилась, сначала, видимо, хотела подойти, но потом быстро прошла дальше.

– Так... надо иметь ввиду. Покумекаем. Вот что: ты этого сержанта не упускай. Не жидься. Постарайся узнать о майоре, из какой он службы и кто с ним приезжает.

Султан слушал все более внимательно, с нарастающим нетерпением и беспокойством. И Мичман продолжал поднимать свои «акции»:

– Что-то мне Сазан все больше не нравится, – сказал он. – Мордой крутит, молчит, злой стал. Похоже, Русалка все больше подминает его под себя.

– Откуда ты взял?

– Да оттуда, Юрий Львович, что она активная общественница, в любой кабинет дверь ногой открывает. А у активистки муж должен быть как минимум трезвенником. Иначе какой у нее авторитет?

– Давай без демагогии...

– Какая там демагогия... В воскресенье я попытался потепление дипломатических отношений организовать, пригласил ее на обед, чтобы толком поговорить. Она сказала, что некогда, занята. А вообще попросила обходиться без нее и оставить в покое Сазана. Я было с шуткой к ней, любезно, но она совсем серьезно посоветовала мне подумать о себе, то есть мне о моем будущем.

– Ну, ты, шутник! Не можешь поаккуратней! Русалка во как мне нужна. – Султан провел большим пальцем поперек горла. – Такие дамочки даром не даются. По делу она мне нужна, понял? Она кого хочешь проведет. Действуй через Сазана, он в твоих руках. Она – с одной стороны за него, а ты – с другой, и перетяни. Не торопи события, дружите дальше. Общественница! Все хотят жить не на одну зарплату. Она – тоже. Сначала вляпается, а потом деваться будет некуда. С нею стоит повозиться.

Султан встал, подошел к сейфу, вынул из него нераспечатанную пачку купюр и кинул на стол перед Мичманом. Тот взял пачку, небрежно повертел ее в руках, будто оценивая, хватит ли на выполнение задания, и опустил во внутренний карман.

Султан положил руку на трубку телефона, собираясь звонить, но трубку не поднимал, медлил. Мичман понял, не спеша поднялся и вышел, улыбнулся на прощание секретарше. Выходя из приемной, услышал, как она юркнула в кабинет Султана.

«Пройдоха, – подумал про нее Мичман, – настоящий «особый отдел» шефа. Умеет же он подбирать кадры! И красивая,

стерва. Скромницу из себя корчит. Даже не подумаешь, что такая может быть доверенным лицом в аферах такого «кита». Все она видит, все учитывает, все знает. Какие же он ей особые поручения доверяет? Не на такую ли уж роль он целит занять Людку?

Мичман обратил внимание, как Султан среагировал на происшествие в аэропорту с Геной и Фазаном. События последнего времени тревожили и его самого. В салоне такси он погрузился в невеселые размышления: «Гена, этот услужливый администратор «тихого» ресторанчика «Уют», – Геннадий Васильевич, – подручный Султана. Но какие делишки проворачиваются под этой почти ласковой вывеской – «Уют»? Гена, как и секретарша, в курсе многих дел хозяина. Он организует нужный уровень «деловых» встреч Юрия Львовича, ведет прием валюты, дорогих подарков, сувениров. Через него осуществляются расчеты с особой клиентурой. Гена ходит по острию ножа: чуть что – и замочат.... Он это отлично понимает. Однако, имеет и свой, отдельный «гешефт». Султан использует Гену и для воздействия особым образом на кого нужно. Насчет убрать – не знаю, но к разборкам – точно, привлекает. Как бы выкрутиться из этой компании, пока сам цел и бабки целы? Завязать бы да махнуть к морю. Домишко какой или квартиру сообразить. Да вот такую бы, как Людмила, – с теплотой и с сожалением о недоступности для него такой женщины, подумал он. – Везет же лопухам! – это он о Сергее. – Шеф... дорожку к ней стелет, по трупам, моему и Сазана, пройти готов. Вот куда целит: в стране стало тесно... Хочет на внешний рынок выйти. Может, когти рвать собрался?... Нет, его здесь все устраивает. Пока. Здесь все к его услугам. Берет, что хочет и сколько хочет. В милиции – свои люди. А народный контроль? Где он теперь? Был да сплыл... К Людке потянулся: «Для дела нужна»... – передразнил с ревностью шефа. – Еще посмотрим...»

Ивана Петровича Медведева, бывшего секретаря парткома, а теперь заместителя генерального директора авиапредприятия по работе с личным составом, в коллективе по-прежнему уважали и продолжали называть парторгом.

Иван Петрович встретил Людмилу приветливо, по-отцовски. Он знал, что она не была членом партии, но активная общественница. Не стал ее торопить обычными фразами: «Слушаю вас» или «Чем могу служить?» и т.п., а заговорил о том, что неплохо бы ей помочь оживить художественную самодетельность авиапредприятия, сагитировать туда новых участников. Поинтересовался, как она к этому предложению относится. И добавил:

– Перестройка перестройкой, какая бы она ни была, а культура культурой. О ней надо заботиться.

Медведев понимал, что Людмила пришла к нему по серьезному делу, по мелочам она не стала бы обращаться. Но чтобы она более спокойно, обдуманно изложила свою проблему, потянул время. И в самом деле, это ему удалось. Людмила не ожидала от него такого разговора, сначала несколько смешалась, но потом заговорила о своем. Художественная самодетельность-де – это хорошо, но она сейчас хочет поговорить с ним о другом. Медведев не стал настаивать, а предложил вернуться к этой теме в другой раз.

– Я к вам, Иван Петрович, – торопливо сказала она, – по личному делу.

Медведев согласился:

– Ну, что ж, давай начнем с твоего дела...

Его доброе отношение, обстоятельность, неторопливость подкупили Людмилу, и она стала подробно рассказывать, сначала немного сбивчиво, но потом все более последовательно и уверенно о нравственном падении мужа и, по существу, о распаде семьи. При этом старалась никоим образом не упоминать его дружков и их наверняка темные дела.

Несколько раз раздавались звонки по внутренним и го-

родскому телефонам, но Иван Петрович не отвлекался, давая таким образом Людмиле выговориться.

Она видела, что Медведев серьезно относится к ее личному делу и к ней он относится с уважением. Когда она закончила свою историю, спросил прямо:

– Ты новое место работы выбрала?

От неожиданности Людмила растерялась. Она поняла, что «парторг» давно знает и о Сергее, и о Виталии. И еще много о чем в связи с ее проблемой.

– Нет... Я недавно решила... Но как вы узнали? Я никому не говорила... Я и вам ничего такого не сказала.

– Успокойся, Людмила Петровна. Мне по роду службы много положено знать. Я готовился к разговору с тобой. Прямо скажу: кое-что из того, что знаю я, тебе знать ни к чему. Хорошо, что сама пришла. Давай переводить решение твоего вопроса в деловую плоскость. Ты сама-то что-нибудь придумала?

– Мне – хоть куда. Все так надоело... Терпение кончилось.

– Давай подождем день-другой. Я созвонюсь кое с кем. Обдумаем. Надо так, чтобы тебя не легко было найти. Верно?

– Спасибо, Иван Петрович! Я на вас надеялась... Спасибо!

– Чем-то придется поступиться. Сама понимаешь: устроиться на юге или в наших европейских городах сложнее. Не возражаешь за Урал? Вот и прекрасно. Только помалкивай. С Генеральным я сам переговорю. Постараемся сделать так, будто в служебной командировке. Пройдет энное время, все утрясется – вернешься.

Сложив в чемодан самые необходимые вещи, Людмила вызвала такси. Проверила еще раз документы. Билет положила поближе. Сергею оставила записку.

Повесила на плечо баул, в который положила сумочку, взяла чемодан, вышла из квартиры, закрыла дверь на ключ и пошла вниз с одной-единственной мыслью – не встретились

бы знакомые. На душе было беспокойно: «Тайком ухожу от мужа... Так ему и надо...».

До отхода поезда оставалось сорок минут. Из головы не выходил последний разговор с Виталием. «Нагрубила ему, конечно, зря. Да еще и пригрозила. Он все расскажет шефу, ведь по его заданию действует. А Сергей? Что станет с ним?... Чего это я так разволновалась? Раскаиваюсь? Сожалею? Нет, прочь все сомнения! Уже еду!».

Через несколько дней после того, как Султан узнал, что «замели» человека Гены, Мичман позвонил ему и намекнул, что у него есть важная информация. Султан тут же назначил встречу:

– В девятнадцать я ужинаю в «Праге».

За ужином он спешил и торопил собеседника. Мичман выполнить очередное задание шефа не смог и теперь стремился придать большую значимость своей информации: выходило, **сержант** оказался человеком жадным к деньгам:

– **Хочет** иметь тачку. Я подвез его на своей. **Дорогой** закуривали. Сержанту понравилась моя зажигалка, та, с раздевающейся девушкой. Пришлось расстаться. К автомашине у него **страсть**. Мечтает приобрести, чтобы приезжать в свою **деревню на собственной тачке** – аж на «Волге»! На зависть приятелям. Я думаю, его там недолюбливали за скупость и **жадность**. Так что он хочет кое-кому нос утереть. Откровенно **тянется** ко мне.

– **А ты** не жидься, – опять посоветовал Султан, употребив **свое любимое слово**, когда речь шла о чем-то **выгодном**.

– **Он** у меня в кармане. **Рассказал**, что последний раз майор **Слепиров** – сержант узнал фамилию – приезжал опять с **гражданским**. Они были в отделе **пассажирских перевозок**, в таможене, у Медведева. Кто этот **гражданский**, выяснить пока **не удалось**.

– Я узнаю, кто такой майор Снегирев и тот «гражданский», что их там интересуется, – уверенно сказал Султан.

– Гражданский наверняка из безопасности, – услужливо подсказал Мичман.

Он, наконец, сообщил, что пока не удалось увидеть Русалку и выложил главный козырь своей информации, о котором умалчивал до особого случая: «Пусть шеф много не воображает. Будет считаться со мной... Чужими руками хорошо жар загребать...».

– С нею что-то происходит. Она ходила к замполиту Медведеву, была у него часа полтора-два, – прибавил он. – Судя по всему, обсуждала с ним свои семейные проблемы – жаловалась на Сазана. Если это так, то, конечно, говорила и о его друзьях. Подружки прямо упрекают меня за дурное влияние на него. Оказывается, я его спаиваю...

– Ты чист, как стеклышко, – иронически усмехнулся Султан. – Русалкой плотней займись, чтобы каждый шаг... Держись с нею поосторожней, пообходительней. Не маячь с нею на глазах баб.

Помолчав, добавил:

– Выясни. С чем ходила к замполиту. Не тяни – сам видишь... кругом обкладывают.

Тут Мичман выложил еще один козырь своего «успеха»:

– Тот рейс, на котором вылетала тургруппа в Париж, из которой замели Фазана, обслуживала Русалка.

Султан перестал жевать, выпрямился, в тревоге со злобой прорычал:

– Что ты час битый баланду травишь? С этого и начинал бы! Это же все может быть связано: Гена, Фазан, замели... Ты все про Гену знаешь? Не думаю, даже я не знаю, а ты тем более. А про нее ты все знаешь? Ни черта не знаешь! Расписал: умная, смелая, решительная! Для кого решительная? ... Глаз положил, растаял... Плохо котел твой варит: от посылки отказалась, грубит, идет к замполиту, темнит, почти угрожает. Так? Так!

Почему влип Гена с Фазаном? Ведь она их видела. И получилось именно в ее смену!... Почему сразу не узнал, не ее ли это рейс? Займись. Не тяни. Пригласи ее и кого-нибудь из баб на ужин. Все, я поехал. Звони.

«Значит, шеф наверняка в курсе дел Гены и Фазана. Иначе бы так не взбеленился. А Людка? Действительно, она может иметь отношение... Шеф нервничает, что-то его припекает. – Мичман рассчитался за ужин, в раздумьях и тревоге поехал домой. – Надо отвлечься, успокоиться, отдохнуть, чтобы толком сосредоточиться, обмозговать. В случае чего – отвалить... А здорово я завел шефа!», – злорадно потирал он руки.

Сергей встал с кровати, побрел на кухню, налил из чайника холодной воды и жадно выпил: «горели колосники» – болела, кружилась голова. Все было противно. Как обычно в таких случаях, явилась и неотступно сверлила мозг мысль: «Где взять немного»?... Почти физически ощущал, как прокатилась бы она, «спасительная влага», обжигая пищевод и желудок, разливаясь теплом по всему организму, как бы уравнивающая все в его теле, облегчая страдания. «Ах, ты, мерзавец! – обругал он себя мысленно. – Ведь обещал завязать. Всегда обещал... Она надеялась. Не смог, подонок. Все противно. Но где взять немного?..»

В душе его шевельнулось теплое чувство к Людмиле: «Все терпит. Нет, уже не терпит. Одно твердит: «Проспись, проспись». Проявилось чувство ревности. Потом заключил: «Сам виноват...».

Пошел в ванную комнату, открыл кран, отрегулировал температуру воды, поставил под струю голову. Разделся, забрался в ванну под душ. «Совсем, как в вытрезвителе», – с иронией подумал о себе. Боль в голове немного снялась, мыслилось яснее, появилось больше устойчивости в ногах. Все сильнее нарастало раскаяние: «Надо завязать».

Погремел на кухне посудой, заглянул в холодильник. Там

оказались колбаса, сыр, яйца, кефир, масло и другие продукты. «Ее забота», – подумал благодарно. Однако искомого не было... Подумал, что это была бы последняя опохмелка. Готовить завтрак не стал: не было аппетита. Попил кефира, пожевал хлеба. Пошел одеваться, увидел на журнальном столике лист бумаги, исписанный Людмилой. Так было всегда, когда она поручала что-нибудь купить, сделать. Взял записку, взглянул и, как током, пробило с головы до пят. Не поверил, еще раз прочитал: «Еду на БАМ. Устала. Прощай. Ты свободен». Подписи не было.

Первая мысль – «Свершилось... дождался...». В голове неотступно: «Еду на БАМ. Еду на БАМ...». Не сел – рухнул на диван. Хмель пропадал, в голове прояснялось. «Когда она ушла, вечером, ночью? И вдруг осенило: «Позор! От меня ушла жена!». Небывало сильно застучало в висках, перекатилось в затылочную часть. «Что-то надо делать! Может быть, она еще в аэропорту? Ехать! Остановить! Вернуть! С какого аэропорта летают в БАМ? Где этот БАМ?... Да ведь это же не город... Это – «стройка века»!... На эту стройку рвалась молодежь... Может быть, она решила попугать, ушла к подружкам? Или в общежитие. Позвоню ей на работу, что там скажут».

Но звонить не стал, припомнил: «Давно звонил последний раз, Людмила запретила. Там удивятся моему звонку».

Беспомощность, растерянность... Но вот стало пробиваться ощущение обиды и злости на Людмилу, на себя. Даже подумал: «Много чести... не буду торопиться искать. Подумаешь! Тогда совсем нос задерет, шагу не ступишь. Никому звонить и говорить не буду. Все обойдется», – неуверенно заключил он.

С таким решением Сергей поехал на работу, рассуждая все более самокритично: «Сколько раз обещал бросить... И в самом деле, надо кончать. Вот только Людмила вернулась бы поскорее». А глубоко в душе сверлил червь сомнения: сможет ли? Сколько раз зарекался? Назойливо возникали и проплы-

вали перед глазами картинки кутежей, участия в левых заработках, выноса драгметалла, кутежей, похмелья.... Понимал, что не легко будет оторваться от Мичмана, от его дружков, особенно от Султана. При мысли о нем, по телу прокатилась волна страха. От неуверенности в том, что ему удастся бросить пить, не осталось и следа. Угнетало понимание собственного безволия, хотя всеми силами старался отделаться от самоедства и самоуничужения. «Подожду до вечера, а там видно будет, может быть, придет... что-нибудь прояснится. С работы приду, а Люда дома...» – мелькнула слабо обнадеживающая мысль.

Мучительной была смена для Сергея. Все валялось из рук. Необычная его рассеянность привлекла внимание сотрудников. Они подтрунивали, намекая на глубокое его похмелье.

После работы сразу поспешил домой, звонить не стал. Очень, до тоски, хотел, чтобы Людмила оказалась дома. «И тогда, – уверял он себя, – все пойдет по-другому». Но дома ни жены, ни новой записки не оказалось. Весь вечер не находил места. Не раз порывался позвонить кому-нибудь из ее подруг, но сдерживался: «О чем спрашивать? Что говорить?». Звонить родителям Людмилы не мог: давно они его не приветчают. Мать откровенно не скрывала неприязни и просила его не напоминать о себе. Упрекала Людмилу, что та терпит такие унижения. И болезненно старался найти себе оправдание: «Пью с горя. В моем положении простительно... Можно... последний раз»... И опять подумал: «Стоит только позвонить Мичману, ... у него всегда для меня найдется. Это унижительно, но я в долгу не останусь...». Но звонить все же не стал и никуда не пошел. Остаток вечера провел в раскаянии, в приступах обиды и ревности да в муках жажды.

Прошел еще день, жена не появилась, сведений о ней не было. Приехав домой, решил все же позвонить подруге Людмилы. Галина Сергеевна старше Людмилы на несколько лет, женщина серьезная. Услыхав в трубке ее голос, замялся, не

зная, что и как спросить. Галина Сергеевна, уверенная, по какому поводу он ей звонит, хотя и в шутливой форме, но с издевкой, сказала:

– Ну что, проспался? Пропил жену? Ищешь? Ну, ищи-ищи. Везет дуракам: такая баба – цены нет. Успокойся. Возьмись за ум: может, вернется.

– Галина Сергеевна, где Люда? Я не думал, что она так сразу...

– Молчи уж: «Не думал, не гадал, так сразу», – передразнила Галина Сергеевна. – Да надоел ты ей! Замучил. Перед людьми опозорил. Можешь не искать. На БАМ уехала. Всю судьбу девке переломал. Дитя не имеет замужем. Хватит: некогда мне ляды точить.

И положила трубку.

Сергей почувствовал себя так, будто чем-то тупым и тяжелым огрели его. «Значит, действительно, бросила», – все более понимая это, подумал он. Очнувшись, положил на место подававшую тревожные гудки трубку. Долго собирался с мыслями. Его буквально истязало желание выпить. И вдруг ощутил небывалую пустоту в квартире. В памяти возникали сцены прежней жизни: нормальные, приятные, веселые и серые, пьяные, неприятные. Вспомнил Людмилу студентку, потом жену – красивую, умную, веселую, любимую. Да и сам он – атлет, рослый, симпатичный, подающий надежды – почти что кандидат технических наук. Лыстило, кружило голову внимание девчат. Девушки разные – серьезные, скромные и... навязчивые, не стеснявшиеся, искавшие обеспеченной, сладкой жизни. В этом их стремлении он хорошо разбирался. Потому и ценил Людмилу, ухаживал за ней, объяснялся, делал подарки, приносил цветы. И добрая фея склонилась. Он же был окрылен, купался в семейном счастье. Гордился женой, старался быть с нею на виду у друзей, сослуживцев. Встречи, застолья, пикники, пирушки. Оба работали, что-то перепало от небедных родителей. Не заметил, как стало потребнос-

тью без рюмки за стол не садиться. Дальше – больше. Прежде сам угощал, потом денег стало не хватать, перестал стесняться выпивать за чужой счет.

Людмила робко просила воздерживаться. «Вот если бы она тогда по-настоящему взялась за меня, – пытался переложить вину на жену, – и науку бы не бросил».

Вдруг течение его мыслей прервал звонок. Увидев за дверью гостя, Сергей не хотел впускать его в квартиру, он вообще не хотел никого видеть, но Мичман без приглашения смело вошел, будто это делал привычно, как близкий друг. Сергей невольно отступил, пропуская его.

– Здравствуй, Серега! Людмила дома? Еду мимо, думаю, дай зайду, приглашу вместе поужинать. С автомата звонил – занят телефон. Значит, подумал я, вы дома. А Людмила где?

– Нет ее.

– Что это ты такой скучный? Когда будет она? – наигранно весело говорил гость, обходя квартиру, заглядывая в спальню, на кухню.

– Не знаю... Может, скоро.

Сергей понял, что не сам он нужен Мичману, а Людмила.

– Что-то, старик, ты нынче мне не нравишься, – высокомерно-покровительно заявил незванный гость. – Тебе надо развлечься. Собирайся. Люда придет, и за ней сгоняем. Закиснет она у тебя. Где она? Заедем за ней.

Мичману явно не терпелось. Он был обеспокоен: срывался намеченный план укрепления дружбы с Русалкой. Что подумает Шеф?

Сергей молчал. Ему страстно захотелось проучить этого самоуверенного наглеца, который не только помыкает им, но и вольно обращается с Людминой. Что с ним сделать? Выставить за дверь?

Мичман притворно-дружески обнял Сергея за плечи и подтолкнул в прихожую.

– Ужин остынет. Не отказывайся. Хорошие клиенты под-

вернулись. Сегодня так, слегка пригубим и подготовим почву на завтра.

Этот план гость сочинил на ходу, чтобы если не сегодня, то завтра увлечь в компанию Людмилу. Это понял Сергей. Он также понял, что Мичман об исчезновении Людмилы не знает. Жажда выпить брала верх. Податливость, подчинение другому человеку развились в нем пропорционально алкогольному отравлению. Однако сообразил: «Я превратился в нужную вещь, в средство создания выгодной обстановки»...

Такси доставило их в негромкий ресторанчик. Окинув взглядом небольшой зал, Мичман провел Сергея к столику у стены, за которым сидели два человека. Стол был накрыт скромно. Видно было, что клиенты их ожидали. Мичман познакомил Сергея с ними. Они оказались «толкачами» из уральского города. За ужином старший вел деловой разговор с Мичманом. Говорили об известных им предметах, а потому изъяснялись полуфразами. Второй гонец и Сергей в их разговор не встречали.

«Все идет по накатанному, – отмечал про себя Сергей, – вот и я кормлюсь от системы повального взяточничества московских чиновников, встроившихся в службу материально-технического снабжения. Будущие поставки, о которых пекутся гонцы, – понимал он, – не гарантируют долговременного характера отношений и обременены риском. А это угрожает срывом выпуска важных изделий, на которые еще есть спрос. Потому и прислали этих. Мичман обещает на другой день сообщить результат «его усилий». Хитрит. Давно отработана нелегальная схема, где и что взять. Толкачи это понимают, но молчат, слушают, не возражают – другого выхода у них нет. Система «посредничества», сменив «блат», набрала темпы. Закон «О кооперации» давно положил ей начало», – заключил он.

Условились встретиться на другой день в ресторане «Прага», где и продолжить разговор. Мичман пообещал быть с «интересными» людьми, что означило, гонцы не должны поскупились.

Личное горе останавливало внимание Сергея на понимании своего положения: «Я стал игрушкой в руках дельцов. Выдают за своего поделщика. Теперь уже в открытую хотят втянуть Людмилу... Но какую роль ей отводят? Из-за них она ушла». В нервном напряжении он налил рюмку коньяка и, не дожидаясь общего тоста, выпил.

Часа через два вышли из ресторана, в такси доехали до гостиницы «Алтай», где гости вышли.

Мичман привез Сергея домой, проводил в квартиру. Сергей был очень пьян, но на ногах держался. Внутри у него все кипело от обиды и унижения, разгоралась злость. Когда Мичман говорил, что Сергей и Людмила завтра к вечеру «должны быть в форме», что они будут нужны в «лучшем виде», Сергей взорвался:

– Хватит командовать!... Людмила никуда не поедет! И вообще катитесь вы все...

– Что с тобой, старик? Тебе надо отдохнуть. Ты устал. Давай баиньки.

Мичман хотел помочь Сергею раздеться. Такое покровительство вконец вывело того из себя, и он, что было сил – остатки былой натренированности, – двинул ему боксерским приемом кулаком в лицо. При этом разразился такой нецензурной бранью, какой от него никто не слыхивал. От удара Мичман отлетел и ударился головой о стену, едва удержался на ногах. Но в драку не полез. Сергей, не получив сопротивления, набросился и вытолкал обидчика за дверь.

– Я вам покажу Людмилу! Проваливай! Нет Людмилы. На БАМ уехала. Из-за вас все, гады! Вы у меня попляшете!...

Мичман пытался успокоить Сергея, хотел узнать, что произошло в его семье, где Людмила, но тот в ярости готов был крушить все на своем пути. И Мичман поспешил вниз, на ходу утирая платком лицо. Он боялся привлечь внимание соседей Сергея. От удара кружилась голова, он едва держался на ногах.

На другой день Мичман позвонил в «полетную» аэропорта и, не представляясь, попросил пригласить к телефону Черемнову. Ему ответили, что она больше не работает, уволилась. На вопрос, не знают ли сослуживицы, где она, ему ответили:

– Вам говорят: ее нет, она выехала.

И положили трубку.

По спине Мичмана пробежали мурашки.

Придя в себя, он позвонил Султану. Тот недовольно спросил:

– Что у тебя?

– Русалка слиняла...

– Как слиняла? Что ты несешь?

– Уволилась. Уехала.

– Мерзавец! Где ты?

– У Лехи.

– Жди, сейчас буду.

Мичман понимал, что значит для Султана это сообщение. Хорошо представлял возможные последствия для себя: «Он не будет церемониться ни с кем, на все пойдет. Это деспот. И где только научился? Или эта жестокость в крови? Для меня не безопасно, надо быть готовым ко всему».

В «буфете» Султан говорить не стал, пригласил Мичмана в автомашину. Дорогой молчал. У парка имени Горького вышли, направились в парк, в сторону прудов.

– Говори... по порядку.

– На другой день после «Праги» я встретил ее. Она как раз сдала рейс. Разговаривать не стала. Грубо заявила, чтобы я не «шестерил», жил своим умом, что она меня презирает и чтобы я больше к ней не подходил, что некому разобратся со мной и моими дружками. Я пытался ее успокоить, показывал, будто воспринимаю ее разговоры как шутку, но она сказала: «Ты не считал, сколько зла вы причиняете людям? Это вы и такие, как вы, все разрушаете и разваливаете. Тюрма о вас плачет.

Кому и для чего ты меня подставляешь? Я тебе этого никогда не прощу». Повернулась и ушла. Я пытался ее остановить, дать понять, что для нее не пройдет... что лучше по-хорошему – ни в какую. Кругом люди... Так и ушла. Хотел поговорить с нею сегодня, но она рассчиталась и уехала, а куда – не говорят. Наверное, перевелась куда-то. Исчезла...

– Что значит «исчезла»? Где Сазан? Что он говорит?

– Сазана пока не нашел. Дома нет, на работе не отвечает, – солгал Мичман.

– Гад! Паскуда! Ну,... я ему! Сам им займусь. Может быть, они вместе рванули? Что говорят ее сослуживцы? Кого из них хорошо знаешь?

– Им теперь хоть на глаза не попадайся. Они же меня считают во всем виноватым...

– Не паникуй! Шевели извилинами! И когда загребут не паникуй: «Не видел. Не знал. Не придал значения...». Язык развяжешь – себе же хуже. Вот что: пока припухни. Без лишнего любопытства. Но на ее след выйти нужно, как можно быстрее. Хоть из-под земли достать! Возможно, она где-то здесь. Я скажу – менты поищут. Запиши мне ее адрес. Остальное – по их части. С сержантом поговори. Осторожно. Может, он что знает. Оставила же где-нибудь след. Как только Сазан объявится – звони. В Конторе, в Буфете, в «Уюте» не показывайся. Покумекай, кто валит, кому сели на хвост. Я сказал – майора переключили – слишком любопытный. Сержанта не упускай, кинь ему! Пригодится.

Шеф ушел. Мичман продолжал произвольно шагать, напряженно думая о том, что наговорил Султан, какое задание дал. Предстояло обдумать собственные действия, обезопасить себя...

– Слушай, рыба, расскажи, как глубоко ты пал? Кого и за сколько заложил? Тебя предупреждали...

Сергей понял, все равно не поверят в то, что не рассказывал

Людмиле о левых заработках, что никого не закладывал, об отъезде Людмилы не знал. Да и не станет он разговаривать с этими подонками. Не убьют, конечно, но бить умеют. Бесплезно сопротивляться. Трое на одного. Да и пьян... Посмотрели бы, кто кого, если бы не потерял форму... Да и они не с пустыми руками. Унизительно, гадко. Сколько им заплатят? Или на «крючке» сидят? Связываться не стоит – бесполезно, еще хуже будет.

И вслух, с тоненькой, как волосок, надеждой:

– Можете передать, я ни при чем...

– Расскажешь нам.

– Я сказал все.

В это мгновение Сергей почувствовал сзади себя четвертого человека.

... Сознание возвращалось медленно. Тело не слушалось. В голове шумело. Припомнились вопросы, угрозы, тупые удары. Понял, находится в больнице.

И снова забытье.

Как сквозь сон слышал, что вошли двое. Открыл глаза – на табурете рядом сидел мужчина. Догадался, хотя и в белом халате, но не врач. Врачом была женщина, она сказала:

– Больной, к вам из милиции. Я разрешила.

И обращаясь к мужчине, предупредила:

– Не более десяти минут. Я приду.

...По результатам опроса капитан милиции в протоколе записал: тогда-то, там-то, во столько-то «был остановлен и беспричинно избит неизвестными лицами гр-н Сазанов Сергей Константинович... Нанесены тяжкие телесные повреждения... Со стороны потерпевшего ходатайств не заявлено».

На том дело и кончилось.

Многократно проверенная технология – исследования изделия – успешно прошла экспертизу и была реко-

мендована к внедрению в производство. Теперь можно бы и докторскую представить к защите. Но затянувшаяся болезнь Людмилы требовала много внимания, и Виктор Иванович не находил времени на дооформление диссертации. Между тем институту рекомендовали продолжить работу для комплексного исследования еще более нового типа изделий.

При очередном обсуждении подготовки к эксперименту заведующий отделом Захар Иванович как-то сдержанно, вяло давал свои рекомендации, и было не понятно, устал он, заболел или какая-то другая тому причина. Дата эксперимента точно определена не была. Участники совещания расходились в недоумении.

Виктор Иванович уходить не спешил. Ему хотелось выяснить причину безразличного отношения начальника к столь серьезной работе. Захар Иванович, похоже, и сам, желая поговорить с автором разработки, сказал:

– Главк резко ослабил интерес к нашим типам изделий. Шеф по возвращению из Москвы рассказал: с третьего квартала срезали финансирование институту. Предложено незавершенные разработки временно законсервировать. Не следует спешить и нам с вами. Есть, конечно, небольшая надежда на некоторое финансирование. Но.... Генерал намерен добиться приема у министра вместе с нами – мной и тобой. Так что на всякий случай готовь документацию и обоснования. Но пока никому ни гу-гу. Не стоит панику сеять, народ расхолаживать. Может быть, все еще утрясется. Затянул ты с защитой докторской. Теперь-то уж засядешь за подготовку ее к представлению, время у тебя будет... – с горькой иронией сказал Захар Иванович.

Весть о сокращении финансирования НИИ для Виктора Ивановича, была неожиданной, и он сам себя укорял: «Пока занимался новыми технологиями, не заметил толком быстро меняющихся общественно-политических и экономических сдвигов в стране». Захар Иванович закончил разговор словами:

– Как бы не пришлось нам искать работу на стороне. По договорам. Хоть с чертом, хоть с дьяволом. Жаль, люди начнут разбегаться.

Прошел месяц. Работа по совершенствованию технологии почти угасла. Сотрудники разбрелись по своим цехам, где их ждало разочарование: объем заказов резко упал. «Рабочие места сокращаются», – услышали они.

Двое вяло продолжали монтаж новой схемы датчиков на панели. Виктор Иванович понимал: пройдет какое-то время, и все придется начинать с нуля. Время упускалось. К работе над докторской диссертацией он так и не приступил. Главное для него была принципиально новая технология, имеющая важное значение прежде всего для предприятий оборонного комплекса. Но заинтересованные руководители и специалисты производственного объединения и НИИ кто сочувственно отмалчивался, кто пытался морально его поддержать. Находились и такие, которых происходящее как будто не касалось. Как потом выяснилось, они уже присмотрели для себя выгодную «нишу» на стороне. Но большинство из восемнадцати тысяч работников объединения и НИИ надеялись: «Все еще обойдется, образуется»... государство нас не бросит: это же «оборонка»!

Будучи в Москве на стажировке, Краснов выкраивал время на сбор материала по делу стюардессы. К своему удовлетворению, убедился, что приехал не напрасно. «Перепиской столько узнать не удалось бы, а время уходит. А это богатый оперативный материал». Вспомнил, как решался вопрос о его поездке. Генерал поддержал командировку в Москву, рекомендовал организовать ее как стажировку в Центре. Он говорил: «Набирайся опыта. Дел по организованной преступности становится все больше. Увидишь обстановку в «Центре», приедешь – расскажешь, семинар проведем».

Столичные сыщики отнеслись к Краснову снисходительно. А факт его работы в Москве по столь «рядовому» делу воспринимали, как наивный порыв провинциала. Они почти не интересовались результатами его стараний. Между тем перед Красновым вырисовывалась характерная ныне драма... «Драма всего общества, – с грустью думал Краснов. – Происходит она от наплыва событий тревожных, глобальных, уничтожающих все нравственное, справедливое, даже законное. Общество как будто по чьей-то злой воле и все больше страдает от действий криминальных. Не могу понять, – терзался он, – почему на то, что Москва опутана вязкой организованной преступной сетью, работники министерства почти не реагируют, как бы ничего не замечают. Не могут же они всего этого не знать! Этот пройда Виталий, – анализировал Краснов, – волочившийся за Черемновой, крепко связан с оборотистым руководителем «Конторы», которая действует параллельно с управлением материально-технического снабжения мощного производственного объединения «Электрон». Только личным хождением по московским милицейским структурам удалось узнать: руководитель «Конторы» известен Главному Управлению Министерства внутренних дел как крупный махинатор, который и сам является пешкой в руках других хищников, куда крупнее. Как и чем конкретно занимается Главное Управление Министерства, в каких масштабах – мне, человеку «снизу», знать не положено. Его сотрудники делают вид, что им «все известно». Есть якобы установка: «мелочевку пока не трогать», дабы «не спугнуть основных». Здесь многозначительно намекают, что «дело находится на контроле руководства». Москвичи не любят, когда им подсказывают, «лезут» в их дела. Не ждать же теперь, когда москвичи разберутся с «верхами», – убеждал себя Краснов.

Он понял: основная версия по делу нападения на Черемнову – преступление криминальных дельцов. «Они ее заподозрили в том, что она их «заложила». Она стала им опасна. Но сколь

много о них она знала, была ли она настолько опасна, чтобы ее «убирать»? Перестраховались? Что для них человеческая жизнь! Могли «перестараться» и исполнители. Много предстоит работы. А преступлений все больше, милиция буквально тонет в них. Неужели так и уезжать из Москвы, не добравшись до истоков, до существа этого преступления, без каких-либо доказательств?

Тут Краснов вспомнил: «Ехал-то я в Москву так же и для того, чтобы лично больше узнать, что творится в родном ведомстве? В результате у меня возникло много вопросов. Почему, например, наработанное положительное смазывается очередной – уже которой по счету! – реорганизацией структуры МВД? Впечатлений – выше головы. Будет о чем рассказать. А что по делу? Вернуться ни с чем? На месте искать доказательства и виновных? Конечно, можно перетрясти всех местных «мокрушников», «потенциальных», «гастролеров», ограничиться официальными отписками из Москвы и приостановить дело на неопределенное время, если не навсегда...».

Осваивая программу стажировки и работая по «делу стюардессы», чего только не посмотрелся, не послушался Краснов в Москве – в милиции, в ресторанах, в аэропортах, в магазинах, в гостинице! Казалось, голова его пухнет: «Сколько преступного вмещает в себя «любимый город, моя Москва!» – вспомнились слова замечательной песни. – Сколько мрачного, мерзкого скрывается в ее недрах! Да все ли скрывается? Сколько всего этого на виду у всех. Напротив, выставляется напоказ, демонстративно, вызывающе. И это в городе, который было задумано сделать образцовым. А ведь был город, к голосу которого прислушивался весь мир, все правительства, партии, блоки, движения. Одно слово – Москва! У одних это слово вызывало чувство гордости или даже умиления, у других – содрогание, ненависть, злобу, агрессивность. Москва! Кремль! Эти слова притягивают внимание всех! Москва – город с удивительной историей, колыбель многих передовых идей и начинаний, от-

крытий и изобретений человечества. Город несчетных шедевров искусства, достижений вершин науки, город талантливых людей, подлинных Героев и вождей! А рядом столько зла! Куда идет Москва? Точнее: куда ее ведут?».

Остановив ход своих тяжелых мыслей, Краснов стал продумывать, что еще можно сделать по делу здесь, в Москве. Часы показывали семнадцать. Вечер можно было употребить на встречу с другом Григорьева Василием Суловым. И он решил пригласить его к себе в номер гостиницы.

Василий оказался дома. В телефонном разговоре был сдержан. Поблагодарил за привет от Григорьева. Сказал, что в соответствии с договоренностью в Северном, навел кое-какие справки по делу Людмилы Черемновой, но, к сожалению, вряд ли они могут иметь значение для следствия.

Заметил с горечью:

– Вряд ли вообще смогу помочь: слишком глубоко, вернее – «высоко» уходят корни...

От встречи уклонился, сославшись на занятость:

– Утром вылетаю в длительную командировку.

Через секунду добавил:

– В «горячую точку».

Василий попросил передать привет Виктору Григорьеву, сказал, что по приезде на место «черкнет» ему. С неуверенностью в голосе пожелал успеха в раскрытии преступления.

В аэропорту Сергей справился о своем рейсе. До отлета оставалось два часа. В туалетной комнате он умылся, это его несколько освежило. Стал обдумывать, что же только что произошло? Чем отчетливее восстанавливал картину, тем тревожнее становилось на душе. Хмель отступал, в памяти прояснялось. Все больше он понимал нелепость и трагичность своего положения. Нарастало чувство страшной вины и раскаяния. Что делать?... Что предпринять? – пульсировало в мозгу. – Провалиться бы сквозь землю... Исчезнуть... Остаться

в Северном на день-два, узнать, что с Людмилой? Попросить прощения и никогда больше не беспокоить ее, не напоминать о себе? Рассказать, как трудно, мучительно трудно переживает свой поступок? Признаться, что причинил ей столько горя, поступил так подло. Как все было? Он дал мне нож – всунул в руку. Я нож бросил на землю. Я не сильно ударил Людмилу рукой где-то по плечу, по шее. Подонок! Мерзавец! – обругал он себя. – Люда уже уходила. Нож с земли схватил Хромой и бросился к ней. Она обернулась, отскочила от него и оказалась за кустом. Оттуда какой-то шум, стон Людмилы. Хромой сказал: «Бежим!», и мы побежали. И я побежал, вместо того, чтобы защитить Люду, я ее ударил. Гад! Подлец! И бросил ее... пьяный в стельку»...

Кляня себя, он мучительно искал оправдания своему поступку. Наконец, будто осенило: «Мичман! Он знал, он видел, как я переживал уход Людмилы, и старался распалить во мне чувства унижения, оскорбления... Скотина! А я что думал? Почему поддался ему? Ведь своя голова на плечах. Голова?... Пьяная... голова. Да, я действительно хотел ее вернуть. Они подстроили, чтобы меня виноватым сделать... Как я раньше не догадался, что они могут, пойдут на все. Им надо было вернуть ее, втянуть в свои грязные дела или убрать.... Ах, ты, скотина!» – в который раз казнил он себя.

Опять явилась мысль остаться в Северном, пойти в милицию с повинной. Но денег нет, а билет в кармане. Вдруг мелькнула догадка: «Если Хромой узнает, что я не уехал, что принимаю какие-то меры, заподозрит, и тогда...». И вновь его охватил страх. «Нет, надо лететь, обдумать все. Потом можно еще приехать. Можно и написать,... если жива. А Мичмана и Султана я еще достану», – слабо пригрозил он и отправился на посадку в самолет.

Возвратясь из командировки, Василий на другой же день пришел в редакцию. Заведующий отделом Александр Борисович встретил его хмуро. Обыкновенно он радостно вставал из-за стола со словами приветствия и с вопросами: «Здравствуй-здравствуй! Какую изюминку привез? Показывай!». На этот раз он был сдержан, встал с вращающегося кресла, подал руку, которая, как показалось Василию, стала необычно мягкой, пухлой, и пригласил сесть к приставному столу. Василий не подал вида, что заметил перемену в отношении к нему друга.

– Рад видеть, Василий Степанович, – официально обратился тот к спецкору.

Не обращая внимания на столь изменившееся отношение к себе заведующего отделом, Василий прошел и присел к столу, как это делал обычно: запросто, готовый к дружеской беседе и в то же время к деловому докладу.

– Рад видеть, проходи, садись, – машинально продолжал приглашать зав., не зная, с чего начать и как вести разговор.

– Да я уже прошел и сел, Александр Борисович, – с иронией в голосе сказал Василий, называя друга не просто «Саня», а подчеркнуто по имени и отчеству.

Поняв иронию, Александр примирительно сказал:

– Ладно тебе.... Давай рассказывай, что у тебя... в твоём портфеле?

– Значит, показывать не надо.... Хорошо, расскажу, – с ехидцей отозвался спецкор.

– Ну, ты, Василий, не лезь в бутылку. Успокойся... А что материалы твои не идут, так... тебе же платят... и за командировки.... Ну, и так далее...

– И дальше материалы лежать будут? Так, что ли, Александр Борисович? – с вызовом спросил командированный.

Зав. отделом резко встал с кресла, засунул руки в карманы и зашагал по кабинету взад-вперед по диагонали:

– Ты меня пойми! – понизив голос, заговорил шеф. – Я тут

при чем? Там все решается! – глазами показал вверх, где этажом выше расположен кабинет главного редактора. – Шеф!

«У каждого свои шефы, – пронеслось в голове Василия. Шефы вершат «беззаконие в законе».

– Понятно, – сказал Василий. – А ты-то как считаешь? – на прямую спросил он.

– Я как? Я, как все, – уклончиво ответил Саня. – Время такое.... Всем хочется хлеба да еще и с маслом. А мы что? – старался изобразить он себя «мелкой сошкой», поставить наравне с рядовым спецкором. – Мы – люди подчиненные...

– Еще раз понятно! – начинал дерзить спецкор. – Так как мне плясать? Под чью дудку? – с явным вызовом спросил Василий.

– Пиши коротко. Только факты... Сам знаешь как... Только факты... Факты отбора требуют... А всякие там комментарии, собственное мнение... Не мне тебя учить. Вот и отбирай. Ты вот посиди в моем кресле.

– Ну, теперь совсем понятно. Может, заявление написать?... «По собственному желанию»?

– Слушай, давай не будем. Зачем мне эти заморочки? Ты думаешь, мне это надо? Попробуй в моей шкуре! – деланно возмутился Александр Борисович. – Куда ты пойдешь? У других еще круче. В оппозицию? Так у них «в одном кармане вошь на аркане, в другом – блоха на цепи». А у тебя двое школяров, как говорят в Хохляндии. Сколько Татьяна приносит своих учительских? Который месяц уже не платят?... Я с тобой, как с другом....

– Ну, это уже агитация, прямая политика. Спасибо, просветил, – возражающим тоном сказал Василий.

– Исходя из ситуации, – перебил «шеф». – Пойми: не лезь в политику. Там такие «зеленые» задействованы! Не горячись. Отдохни. Адаптируйся.... Давай лучше вечерком посидим, помозгуем, чего-нибудь придумаем. Ты не один такой идейный. Много таких, надеются, ждут, когда обратно.... А пока....

– Вынуждены, ты хочешь сказать? – закончил за него спецкор. – Вынуждены, – повторил он, понизив голос, и сказал, – кажется, ты в чем-то прав. Действительно, это надо уразуметь. Вынуждены менять лицо, вынуждены продаваться... пере-черкивать себя самого. Так? Сидеть и ждать, когда кто-нибудь другой.... Хороша позиция!

Александр Борисович достал носовой платок и стал усиленно вытирать лоб, все лицо, шею. Василий отметил про себя: шеф за последнее время заметно наполнился жирком, погрузнел, порыхлел телом. С настойчивостью спросил:

– Что-нибудь возьмешь или в другую газету нести:
– Оставь, посмотрю.
– Вот здесь, – Василий положил свою папку на край стола.
– Я пошел.

– Извини, если что... – примирительно сказал Саня. – Не сердись. Я позвоню в конце дня. Дома будешь?

– Дома. Адаптироваться, – передразнил «шефа» спецкор, – стрессы снимать...

– Прощаться не будем. До вечера. Ирку предупрежу. К вам или к нам. Созвонимся.

«Шеф» постарался как можно дружелюбнее проводить «трудного», идейного спецкора, в душе довольный, что легко отделался.

При вторичном выезде в Москву Краснов решил начать с допроса бывшего мужа пострадавшей.

– Гражданин Сазанов, следствие располагает данными о том, что восемнадцатого августа сего года вы находились в Северном. Поездка ваша подтверждается официальными документами в аэропортах, свидетельским показанием. Проверкой установлено: семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого августа вы отсутствовали на рабочем месте. Расскажите об обстоятельствах и цели вашей поездки в город Северный?

Сергею стало ясно, записывать бесполезно и бессмысленно. С чего начать рассказывать? Слишком много всего... Почему жена уехала? Почему опустился? Кто друзья-товарищи? Кому и зачем потребовалось убить Людмилу? И меня подставить... Рассказ на многие часы. А там пойдет, будут вытягивать сведения о всяких разных обстоятельствах и фактах. И все это разойдется по организациям, учреждениям – для проверки. И даже очень далеко от Москвы. Пойдут новые лица, другие факты о преступных сделках, которых с каждым днем все больше. Об этом все знают, и милиция знает. И правительство знает. И занимаются «компетентные органы»... Должны заниматься», – заключил Сергей.

Краснов понимал его состояние, не видел в нем ухищренного преступника, а потому не торопил с ответом, не нажимал, уличая. Однако после долгой паузы, снова обратился.

– Гражданин Сазанов, я повторяю свой вопрос.

Очнувшись от размышлений, Сергей почти истерично прокричал:

– Я скажу все... Я ее убил... Я!.. Я ездил, чтобы вернуть ее. Мы в браке... Она моя жена. Я должен был уговорить ее возвратиться домой... Ко мне.

– Вы до этого принимали меры к тому, чтобы возвратить жену домой?

– Нет.

– Почему?

– Я не знал ее адреса.

– А что мешало узнать ее место жительства? Ведь у нее было много сослуживцев.

– Мне она оставила записку: уехала на БАМ.

– Записка эта сохранилась? Она не с собой у вас?

– Записка сохранилась, она у меня дома.

– Записку необходимо приобщить к делу. Она может явиться смягчающим вашу вину обстоятельством.

О смягчающем вину обстоятельстве Краснов сказал для

того, чтобы допрашиваемый по каким-либо мотивам записку не уничтожил.

– Когда вам стал известен ее адрес?

– Ее точного адреса я не знаю. Примерно месяц назад мне сказали, что я должен поехать в Северный и уговорить ее вернуться домой, ко мне.

– Кто, конкретно, сказал? Назовите?

Сергей понял, что не удастся скрыть своих опасных покровителей – проговорился! На миг пронзило чувство страха, вспомнил жестокое избиение.

– Не помню, кто сказал...

– Ну, хорошо, потом вспомните, скажете. А вам известно, каким образом эти люди узнали адрес вашей жены?

– Навели справки по управлениям аэрофлота. Постепенно. У них возможности большие... Кто и как наводил справки – не знаю.

– Давайте вернемся к цели вашей поездки.

– Я повторяю: ездил с целью уговорить Людмилу вернуться ко мне в Москву.

– Ваши знакомые сказали вам, что ваша жена не свободна, она фактически замужем?

– Да, сказали. И все равно я должен был заставить ее вернуться.

– Что значит «должен был заставить»?

– Я должен был потребовать... Силой. Угрозами...

– Почему ваша жена при заключении брака не сменила фамилию, не взяла вашу, а осталась на девичьей?

– Она имела право.... Ей не нравилось, что знакомые называли меня «Сазан», кличка, что ли. Фамилия не нравилась.

– У вас в Северном, кроме Черемновой, есть еще знакомые?

– Нет. Никого нет.

– Где вы там останавливались? Ведь вам пришлось там ночевать?

Сергей еще раз убедился, что Краснову известно многое. Мо-

жет быть, про убийство все. «Ведь я был сильно пьян, многое, может быть, не помню, не замечал, просто не знал. Хромого, наверное, поймали и допросили».

– У одного человека.

– Кто этот человек? Его фамилия, имя отчество? Его приметы? Где живет – адрес?

Сергей снова подумал, что вопросов ему будет много: «Кругом погряз, кругом виноват. Да, я погубитель Людмилы. Душегуб! Что она плохого мне сделала? Кто я стал по сравнению с ней? Подонок. И вот теперь ее нет. Убили от моего имени».

– Гражданин Сазанов, я предлагаю вам быть откровенным, правильно и полно отвечать на мои вопросы. Расскажите о названном вами человеке, у которого вы останавливались в Северном?

Краснов видел, что перед ним человек с нарушенной нервной системой, организм которого поражен алкоголем, что мышление его замедлено и не торопил с ответами, не строился. Сергей пользовался этим, размышляя: «Сколько времени, сил, терпения придется потратить следователю, чтобы вот так вытягивать из меня нужные ему сведения». Мысли его путались. С последовательного логического хода их сбивало мучительное желание выпить. «Тогда, может быть, лучше бы сосредоточился», – думал он. И тут спросил:

— Гражданин следователь, скажите правду: моя жена, Черемнова Людмила, убита?

– Она жива. В тяжелом состоянии все еще в больнице. Врачи надеются. Но лечиться будет долго.

Как поршнем двинуло кровь в голову, качнуло вперед-назад, к горлу подкатил ком, на глаза навернулись слезы. Краснов налил и подал ему стакан с водой. Сергей, едва не всхлипнув, выпил. Чувства радости и облегчения охватили его.

– Спасибо!.. – дрожащим голосом тихо произнес он, и было

непонятно, за что он благодарил: за предложенную воду, или за сообщение о том, что Людмила жива. Будто в этом заслуга Краснова. Чуть овладев собой, Сергей сказал:

– А человека в Северном я не знаю. Мне дали номер телефона. Я должен был пригласить к телефону Таню и сказать ей: «Я привез посылку». Таня должна была назначить место и время встречи. Там я должен был встретиться с этим человеком – он в курсе... в отношении Людмилы.

Сергей остановился, полагая, что на вопрос ответил достаточно. Но Краснов спокойно сказал:

– Хорошо, продолжайте.

– Я позвонил. Таня назначила встречу. С нею был человек, мужчина, хромой на правую ногу. Может быть, притворялся. Таня сразу же ушла. Этот человек сказал, чтобы я лишних вопросов не задавал. Он сообщил, что Людмила сегодня возвратилась из рейса. Завтра будет отдыхать. А вечером нужно будет с нею поговорить.

Сергей снова замолчал. Его неотступно мучило желание выпить.

– Продолжайте-продолжайте, – снова попросил Краснов.

– На другой день вечером мы с Хромым пошли в город, на ожидавшей автомашине направились к месту встречи с Людмилой. Доехали до парка, там есть остановка городского транспорта. Рядом телефон-автомат. Хромой позвонил по телефону и разговаривал с Людмилой. Было поздно, он пригласил ее выйти к нему. Она, видимо, не соглашалась, тогда он сказал ей, что сам придет к ней на квартиру. Что она говорила на это – не знаю, но он сказал, что с ним я, и передал трубку мне. Она меня узнала по голосу и сразу сказала, что сейчас выйдет. Говорила тихо будто боялась, чтобы ее дома не услышали. Людмила поверила мне, положилась на меня. Мы ждали ее у входа в парк. В общем, пришла она очень быстро. Она вообще смелая. Стала упрекать меня, что я бесчеловечный, преследую ее. Сказала, что от меня ушла навсегда. Я должен был попугать

ее... пригрозить... я должен был ударить ее. Я был обязан... Я никогда в жизни не делал этого, а тут...

Сергей опустил голову на грудь, было видно, глубоко переживал, возможно, искренне раскаивался.

– Что было дальше? – спросил Краснов, побуждая его к дальнейшему рассказу.

– Она стала уходить, но Хромой схватил ее за руку. Она вырывалась, хотела убежать. Он бросился за ней и ударил... я понял – ножом. Людмила упала. Хромой сказал: «Бежим», и мы побежали. Куда бежали, не знаю. Я плохо соображал, был сильно пьян. Я испугался,... струсил...

– Успокойтесь и расскажите все, что вы знаете о Хромом?

– Когда мы встретились, когда нас свела Таня, ждала машина «Жигули». На ней мы и приехали в аэропорт, купили мне билет на обратный путь, на вечерний рейс. Потом поехали на квартиру. Адрес я не знаю, не заметил. Я понял, в этой квартире Хромой не живет. Где он живет, я не знаю. Видно, что в этой квартире бывает часто. В квартире была женщина, хозяйка. Хромой с нею ведет себя, как хозяин. Там он меня оставил и сказал, чтобы я не высовывался. Хозяйка из дома не выходила, со мной не разговаривала. Вечером Хромой пришел на квартиру и остался ночевать. За ужином пили коньяк. Закуска была хорошая. Пили много. Я пил много. Утром Хромой сказал, что я и дальше должен оставаться в этой квартире и ждать его.

Приехал он вечером, часов в пять. Хозяйка угощала ужином. Снова пили коньяк, точнее – я пил, он только пригублял.

– А вы уверены, что это был коньяк?

– По бутылкам – да. Армянский. Запах... вкус. Я быстро захмелел. Хозяйка сказала: «Хватит!».

Потом Хромой кому-то позвонил и разговором по телефону остался доволен. Чего-то ждал. Он стал говорить о Людмиле, что она плохо сделала – оставила меня, что я хороший человек, но она меня опозорила, что не все потеряно, и ей нужно вернуться ко мне, мы с нею хорошая пара, нормально «впи-

сались» в компанию деловых людей, можем и дальше быть их достойными друзьями, и, если Людмила не вернется ко мне, мы с нею много потеряем. Я был пьян. Мне казалось, Хромой прав. Я все больше злился на Людмилу. Вообще я хотел, чтобы она вернулась.

Часов в десять вечера раздался телефонный звонок. Трубку взял Хромой. Кажется, он ничего не говорил по телефону, только слушал. Кто звонил – не знаю. Что говорил – тоже не знаю. Он положил трубку и сказал, что нам пора. Мы вышли на улицу. Было темно. Сели в машину «Москвич» и поехали, но не по главным улицам, а по мало освещенным. Приехали к парку. Дальше я уже все сказал...

Сергей замолчал, повесив голову. На глазах его блестели слезы. Он еще больше обмяк, совсем скис, достал платок и, не стесняясь, стал утирать глаза. Краснов снова предложил ему воды. Отпив пару глотков, Сергей немного успокоился, выпрямился, подобрался. Краснов спросил:

– Как у вас появился нож?

– Виноват. Я не все сказал... Я должен был пригрозить ей... даже ножом. Хромой говорил, Людмиле достаточно будет увидеть в моих руках нож, как станет сговорчивее. Это подстроено... Я не смог. Нож мне дал Хромой. Я нож бросил и ударил рукой. Она не ожидала... от меня... Я был пьян... сильно. Но не ножом. Я не мог этого. Это Хромой. Все подстроено...

– Что собой представляет нож? Вы сможете его опознать?

– Да, примерно. Нож большой, как я понимаю, – «финка», с наборной ручкой.

– На сегодня хватит. Сейчас заполним протокол. Думайте, вспоминайте, чтобы все занести правильно.

Многое передумал Сергей, пока Краснов составлял протокол, готовился к тому, что после подписания протокола его арестуют, вызовут конвой и отправят в камеру. Полагал, что, по решению Краснова, его этапируют в Северный. Кольнуло в сердце: там может быть свидание с Людмилой, например, на

очной ставке, и уж обязательно в суде. Расстроенное алкоголем мышление перескакивало с одного обстоятельства неизвестного будущего на другое. С болью в душе думал, какое горе принес своим родителям, братьям, сестре. Особенно Людмиле, ее родителям, новому ее мужу. И снова показался сам себе отвратительным типом, вредным обществу. «Не должно быть места на земле таким, как я», – казнил он себя.

– Прочтите и подпишите, – сказал Краснов. Сергей стал читать. Отметил, что протокол составлен коротко, но все в нем понятно и правильно, и подписал.

– Вот вам повестка, – сказал Краснов. – Завтра придете ко мне в этот кабинет. А пока идите домой, успокойтесь, постарайтесь не встречаться ни с кем из своих знакомых, никому не звонить, на звонки не отвечать.

– Да.... Есть!... – ошарашенный таким исходом с готовностью ответил Сергей и покинул кабинет.

Едва за ним закрылась дверь, как раздался телефонный звонок: дежурный райотдела сообщил, что Краснова просят срочно позвонить в свое Управление.

Оказалось, его отзывают из командировки на совещание.

При подведении итогов работы за квартал начальник Управления генерал-майор милиции Николай Захарович Ведерников особое внимание руководящего состава обратил на не снижающийся уровень преступности и низкую раскрываемость преступлений. Одной из причин такого положения назвал резкое ослабление предупредительно-профилактической работы. Он требовал от начальников подразделений тщательно проанализировать оперативную обстановку на вверенных территориях, определить меры для более целенаправленной работы, изыскать дополнительно внутренние резервы, постоянно добиваясь повышения каждым сотрудником профессионализма и ответственности.

При этом не увлекаться перестановкой оперативного состава с участка на участок. Главным в работе по-прежнему остается требование предупреждать преступления.

Краснов понимал, что Ведерников не может «прямым текстом» говорить о коренных причинах, разрушающих деятельность милиции. Он ориентировал на разумное применение законов и предоставленных милиции прав, просил проявлять больше творческого подхода в борьбе с преступностью в «новых условиях», вскрывать причины, порождающие преступность.

Начальник Управления как бы останавливался перед стеной, пробить которую он не в состоянии. Вместе с тем он не лишал подчиненных возможности проявлять разумную инициативу. Напротив, поощрял к ней. Многие понимали, что преступность порождается «экономическими преобразованиями», «реформами», которые пока что имеют своими последствиями дезорганизацию и разрушение деятельности милиции.

После третьего выступившего – начальника информационно-аналитического центра полковника Якова Абрамовича Фридмана, убедительно оперировавшего цифрами, показывающими тревожную обстановку, неожиданно слово взял заместитель Ведерникова Михаил Александрович Завражный. Он горячо «распек» руководителей ряда служб, перечислил нововведения министерства по изменению направленности острейшей борьбы с преступностью. Выходило, что сегодня приоритетным направлением стала защита частной собственности, обеспечение прав граждан и общественного порядка. Словно ударил по рукам и руководителям, и сотрудникам, разрабатывавшим меры против преступлений в области охраны государственной собственности.

Говоря о работе уголовного розыска, Завражный заявил:

– Отдельные руководители не могут перестроиться в новом обществе, сосредоточиться на пресечении экстремистских

проявлений, распыляют силы подразделений, стремясь объ-
ять необъятное, необоснованно стараются переложить свою
работу на другие органы МВД, ищут дело для центральных
органов, пытаются учить учителей. Некоторые руководители,
стремясь улучшить показатели, завышают квалификацию
преступлений, выдают их за более опасные, чем они есть на
самом деле.

Краснов понял, критика прозвучала и в его адрес как пре-
дупреждение. Слушая ораторов, он, начальник отделения
угрозыска, убеждался, что совещание не будет переломным
событием, как хотел бы и на что нацеливал в своем докладе
начальник Управления. Выступавшие слабо оправдывались,
отдельвались самоотчетами, выставляя причины, мешающие
им в работе, требовали пополнения подразделений штатами,
обеспеченности автотранспортом, квартирами и т.п. Каких-
либо существенных предложений, повышающих эффек-
тивность деятельности, не прозвучало. На прямые вопросы
о действительных причинах плохой работы, в том числе по
конкретным делам, и о том, что собирается предпринять
руководитель для улучшения результативности, ответы были
общего характера, уклончивыми.

Краснов все глубже осмысливал происходящее в системе
МВД. Он уважал Ведерникова, который прошел путь служ-
бы в милиции от участкового инспектора до начальника
Управления. Был заместителем начальника управления по
политической работе, окончил академию МВД СССР, прошел
длительную стажировку в Министерстве. С его приходом на
должность начальника Управления все службы активизиро-
вали работу, стали строить ее целеустремленнее, изживать
рутину.

После выступления Завражного некоторые руководители
от намерения выступить отказались, выступавшим бросали
реплики, требуя говорить короче.

Ведерников внимательно и терпеливо вел совещание. Ко-

гда шум в зале усилился, он встал и попросил участников совещания успокоиться, а тех, кто «устал», покинуть зал. Стало тихо. И тут Краснов попросил слова. Он как бы развил доклад начальника Управления по некоторым вопросам. В частности, сказал, что в связи с возникновением различных форм собственности перестают действовать многие статьи Уголовного Кодекса РСФСР, что в законодательстве вообще образуется вакуум, в том числе и в уголовном. На конкретных примерах показал, что преступность принимает все более организованный характер, появились преступления, о которых еще недавно и не слыхали.

– При отсутствии четкого законодательства, – говорил Краснов, – бороться с преступностью все сложнее. Следственные изоляторы переполнены. Но это отдельная тема. Суды вообще приостановили работу, привлечь преступника к ответственности стало почти невозможно. Нарботанные уголовные дела в судах «гаснут», – сказал он. – Судьи запуганы и изолированы.

Смелое выступление Краснова зал слушал внимательно и настороженно.

– Нынешняя тенденция в экономике может увеличить безработицу, которая вынудит людей идти на еще более массовое воровство, другие тяжкие преступления, и милиция должна быть готова к их предупреждению.

Здесь Краснов напомнил сведения о росте числа преступлений, совершенных людьми, нигде не работающими. Значит, людей на преступления толкают социальные обстоятельства.

Зал оживился. Многие обратились к своим тетрадам, стали быстро записывать. Кто-то несогласный выкрикнул: «Время!», намекая на превышение регламента. Но раздались возгласы и в поддержку оратора: «Пусть говорит!», «Добавить время!». Ведерников посмотрел на часы и сказал Краснову:

– Закругляйтесь, добавляю вам три минуты.

Краснов понял это, как поддержку, и продолжил:

– Не секрет, что личный состав буквально парализуется постоянными реорганизациями. Не успеем перетащить столы, как сверху поступает новое решение о «совершенствовании», «усилении», «укреплении». Едва работник любого уровня начинает осваивать участок работы, набираться опыта, как его перебрасывают на другой участок. За два последних года отдел уголовного розыска городского Управления обновился полностью. Капитана Скворцова, перспективного работника столь острого и сложного направления, как борьба с преступностью, где он работал с желанием, как говорится, с огнем, из отделения уголовного розыска сначала перевели на работу в кадры, потом в отдел охраны общественно порядка, а потом он уволился. Не выдержал «испытания» кадровой политикой!

Кое-где в зале раздался одобрителный смех. Краснов закончил:

– При таком положении очень трудно добиться существенных результатов в борьбе с преступностью.

На выступление Краснова зал отреагировал одобрителным гулом. Кое-где раздались осторожные аплодисменты. Кто-то не то с одобрением, не то с иронией глухо сказал: «Браво!». Завражный не выдержал и резко бросил:

– Не следует забываться, мы не на митинге, а на служебном совещании. Правоохранительные органы вне политики!

На это замечание последовала другая реакция: послышались иронические покашливания, кто-то многозначительно крикнул, кто-то протяжно вздохнул, что, должно быть, означало: «Дожили... то ли еще будет...». Какой-то таинственный смысл почувствовался в самоуверенном, бестактном вмешательстве Завражного в ведение совещания начальником Управления.

Краснов взволнованный ушел с трибуны, занял свое место в шестом ряду. Он оставался под пристальным вниманием многих. Его рассматривали с задних рядов, оглядывались на

него с передних, словно видели его впервые или он предстал перед коллективом невидимым до селе боком. Он не мог не почувствовать солидарность с ним большинства участников совещания. Ведерников предоставил слово очередному оратору.

Через пару дней Краснов, в соответствии с распоряжением, докладывал начальнику отдела Уголовного розыска подполковнику Станиславу Антоновичу Свиридову об оперативной обстановке и об организации работы отделения на ближайшую перспективу. Когда дошла очередь обсуждать организацию работы по делу стюардессы, Станислав Антонович сказал:

– Руководство считает, квалификация преступления как покушение на убийство – бесперспективна. Передай дело в отдел охраны общественного порядка. Бытовое... На бытовой основе... Понял? – загадочно, с иронией, заметил начальник отдела.

– Я понял, Станислав Антонович, – ответил на это начальник отделения уголовного розыска.

– Ну, вот и хорошо, – подытожил Свиридов.

Обсуждать установки заместителя начальника управления Завражного не стали.

В конце доклада Краснов положил перед своим начальником рапорт о предоставлении ему недельного отгула в счет дней неиспользованного очередного отпуска за текущий год. Свиридов выразил согласие соответствующей резолюцией для отдела кадров и положил в папку «Для доклада руководству».

Пятый день Краснов отсиживается на своем садовом участке, под руководством жены закругляя летне-осенние работы, на которые у него никогда не находилось времени. Одновременно он перелопачивал в уме мучившие его сомнения по поводу улучшения работы при происходящей в системе МВД и УВД перестройке.

В понедельник в Управлении его ждали немаловажные но-

вности. В их числе и то, что Ведерников лежит в клинике МВД в Москве на медицинском освидетельствовании на предмет выхода на «заслуженный отдых». Обязанности начальника областного Управления исполняет полковник Завражный. Краснов также узнал, что началась очередная реорганизация. Личный состав во многом оставил работу. Сотрудники под различными предложениями собирались группами в кабинетах. Все ожидали, вычисляли, рассчитывали, кто куда будет перемещен или выдвинут выше по должности. Предполагали – кто с удовлетворением, большинство с тревогой -- что начальником Управления будет Завражный.

Краснов реально увидел полное подтверждение своей критики руководства Министерства и представлял: достигнутые под руководством Ведерникова меры сдерживания роста преступности на территории области будут отброшены, появятся другие критерии оценки результатов. Когда-то еще Управление наберет обороты! И наберет ли? Всматриваясь в происходящее, вслушиваясь в суждения коллег, он пришел к тревожному выводу, который можно выразить получившим широкое распространение афоризмом: «Значит, это кому-то надо...».

Время шло, но никто из вышестоящих соответствующих начальников не поднимал вопроса о назначении Краснова на вакантную должность заместителя начальника отдела уголовного розыска, которую ему ранее предлагали и дали время подумать, прежде чем он даст ответ.

Дочитав отпечатанный текст плана организации работы своего подразделения, подготовленного с учетом установок, данных после очередной реорганизации в системе МВД, Краснов задумался: как отстоять этот план и добиться его утверждения. Если бы начальником Управления оставался Ведерников, продолжал бы действовать стиль его работы во всех звеньях. Но при Завражном многое круто изменилось.

Краснов вспомнил, как вчера докладывал план начальнику отдела. И тот, взглянув лишь на разделы, по которым накануне высказывал свои рекомендации, положил ее в папку для руководства и сказал:

– Добро. Завтра буду докладывать. Постарайся далеко не отлучаться.

Краснов понял его обеспокоенность: от стиля работы, внедряемого генералом Завражным, от его установок ждать добра не приходится. А ведь в плане явно просматриваются идеи Ведерникова. Конечно, тот факт, что план уже подписан начальником отдела, не может не повлиять на положительное решение начальника Управления, но...

Каждый звонок телефона Краснов воспринимал как вероятное приглашение к начальнику Управления. Взяв трубку в очередной раз, услышал голос Свиридова и короткое:

– Зайди!

В этом «Зайди!» чувствовалось раздражение, досада. Войдя в кабинет начальника отдела, Краснов увидел его стоящим у окна, спиной к двери. Свиридов глядел «в никуда». На стук в дверь и просьбу разрешить войти, не отреагировал. Видно было, он сильно взволнован. Краснов не решался отойти от двери. Прошло несколько секунд, Станислав Антонович медленно, как бы через силу, отворачиваясь от окна, сказал, точнее, выдал из себя:

– Зайди в кадры... Сейчас... Потом – ко мне.

Вновь назначенный начальник отдела кадров полковник Григорий Антонович Грач доложил генералу Завражному предложения по корректировке плана укомплектования подразделений руководящими кадрами. Получив «добро», встал, чтобы покинуть кабинет, но начальник управления его остановил:

– У меня есть соображения по комплектации отряда, который отправляется в «горячую точку».

– Слушаю, товарищ генерал, – с готовностью ответил Грач и снова сел.

– Вернемся к составу отряда. Нахожу нужным его укрепить человеком опытным, инициативным. Таким, который сможет на деле показать, как строить службу грамотно, применительно к боевой обстановке. Нужно подобрать человека с опытом работы, который сможет организовать людей в сложных условиях, быстро обзавестись оперативным хозяйством, будет способен помогать командирам в обеспечении их безопасности. Неплохо, если такой офицер хоть немного знаком с работой центрального аппарата. Сами понимаете, москвичи туда наезжают. Нужен активный, инициативный, способный самостоятельно принимать решения и отвечать за их исполнение. Который не ударит в грязь лицом... не посрамит управление...

Его ставленник на должность начальника отдела кадров четко уловил ход мыслей и существо установки начальника, с готовностью к исполнению встал и отчеканил:

– Слушаюсь, товарищ генерал! Разрешите идти?

– Идите.

Уходя от Завражного в приподнятом настроении, кадровик это непростое поручение, считай, уже выполнил. Он точно представлял, какую конкретно кандидатуру имел в виду генерал.

Возвратясь в кабинет Свиридова, Краснов увидел его неподвижно сидящим за столом. Ссутулившись, опустив голову, уставившись в одну точку, он глубоко о чем-то задумался. Перед ним лежала папка с документами «Для доклада руководству Управления».

– Садись, рассказывай... Да что рассказывать... Когда едешь?

– Отряд выезжает через два дня.

– Ты вот что,... ты там не горячись. На рожон не лезь, я

тебя знаю. Я там был, ты об этом знаешь. С инспекцией... с «гуманитарной помощью»... Так вот, там нет фронта и тыла, там кругом фронт и тыл. Партизанская война, одним словом. Победы там в ближайшие годы не предвидится. Растревожили «осиное гнездо». Знали, что делали... Меня торопят с назначением на твое место. Кого порекомендуешь?

– Ставьте Сергея, моего зама. Думаю, потянет. У нас с ним контакт в работе был нормальный. У него хороший опыт: два «заказных» раскрыл. На него можно положиться. Ребята его уважают.

– Да, ты прав, Сергей потянет. Он и в резерве у Грача на выдвижение. Мы же с тобой его рекомендовали. Ладно, готовь дела для передачи, а я проект приказа подготовлю. Провожать приду домой, скажешь когда. Пусть Сергей зайдет ко мне.

Справа, слева, сзади в шеренгах стоят бойцы отряда милиции особого назначения, милиционеры службы охраны общественного порядка, дорожно-постовой службы. В этом строю Краснов ощущал себя посторонним человеком, инородным телом. Вообще все происходящее здесь казалось ему нелогичным, противоестественным. Почему-то пришли на ум слова поэта: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!». Но поэт призывал на укрепление страны! А тут? Почему я должен участвовать в этой внутренней преступной войне? Почему мы, советские люди, – русские, чеченцы – должны считать друг друга врагами, террористами и убивать друг друга? Я должен стрелять в Аслана, того самого Аслана, с которым служил в одном взводе и жил в одной палатке? Где он сейчас? Скрывается в лесу, в горах, или наоборот, гоняется по горам за теми, кто там скрывается? Или мне придется за ним гоняться, или он подорвет меня фугасом?»

Все, что происходило вокруг на плацу, воспринималось Красновым как ненастоящее, надуманное, как это бывает в

учении, в котором все условно: противник условный, каждый действует условно, стрельбы «по противнику» условны. Безусловно то, что нет жертв. «И никуда я не поеду. И никто из отряда не поедет. Сейчас подадут команду: «Разойдись!» – и все разъедутся по домам. И ни за кем я гоняться не буду – ни за Муратом, ни за Ахметом, с которыми вместе проходили стажировку в Главном Управлении уголовного розыска МВД СССР. Когда это было? На чьей они стороне – Аслан, Мурат, Ахмет? Всего несколько лет назад мы с Галиной и он, Аслан, со своей женой, русской Марией, отдыхали вместе в Пятигорске, в великолепном санатории. Как чудесно провели время! Потом мы ездили к ним домой, в Грозный, а оттуда в горы, к его родственнику, который там пас отару овец. Кумыс! Шашлык! Вино! Да какие! Не могли они просто так перестать отвечать на наши письма, особенно Мария. Убили?»...

Что-то напутственное говорили руководители служб, о чем-то предупреждали. Понял, что построение заканчивается, стал говорить генерал Завражный:

– Вам выпала честь защищать Отечество от террористов, бандитов! – с пафосом говорил главный начальник. – Мы надеемся, что долг перед Отечеством вы выполните с честью! О ваших семьях мы позаботимся...

Жена Галина с сыном Сашей и дочкой Аленкой стояли вместе с другими провожающими.

Митинг закончен. Командир сводного отряда объявил собравшимся, кто желает проводить на поезд, могут поехать на вокзал, автобусы поданы.

Всколыхнулась, взволновалась толпа. Матери, жены, сестры в тревоге, все еще пытались, оборачиваясь, увидеть своих сынов, мужей, братьев. Иные прикладывали к глазам платочки.

Подана команда отъезжающим. Кое-кто из бойцов наигранно демонстрировал приподнятое настроение, другие, словно виноватые, старались увидеть в толпе родственников.

«Дорогой друг Витя! Извини, что долго молчал. Время летит невероятно быстро. Года пролетели с тех пор, как я был у тебя. Передаю письмо с моим другом-комбатом. Крепкий парень! Не удивляйся, что называю его другом: здесь люди сходятся быстро.

Я тебе прежде писал, что шеф охладел к моим материалам. В плане журналистики мое пребывание здесь бессмысленно. Прежде бы такие материалы отрывали с руками, и – в печать. Теперь же многие очерки вообще не выходят в свет. Причина мне понятна. Я должен менять лицо, шкуру. Но ты меня знаешь: стервецом быть не хочу, не могу. Обстоятельства позвали меня в очередную «горячую точку».... То, что я застал здесь, даже приблизительно не совпадает с «официозом». Простые люди – на девяносто процентов – не понимают, что происходит, кто за кого. И кому это надо. Я мотаюсь по восемнадцать часов в сутки по штабам, опорным пунктам, всевозможным постам, по окопам, делаю массу записей своих наблюдений, интервью и бесед с различными людьми и чинами. Расскажу при встрече. Думаю, даже тебе, Архимеду, технарю до мозга костей, будет занятно послушать. Все, что ты видишь по телевидению, слушаешь по радио, читаешь в официозной и «независимой» прессе так же далеко от того, что здесь происходит, как небо от земли. А от меня требуют лишь кратких, «удобных» инфомаций по отдельным эпизодам, из которых трудно представить весь этот хаос, но к которым можно приобщить любой комментарий. Я прихожу к ужасным выводам, о которых даже думать страшно! Возращивают религиозных фанатиков, которым в головы вбивают, что за одного убитого русского на том свете чеченец получит пять рабов – русских. Война эта на многие годы. Ты понимаешь: есть страшное зло – деньги, они правят здесь бал. Перед ними, кажется, никто устоять не может – ни генералы, ни «наместники». Иудушкина психология. Помнишь, отец ему внушал: «Держись, сынок, за копейку, копейкой все прошибешь» Так, кажется? А уж если

пахнет «зелененькими», то и вообще преград и удержу нет.

Война под лозунгами «борьбы с терроризмом» никому непонятна и не нужна. Люди хотят спокойной жизни, но вынуждены жить в страхе. Все, что происходит здесь, можно оценить справедливыми емкими словами: предательство, измена, нажива, интервенция, геноцид, наконец. Ты можешь испугаться, почему я такими словами бросаюсь. Не бойся, мне ничего не грозит, потому что у нас «свобода слова». Все давно продумано, просчитано и импортировано к нам. Объявлена «свобода слова»: говорите, что хотите. И получается формула: «слова – вам, капиталы -- нам». Вот так, друг Витя. Думаю, что с этим ты согласен. Чтобы «нарисовать» происходящее в целом, нужно перелопатить горы материалов, документов, свидетельств. Но пока к главным материалам, к документам доступа нет: они в Кремле и за «бугром». Похоже, что это можно будет сделать тогда, когда здесь уже никого не останется, потому что в этом кто-то заинтересован, потому что здесь участвует иностранный капитал, иностранные наемники. И оценить это можно будет через десятилетия. Как сказал поэт: «Большое видится на расстоянии». Лишь через десятилетия мудрый Лев мог создать «Войну и мир». Будут «нарисованы» политические пристрастия многих столиц, марионеток-президентов, показаны кланы, силы исламистов, роль мирового жандарма и, как вершина всего этого – сионизм.

Какая подмена понятий! «Терроризм»... Это как безразмерный резервуар, в который можно вместить все: преступные замыслы, действия и бездействия правительств и режимов, глобальные политические, экономические, финансовые интересы, колоссальные «региональные» войны, в которых массированно применяются мощная бронетехника, авиация, ракеты. Сколько здесь родов войск и сколько вообще войск! Военные моряки! В горах-то! На небольшом клочке земли действуют фронты! Понимаешь – фронты! Ты по телеку видишь, сколько здесь людей с большими звездами на погонах

– генерал-лейтенантов, генерал-полковников. Кажется, даже случайный выстрел не может не попасть в человека в военной форме. Слово «терроризм» – это для дураков. Им стараются прикрыть Третью мировую войну. Идет захват территорий, земли и всего, что в ней есть. Нефть, прежде всего. Ладно, я немного разболтался. Читаешь прессу – читай между строк. Надеюсь, когда-нибудь да встретимся, вспомним былое, как в туристские походы хаживали, какие спортивные баталии устраивали! И увидим, что нынешние процессы в сравнении с теми временами, как кошмарный сон. Тебе сочувствую. Держись, надейся на лучшее. «Товарищ, верь, взойдет она...».

Поцелуй за меня Людмилу. Не обижайся и не стесняйся: вчера из своего бюджета выделил и «кинул» тебе с Людмилой несколько десятков «кусков». Пиши мне на домашний. Преданный тебе Василий».

Почти два месяца провела Людмила в больнице. При выписке ведущий врач порекомендовал:

– Необходимо побережься еще месяцев пять-шесть. Хорошо бы пройти курс лечения в санатории.

Он также сказал, что трудоспособность Людмилы после лечения будет ограничена, летать она не сможет. Возможно, и детей иметь не сможет: прерванная беременность, вероятно, даст отрицательные последствия. На этот предмет после общего оздоровительного лечения потребуется специальное обследование и соответствующее лечение.

Виктор Иванович тяжело переживал невозможность обеспечить Людмиле усиленное питание. С болью в сердце отмечал про себя, какая худая и слабая она стала и поправляется очень медленно. Глаза ее, казалось, стали еще больше, и они часто выражали чувство вины, тревоги, неуверенности. И благодарность за искреннюю заботу о ней.

Быстро меняющаяся общественно-политическая и социальная обстановка прежде всего сказалась на нехватке денег в

семейном бюджете. Как ни старался заботливый супруг экономить на всех расходах, денег все равно не хватало. Теперь нечего было думать о санаторном лечении. Только в воспоминаниях остался план поездки вместе с Людмилой в санаторий. «Сам похудел, осунулся, совсем доходягой стал, – думал он о себе. – Сколько лет отпуск использовал не полностью. Хорошо бы занять денег у кого-нибудь. А когда институт получит деньги сполна, рассчитаться», – наивно рассуждал молодой ученый.

Виктор Иванович не мог не видеть, что людей все больше обуревают забота о деньгах. Все злее они говорили о пропавших деньгах в сбербанке, которые «Гайдар украл». Оказались «замороженными» тысяча двести рублей и у Виктора Ивановича. «Как бы они сейчасгодились! При индексации это сколько бы теперь получилось?» – пытался он высчитать. На попытки одолжить денег у друзей получал сочувствие и отказ или ему предлагали ничтожно малые суммы.

Все большее число рабочих, специалистов высокого класса, увольнялось из производственного объединения «Энергетик» и НИИ. Они уходили в поисках заработков. Доходили слухи, что кто-то из них «неплохо устроился», «нашел свою нишу». Некоторые влились в предпринимательские структуры. Предлагали и Виктору Ивановичу «завести свое дело» или пойти в уже действующую фирму: «Зарплату все равно не выдают», – говорили ему. Однако, он продолжал надеяться: производственное объединение «Энергетик» государство не бросит.

– **Ч**то там у вас опять? Митинг на «Энергетике» по телевизору показывали, – спрашивает Людмила мужа.

– Да все одно и то же. Собираются, митингуют, претензии предъявляют. Требуют выплатить зарплату. А из чего ее выплачивать, если объединение почти не работает, – объясняет супруг.

– А ваш институт бастует?

– А чего бастовать? Институт и без того не работает. Дирекция института, да и объединения тоже, тут ни при чем: Москва все решает. Нет заказов на оборонку. На науку денег нет. Когда-то будет налажено производство какого-нибудь ширпотреба.

– А чего добились на митинге?

– Резолюций напринимали. Требования разные. К местным властям, к Ельцину. А толку что?

– Как «что»? Рабочие требуют, должны же понимать!

– Не для того затеяли «перестройку», чтобы понимать рабочих. Не нужны рабочие. Никто не нужен. Нужно было государство уничтожить, чтобы разграбить все. Ты бы Василия послушала, кому это надо и по чьему заказу все это делается.

– Но люди же против. Люди бастуют, на митинги ходят.

– Не все бастуют и не все на митинги ходят. Ходят в основном те, кто уже без работы остался, да пенсионеры. А которые еще работают, боятся, потому что сразу же с работы вышвырнут.

– Что делается! Это же ужас! Это хуже, чем то, что мы знали про капитализм! – гневно восклицает Людмила.

– Хватит об этом. Все равно мы с тобой ничего не поправим. Надо, чтобы все сразу.

– Вот вы, ученые, придумайте что-нибудь, подскажите правительству. Родители не могут детей в школу собрать. Да что в школу? Накормить не могут. Позор!

– Люда, не расстраивайся, побереги себя. Пусть мы, мужики, об этом думать будем. Но, понимаешь, что бы ни предложили правительству путного, ему не нужно. Ты думаешь не предлагают? Еще как предлагают.

В последние дни Сергей не находил себе места. В милиции его не приняли, сказали, что майор уехал. Работа в лаборатории давно затухла. Никто не интересовался, по-

чему он почти перестал туда ходить. Многие сотрудники подрабатывали на стороне и тоже прогуливали. Друзей в коллективе у него не осталось.

С небывалой ясностью он увидел себя игрушкой, орудием в чужих руках. Такие, как Султан и его команда, в своих преступлениях беспощадны. Их устраивало, что я не лез в «дело», не требовал свою долю. Теперь я никому не нужен. Работы нет. Денег нет. Третий день без еды. Бросили, подлецы... Они вплотную через меня подобрались к Людмиле. Я им только для того и нужен был. Они и убраться хотели с моей помощью, и свалить на меня. Какой же я негодяй! Найдут ли того Хромого? Уже сколько времени прошло, а меня не вызывают. Нечего ждать... Зло должно быть наказано. Нет и не может быть мне прощения. Это надо сделать теперь же, пока не струсил... и не убежал, как паршивая собака, поджав хвост. Не помирать же голодной смертью... Мерзавец! Душегуб! Прости, Люда... Нет, можешь не прощать. Я сам себя не прощаю».

Он пошел на кухню, взял из набора нож, повертел его в руках: тонкий, гибкий. Решил: не годится. Открыл кладовку, порылся в коробках, на полках, не нашел подходящего чего-нибудь в виде веревки, заглянул в тумбочки письменного стола – тоже нет. Догадался: снял с себя поясной ремень – кожаный, прочный, вспомнил – подарок Людмилы. «Да,.. Символично? Пусть так будет...». Кровь усиленно пульсировала в голове, руки слабели, в них появилась дрожь.

«Надо доводить до конца... Механика проста. Сейчас или... Жить в позоре? Нет! Скитаться по лагерям? Постоянно думать, что соучастник убийства Люды? Ведь все было сделано, чтобы убить. Первым придет Мичман, этот холуй и шестерка. Что же он, обрадуется? Одним свидетелем меньше? И руки не марать. Испугается, скотина. Он тоже убийца, и не только Люды. Может быть, сначала посчитаться с ним и с Султаном? Надо бы сначала все Краснову рассказать. Но он так вел допрос, что все, что могло бы дать работу московской милиции, в протокол не

вошло. Записал только то, что касалось Люды. Или хотел потом оформить отдельным протоколом, а меня сдать московской милиции для таких допросов?». Вдруг понял: медлит. Все остальное проделал в лихорадочном, полубезумном состоянии.

Через несколько дней двое бывших сослуживцев Сергея по лаборатории так же, как он, оставшиеся без работы, решили зайти к нему на квартиру, чтобы узнать, не нашел ли он нового места работы и не могут ли они устроиться около него. Соседки по квартире рассказали о случившемся, что тело Сергея забрали для похорон его родители. Высказывали сожаление: «Такие молодые уходят из жизни добровольно. Жизнь стала не мила...».

Не легко представить, какие чувства охватили безработных гостей.

Пришла очередь отовариться и Виктору Ивановичу. Делая набор сантехнических изделий на частично причитающуюся зарплату, он старался представить себя продающим этот товар на базаре. «Так, разложу на прилавке краны простые, краны-смесители – для кухни, для ванны. Проходят граждане, останавливаются, рассматривают, берут в руки, интересуются ценой. Цену «заламывать» не стану, буду продавать по той, по которой отпустили мне. Покупатель, почти не торгуясь, берет изделие и выкладывает деньги. На всю торговлю уйдет часа два. – Новоявленный продавец будто почувствовал пачку денег в кармане. – Пойду в магазин и куплю мяса, окорока – свежего, такого, что во рту тает... – И устыдился своей слабости, позволившей почти физически ощутить вкус и аромат... – Куплю сыра, конечно, «Советского», рыбных консервов – «Сайру» в масле для Людмилы, себе – «Кильку в томатном соусе». Людмила, конечно, мороженого в шоколаде. Хорошо, что отоварили

сегодня, не отложили на понедельник: завтра суббота, с утра – на базар».

Отоваренный увесистым бартером ученый пришел домой с двойственным чувством: почти через год, но все же «зарплату» получил, хотя только за два месяца, а другое чувство – неясная внутренняя тревога, неуверенность, несогласие с происходящим, униженность. Это чувство хотелось подавить в себе, отбросить, отделаться от него, а оставить первое – радости, надежды. Однако настроиться на такое состояние души не удавалось.

Увидев приподнятое настроение мужа, Людмила недоуменно посмотрела на него: с чего бы это? На ее вопросительный взгляд, Виктор с наигранным видом довольного человека, чуть ли не торжественно прошел к журнальному столику, поставил на него увесистую сумку. Изделия произвели характерный металлический звяк.

– Вот, посмотри! – улыбаясь почти победно, предложил он.

– Что это? – спросила удивленно Людмила, глядя то на сумку, то на мужа. – Где взял? Купил? Зарплату дали? – лихорадочно вслух соображала она, готовая обрадоваться, что угадала про зарплату, на которую муж и сделал покупку.

– Зарплата! – поспешил прояснить ситуацию супруг. – Бартер!.. Завтра будут деньги, – торопился он успокоить жену.

Между тем, раскрыв сумку, Людмила все до конца поняла. Ее охватило чувство оскорбления за своего талантливую мужа, замечательного ученого, который увлеченно и много работал. «Вот до чего достарался, вот чем его благодарят: безработицей, обманом, унижением», – пронеслось в ее сознании. Обесиленная, она опустилась на стул.

– Ну, и куда ты с этими железяками? – спросила она, едва сдерживая слезы.

Усилием воли стараясь поддерживать наигранно-веселое настроение, супруг ответил:

– Как куда? На рынок! Теперь «рыночные отношения»: товар – деньги – товар...

– Какие-какие отношения? – подняла на мужа удивленные, полные слез, глаза жена.

– Рыночные... Свободно можно купить – продать...

– Витя, что ты говоришь? Ты?... Тебе?... Торговать?...

Больше Людмила сдерживаться не могла. Она, ссутулившаяся, будто под навалившейся на нее тяжестью, встала со стула, перешла и села на диван. Голова ее опустилась низко, почти на колени. Она закрыла лицо руками, слезы текли в ладони. Выхватив из карманчика халатика платочек, приложила к глазам. На ее пальчиках, щеках и на платочке оставались следы краски с ресниц. Слезы глубоко оскорбленного человека душили ее.

Поняв нелепость своего юмора и наигранного оптимизма, Виктор присел на диван подле Людмилы, обнял ее за плечи, притянул к себе. Она покорно прильнула к его груди. Заныло его сердце: худенькая, хрупенькая, ну почти такая, какой была в девятом, в десятом... тоненькая, светленькая, почти прозрачная... Болью резанула мысль: «Прежде ее ослабленность можно было объяснить тяжелой болезнью. А теперь? Скорее бы наступил завтрашний день», – думал вчерашний перспективный ученый, имея в виду успешную, выгодную реализацию своего бартера. Не находя слов, он бережно прижимал к груди жену, касаясь губами ее мокрых щек, глаз.

Виктор Иванович давно заметил, что сон его становится все тревожнее. Он даже ночью просыпается, а после долго не может снова уснуть. Все чаще охватывает тревожное чувство беспомощности, безысходности. Сегодня суббота, спалось особенно беспокойно, просыпался не один раз, под утро и вовсе заснуть не смог. Пришлось встать. Да и на базар нужно идти пораньше. Неизвестность предстоящей «рыночной операции» тревожила: ведь за свою жизнь на базарах был считанное число раз. Базар представлял себе чем-то архаичным, отжившим, наподобие хлама, от которого мало толку. «Теперь

же – думал Виктор Иванович, – базар стал чуть ли главным содержанием жизни людей, о нем слышны разговоры постоянно».

Вдруг вспомнил, что базар-то теперь в городе не один! И где они все? На который пойти? «Главное – на котором мой товар продать легче». Мысли его нагромождались одна на другую. «Как определиться с ценой, чтобы не продешевить, и в то же время не «заломить» лишнего, не отпугнуть покупателей. Как жаль, что раньше не испытывал любопытства к торговле. Как бы теперь пригодилось!».

Чем ближе он подходил к базару, тем сильнее его охватывало чувство неуверенности. И уж совсем не по себе стало – хоть возвращайся! – когда подошел совсем близко и увидел несметное количество народу. «Кто эти люди: продавцы, покупатели, просто зеваки? Не могут же все быть спекулянтами?» Он почувствовал себя здесь совершенно лишним, так сказать, инородным телом. – Как все изменилось в жизни! Как я отстал от нее! Какую огромную площадь занимает базар! Сколько палаток, киосков, шатров! А сколько «торговых точек» прямо на земле! Стоп, почему я отстал от жизни? Жизнь сама пошла вспять. И меня тащит назад».

У начинающего продавца-ученого появилось чувство, будто все на базаре смотрят только на него одного, стараясь угадать: «Кто такой? Зачем пришел? Что несет? Где взял? Спер на предприятии? Здесь без тебя полно таких...». Волосы шевелились на его голове. Захотелось хотя бы на время изолироваться от всего видимого, от ситуации, которая вызывала ощущение тошноты. Кажется, никогда в жизни так гадко и униженно он себя не чувствовал. «Хоть поверачивай домой, – снова подумал, как спасительное. – Но дома ждет Люда и, наверное, хоть немного да надеется...».

И Виктор Иванович, ощущая дрожь в коленях, будто влекомый неведомыми силами помимо его воли, продолжил движение в кишашую гущу барахолки, стараясь справиться с

наступившей слабостью, укрепиться в успехе предстоящего дела.

Найти место, где можно было бы развернуть свой товар, оказалось не просто. Где уж там думать о прилавке – на земле нет свободного места. «Вот они, ряды со всевозможными товарами, и тянутся вправо, влево, – оценивает ситуацию владелец бартера, – и кончаются за поворотами. И чего тут только нет!».

Пробираясь вдоль рядов с разным барахлом прямо на земле, новый «бизнесмен» легко определял: «Это продукция – печные дверцы, задвижки, заглушки, плиты – с завода «Сантехлит». Сейчас многие обзаводятся садовыми участками, кладут печи в домиках, строят бани. Должно быть, продукция этого завода пользуется спросом, – рассуждал он. – Эта продукция АО «Коммунар»: краски, лаки, шпатлевки. Целые штабеля металлической эмалированной посуды – чашки, кружки, сковородки – это с завода «Металлист». А там продукция завода «Луч» – светильники, люстры различных фасонов и размеров. Набору всевозможной продукции конца-края нет. Да это же бартер! – догадался новый поставщик товара. – Не все же своровано. Разве можно столько наворовать? Это и есть то «изобилие», которое обещали перестройщики гайдары, поповы и всякие собчаки?!

Продвинувшись еще немного, убедился, такого товара, как у него, здесь море! Пронзила мысль, что вот сейчас он увидит кого-нибудь знакомого с родного предприятия: инженера, рабочего, одаренного такой же «зарплатой». Он представил на мгновение, как это произойдет, когда они встретятся глазами. «Как увильнуть от такой встречи, от такого взгляда? – почти лихорадочно искал он выхода из предполагаемой ситуации. – Скорее бы найти место и встать, не продвигаться дальше». Но места не находилось. Никто не приглашал, не указывал на свободный пятачок земли, не советовал, в каком другом ряду можно место поискать.

В полной безысходности он решительно встал спиной к проходящим сплошной лентой гражданам, отжимая их постепенно на полшага, на шаг от конца ряда. Сначала толпа движущихся теснила его, но он проявил упорство, и людская масса стала огибать, а вскоре и вовсе почти не задевать его. Он решительно поставил свой старый, раздутый железяками портфель на землю, вынул квадратный лоскут толстого целлофана, расстелил его и, торопясь, стал раскладывать свой товар.

Граждане непрерывным потоком продвигались мимо него, не обращая ни малейшего внимания ни на его товар, ни на него самого. Нервное напряжение не проходило. Он ждал, что вот-вот кто-нибудь из прохожих заинтересуется его изделием и мысленно готовился к диалогу.

– Сколько? – вдруг услышал он вопрос и понял, что это к нему. Перед ним стоял мужчина с поднятым с его целлофана кухонным краном в руках и спрашивал о цене. Чуть не заикаясь от охватившего волнения, Виктор Иванович назвал цену, по которой получил смеситель по бартеру. Мужчина взглянул на продавца, как на ненормального, положил кран на место и двинулся дальше. Первое желание было окликнуть гражданина, остановить и назвать цену меньшую, но потенциальный покупатель скрылся в гуще людской. И опять время шло, а его товаром никто не интересовался. Но вот остановился другой мужчина, нагнулся и взял в руки тот же кран-смеситель, стал тщательно его рассматривать, крутить вентили. Делал он это с видом знатока, подул в одно, в другое отверстие, зажимая остальные пальцами, словно испытывал духовой музыкальный инструмент. «Ну как бы так случилось, чтобы кран ему понравился?», – мысленно почти взмолился наш продавец.

– За сколько отдашь? – спросил знаток изделия.

– Я взял..., мне дали по двести восемьдесят тысяч..., – забормотал сбивчиво хозяин товара.

– По бартеру что ли? – не то поинтересовался, не то констатировал с иронией мужчина.

– Э-э.., да-а.., по бартеру.

– Дам сто пятьдесят, – сказал мужчина. – Этого «добра» навалом.

– Как же?.. Я.., мне... Я могу сбавить – испуганно забормотал Виктор Иванович, осознавая со стыдом свою неосведомленность о ценах на базаре.

– Ну, сто восемьдесят, – добавил покупатель, видимо, учитывая неопытность продавца и жалея его. От этой уступки Виктор Иванович почувствовал еще большее унижение, он отлично понимал: деваться некуда. – У нас на «Металлисте», – продолжал между тем покупатель, – тоже пытаются всучить по «бешеным» ценам. Согласен на сто восемьдесят? – твердо еще раз спросил он, и Виктор Иванович понял, тот больше не добавит и тут же пойдет дальше.

– Согласен! – торопливо выпалил.

Мужчина вынул из кармана бумажник, неторопливо отсчитал сумму, взял изделие и удалился.

Сознание ученого-«рыночника» пронзила мысль: «Как откровенно меня обобрало родное предприятие! Аж на сто тысяч рублей на одном кране!». Ноги Виктора Ивановича мерзли, ему становилось холодно. Он еще больше ощутил нелепость своего пребывания в этой толчее. Ведь совсем недавно все было просто и понятно. Каждый занимался своим делом. Теперь все стало непредсказуемо. «Непредсказуемо»? Чье это слово? Кто сказал? Кто его ввел в русскую речь? Почему людей приучили к непредсказуемости? Или никто не понимает значения непредсказуемости и привыкания к ней? Кто предскажет, продам я еще что-нибудь?... И в это самое мгновение ударила мысль: «А вдруг мужчина, купивший у меня кран, увидит такой же по более низкой цене и тогда он может вернуться, возратить мне кран и потребовать назад деньги! Что делать? Лучше поскорее уйти с деньгами. К тому же намерзся достаточно. Хватит для начала. Завтра снова приду».

Виктор Иванович сложил свои железяки в портфель и

покинул базар. По дороге домой размышлял над небывалым в его жизни событием: «Насмотрелся, напереживался, наволновался – есть над чем подумать. Век живи, век учись... Учись отступать, чтобы потом по уму идти вперед. Нет, я наверное, думаю не то. Зачем отступать? Мне зачем? Зачем другим отступать? Зачем отступать всему государству? А что делать в этой ситуации? Новые высокие технологии в ВПК и... я торгую сантехникой, чтобы хоть раз досыта накормить больную жену! А где брать деньги на лекарство? На курортное лечение? Ведь мы так и не съездили и не пролечились. Абсурд! Мрак! На один день перспектива не ясна. Какая уж тут предсказуемость! Наука не нужна стала! А какая предсказуемость без науки? Но и мысль не остановишь. Вот только все силы и время поглощают мелкие суетные бытовые заботы, сводящиеся к одному: как прожить день?. Уже который год наука топчется на месте, а, значит, сдает позиции. Будущее ее стало непредсказуемо».

Едва не проехал свою автобусную остановку. Вспомнил, что надо зайти в продовольственный магазин.

— Люда, может быть, нам вместе сходить к Красно-
— Лу? – предложил Виктор.

Людмила не только не желала знать, почему давным-давно бросили следствие, но даже хотела, чтобы о нем не упоминалось вовсе.

– Знаешь, Витя, мне и так все ясно. Вспомни, как все было – я тебе рассказывала. Первый допрос был так себе, формально. Следователь записал кто я, как оказалась в парке, с кем встречалась. Тогда я еще была слаба. Потом был допрос, расспросили о Сергее, о тебе, не ссорились ли мы. Как я поняла, следователя больше всего устраивало только то, что я из Москвы уехала из-за мужа, то есть преступление совершено на бытовой основе. И после этого всякий интерес у них пропал. Вот уже сколько времени никто ничего. Я пыталась объяснить, что он не сам, он не мог, не мог он поднять на меня руку

с ножом. Только толкнул. Его заставили. И чтобы нож ему приписали. Но следователь не захотел это писать – мол, об этом подробно в другой раз... А я уверена, Сергея насильно привозили сюда. Подпоили. Это тот, другой, Хромой. Я хотела обо всем рассказать следователю, как только немного пришла в себя: о Сергее, о причине разрыва с ним. Потом поняла: если я расскажу все, что знаю про остальных, ниточка потянется, и меня «затаскают» следователи. Тогда уж мне окончательно несдобровать... Но я напрасно боялась: этого-то им как раз и не нужно было.

– Я кое-что стал понимать и в милицейских делах. Ты правильно думаешь, они не захотели слушать про темные дела. Так, наверно, и есть: на «бытовуху» свели. Не нужны им другие преступники. А к Краснову я хотел сходить только для того, чтобы, может быть, что-нибудь посоветует... насчет работы. Просто – он хороший человек.

– Мне кажется, Витенька, это наивно. Зачем мы им нужны? Ему не до нас. Ему просто некогда. Посмотри, что вокруг творится! Воровство, грабежи, разбои, убийства... А работать в милиции? Этого еще не хватало! Какой из тебя милиционер?... Когда я лежала в больнице, всяких насмотрелась, всякого наслушалась. Говорят же, что лучшие специалисты из милиции ушли в фирмы да в охранники. Воля-вольная преступникам. А ты – в милицию.

– Да я так.... Но что-то делать надо!

– Только не в милицию. Проживем как-нибудь. Я найду себе работу. Буду навеваться в аэропорт. Девчонки помогут, подскажут. Хотя там и идут сокращения, но все же.

– Ты разве не замечаешь, что в последнее время тебя многие подзабыли, – сказал Виктор, давая понять, что ее надежды на работу в аэропорту очень малы.

– Я понимаю: у каждого свои заботы, свое горе. Иду я вчера, встретила мне Зоя Ивановна, она до сокращения работала администратором. Вижу – сильно похудела, озабоченная.

Спрашиваю: «Что с вами?». Она – в слезы: «Что спрашивать... Сорванцов в школу надо отправлять, а не в чем». Сама вижу, парк сокращается, часть аэровокзала в аренду сдали. Сколько туда торгловых киосков набилось! Кадры сокращают. Сейчас у нее постоянной работы нет. А если где подработает – не выплачивают. Сунут копейки, остальное жди. И живи на эти гроши как хочешь. Детские и вовсе не выплачивают. Муж ее по контракту уехал в Чечню, так и там тоже не платят. А если и платят, то не полностью. Переживает Зоя Ивановна: вернется ли живой. Он, говорит она, за спины других прятаться не будет. А что, Витенька, меня забыли, так ты прав: нынче люди не рады встречам. Родственники перестали встречаться.

– И мы забыли, когда с друзьями-приятелями собирались. Наши многие разбежались: кто в коммерцию ударился, кто дело свое пытался завести. Кредит не всем дают – только своим, тем, кто администрацию поддерживает. Ни в чем порядка нет. Многие из НИИ – светлые головы, со степенями – а безработные. А мастер наш, Николай Иванович – золотые руки – точит из дерева чашки, ложки, скалки, толкушки и продает их на базаре. Стыдно? А что делать? Знакомого редко встретишь, а встретишь, так говорить не о чем. И меня узнавать перестают. И уж вовсе знать не знают те, которые за темными стеклами стали ездить. Иду вчера по улице – не стал входить в автобус, сэкономил на проездном билете, останавливается иномарка, открывается дверца, приглашают садиться. Вижу – знакомый. Ну, сел, поехали. Я его года три не видел. Помнишь, я рассказывал, как один сослуживец хотел защититься? Я ему помогал тому подобрать, работать над ней. Все видели: никчемный человек. Защитится, протащат, очередной балласт будет с ученой степенью. Думали, со временем в нем совесть прорежется. Бились-бились – всем надоел. При первой волне «перестройки» ушел из НИИ. С кем-то в дело вошел, потом отделился, своим бизнесом занялся. Едем – хвалится: бензозаправку имеет, еще там что-то. Рассказал, где его офис,

свысока так, покровительственно приглашает заходить, не стесняться. «Чай, кофе попьем», – говорит. Визитку вручил: президент ассоциации какой-то. Темнит – дескать, связи имеет. Хочет на внешний бизнес перейти. Тумак-тумак, а вот в бизнесе преуспел. По правде сказать, не верю я ему, что-то там не чисто.

– Надо же! – воскликнула Людмила. – И ты, Витенька, не понимаешь, что там главное! Много ли ума надо вот так бесконтрольно, нагло растаскивать, разворовывать! Сначала он пограбит, потом его самого обчистят или просто разорится. Убьют как конкурента, заправку сожгут. Такие же конкуренты. Не может в этом хаосе быть чисто да честно.

– Ты права. Я все понимаю. Нам трудно согласиться с тем, что жизнь нынче построена на воровстве, на грабеже, на обмане и насилии. Вообще эта тема не для слабонервных. Давай о деле поговорим. Я никогда не интересовался твоими семейными делами. Но сейчас надо. Я не согласен с тобой. Преступники должны нести наказание.

– Витя, это сложно, поезд ушел. Меня пытались втянуть в компанию темных дельцов. Сколько времени прошло? Теперь уж разбежались все. Где Юрий Львович? В Америке? В Израиле? Или еще где? А Виталька?

– Знаешь, милая, ты говоришь страшные вещи. А на самом деле они могут быть еще страшнее, и, если все будут равнодушно проходить мимо преступлений, то разграбят, разворуют всю Россию!

– Я пыталась сразу тебе все рассказать, чтобы ты все знал, но ты слушать не хотел.

– Ты права. Я не хотел слушать о твоих семейных делах. Ты со мной – и все. Остальное не имело значения. Может теперь?

– Тогда слушай.

Рассказ Людмилы длился долго. Возвращались к отдельным эпизодам, уточняли детали. Особое внимание Виктора Ивановича привлекло подозрение Юрия Львовича будто она

умышленно изменила полет, чтобы не выполнить его поручение, да еще и «заложила». Виталий - «Мичман», - продолжила Людмила, - так и говорил: «Рискуете, мадам, уважаемая обольстительница. Вас там ждали. Вашей карьере шеф придавал особое значение. И навар был бы обеспечен в зелененьких».

Услыхав такое, Виктор Иванович сказал:

- Тебя могут и теперь найти. Хромой, наверно, здесь, в Северном?

На это она возразила:

- Витечка, таких дел с каждым днем все больше. Моя «вина» перед Юрием Львовичем просто мизерно мала, обо мне давно забыли. Годы прошли. У тебя что, других забот нет? Живи спокойно. Жива и ладно. Не волнуйся, у милиции других дел невпроворот. Только и слышно: убили, ограбили, взорвали, подожгли. Передачи телевидения - одни преступления, аварии да катастрофы. И программы «Вестей», «Итогов» можно назвать «Вестями из МЧС». Весь мир перевернулся. Подумай о себе: что с тобой сделали! Кто ты теперь?

- Ладно, не пойдем, - согласился супруг.

В душе Виктора Ивановича теснились чувства виноватости и раскаяния, и он пытался разобраться в них: «Многое из того, что произошло и происходит вокруг, в стране в целом, я не замечал или старался не замечать, не хотел на это тратить времени. Все, что не было связано с разработкой моей темы - в сторону. Не вникал толком в «перестройку» и не заметил, как все переменялось. Ломай теперь голову: откуда многие мои коллеги взяли деньги и бросились открывать «свое дело»? Кто и когда их научил? Кто их направил на «предпринимательство»? Теперь я вынужден проходить «мои университеты», но с большим опозданием. Теперь на многое глаза мои открылись. А ведь не один я такой «отстающий». Или это произошло и происходит действительно потому, что, например, моя душа, мое сознание не воспринимают «перестройку» в таком виде, в виде разрушительных «реформ»? Почему во мне, в

моем мозгу, в моей душе, в моем сознании включилась масса тормозов, как будто кто-то помимо моей воли включил их и зазомбировав меня, и я оказался на обочине жизни, оказался ненужным? Оказался в стороне от реальной жизни. В стороне от реальной? Нет, я в реальной жизни. В реальной, но в ненормальной... «Перестройка» меня тащит назад, волочит вместе со всем реальным, перемалывая, опустошая, делая ничем, отбросами «нового общества». Работы мне нет, только числюсь на работе. Зарплаты нет. Питание? Какое! На что питаться почти безработному?».

Громыкнув на кухне посудой, Людмила прервала его тяжелые, беспокойные мысли:

– Вите-о-к, иди ужинать, картошечка остывает. Сегодня у нас роскошный ужин! Почти, как в ресторане! – наигранно-веселым голосом, нараспев, звала она мужа.

– А что у нас сегодня особенного? – в тон ей, стараясь понастоящему быть веселым, отозвался Виктор Иванович.

– Особенного? Здесь все особенное: картошечка в «мундире» с подсолнечным маслицем, селедочка «тихоокеанская», помнишь – по рубль тридцать? К чаю целая пачка печенья, аж двести граммов! Карамельки. Пир горой!

– А сколько нынче стоит селедка? – поинтересовался супруг, вспомнив крупную, мясистую, жирную тихоокеанскую, и проглотил слюнки...

– А не скажу, ругаться будешь, – засмеялась Людмила. – Тысячи! Да что тысячи – десятки тысяч!

– Людочка, я сейчас, дай досмотреть рекламу – скоро местная передача.

Виктор Иванович в поисках возможности хотя бы немного заработать тщательно следил за местной рекламой, в том числе и по телевидению. На экране в программе Центрального телевидения начался раздел передачи из Чечни. Диктор сообщил

о борьбе с террористами, бандитами. Знакомая терминология: ущелья, блокпосты, КПП, сопровождения, засады, мощный обстрел ракетами гор «с целью уничтожения баз боевиков», подрыв транспортов, сбиты истребитель «СУ-27», вертолет «Черная акула», убитые, раненые, пропавшие без вести, задержаны подозреваемые. Пришло время местной передачи, и сразу о жертвах в Чеченской войне, о погибших сотрудниках милиции. Вереница портретов в траурных рамках, фамилии погибших. Вдруг Виктор Иванович видит знакомое лицо! Молнией мысль: откуда оно мне знакомо?... Диктор называет: «Майор Игорь Васильевич Краснов...». Виктора Ивановича будто огнем опалило. Дальнейшее на экране им не воспринималось.

Не дождавшись к столу мужа, Людмила вошла в комнату и увидела: Виктор сидит неподвижно, вцепившись руками в подлокотники кресла и впившись глазами в невидимую точку в стороне от экрана. На экране телевизора бойко рекламируются деликатесы, различные лакомства, «сникерсы, покрытые толстым-толстым слоем шоколада»...

«Что-то серьезное, – подумала Людмила. – При таких рекламмах Виктор обычно выключает телевизор».

– Витя, что случилось?

– У-би-ли! – выкрикнул Виктор Иванович.

– Кого убили? Что ты говоришь? – встревожилась Людмила.

– Краснова! Крас-но-ва! – громко, почти трагично вскричал он опять.

– Краснова? – в недоумении, почти с испугом, машинально спросила Людмила и опустилась на диван. Оба молчали. Паузу прервала Людмила:

– А как он туда попал? У него здесь столько важных дел! – рассудительно сказала она.

– Значит, это кому-то надо. Не у одной тебя возник такой вопрос.

И тут Виктор Иванович выложил прежде недосказанное

Людмиле о посещении им милиции с целью повидаться с Красновым. Ему запали в память две фразы, сказанные дежурным майором, которые теперь приобрели особый смысл. Наводя справку по внутреннему телефону о Краснове, дежурный, видимо, узнав, что майор Краснов в Чечне, удивленно спросил того, кто был на другом конце провода:

– А как он туда попал?
– Выслушав ответ, сказал:
– Он не должен был туда попасть. По крайней мере, с тем отрядом.

– А затем, выслушав собеседника, сказал ему в трубку:
– Да, ты прав: кому-то это нужно было...
– Кому-то он мешал... – заключил свой рассказ Виктор.

В ушах его назойливо повторялось прозвучавшее с экрана: «Героически погибли... будут доставлены... похороны состоятся... семьям будет оказана... генерал сказал... губернатор выразил...».

Людочка, милая, ты устала, иди отдыхай, а мы с «Архимедом» еще покалякаем, – сказал Василий, испытывая потребность высказать другу-ученому наболевшее. Людмила поднялась из-за стола. Встал и Василий, поцеловал ее руки, поцеловал в щечку, бросил лукавый взгляд на Виктора:

– Не ревнуй, – и продолжил, обращаясь к Людмиле:
– Спасибо, Людочка, за прием, за угощение, за заботу. Я уверен, ты скоро полностью поправишься. А его не жалея, побереги себя. Он пусть вкалывает, находит свою «нишу». С его-то головой! Пережить надо. Так вечно продолжаться не может.

Людмила ушла в спальню. Василий заговорил серьезно, продолжая начатый разговор.

– Я тебе скажу свое мнение: вождь правильно поступил – выселил в три дня. Многие из них в Отечественную повели

себя, к сожалению, не лучшим образом. Он их увел от них самих, и сохранилась нация. Порезали бы друг друга. Такой очаг ликвидировал! А территорию, как одну из основных составляющих нации, сохранил. И язык, вторая составляющая нации, никуда не делся. Потом они собрались на той же земле, нация продолжила мирно и довольно неплохо развиваться. Теперь же та мера вождя преподносится как геноцид. Нагло лгут! Чтобы отвлечь от нынешнего, настоящего геноцида. И делается это для того, чтобы этим «клином» расколоть Россию. Не одумаемся – так и получится.

– Ты говоришь такие вещи.... Хотя, я чувствую, ты прав, наверное. Много и я стал понимать по-другому. Но вопросов непонятных все больше и больше. Пытаюсь разобраться: почему вдруг наука стала не нужна? Какие научно-производственные комплексы развалили! До нашего уровня науке за рубежом еще топтать да топтать. Не во всем, конечно, но в чем-то главном. У них за новые технологии дерутся между собой фирмы, концерны, воруют секреты друг у друга, скупают по всему миру идеи и мозги. А у нас было все едино, общая научно-производственная база всего государства. Все, что есть нового, бери через систему Бюро технической информации, пользуйся, разрабатывай дальше. Бесплатно! И это при том, что по халатности или недомыслию не все попадало в единый банк данных. И все равно в результате у нас такой научный потенциал был!

– Давай-давай, дружок, прозревай! Выкладывай дальше, – поощрительно улыбаясь, поддержал друга Василий.

– Вот я в партии не был. Меня никто не тянул. А рассуждаю, получается, как коммунист. Не все, конечно, еще понимаю. А что и понимаю, не всегда могу объяснить. Например, почему те, кто были в партии, не сопротивлялись? Почему многие стали предателями? Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин... много таких. Ты мне можешь объяснить? – требовательно вопрошал Виктор.

– О-о! Я рад за тебя. Рад, что ты кумекать начал. Объяснить, конечно, могу... со своей колокольни. Хотя это не так просто. Причин для перемены позиции таких людей много. Тут и внешние факторы, и внутренние. Причем, объективные и субъективные, – топтался спецкор вокруг мучивших его самого вопросов.

– Ты мне покороче, – попросил друга Виктор.

– Покороче? Тогда придется тебе кое-что напомнить. Надо знать и не забывать такие категории, как труд, капитал, товар, деньги. Нынче на первом месте, конечно, деньги. Это, кроме идей, главная сила. Теперь в мире все продается и покупается: полезные ископаемые, территории, государства, власть, как ты сказал – мозги. Этого, брат, ты не можешь не знать. А кому всегда лучший кусок от мамонта доставался? Правильно, сильному, старшему. Сильный отбирал у слабого. Не так ли и теперь? Только есть разница. Раньше орудием нападения были мускулы, зубы, камень, палка, теперь – электронные системы, космические аппараты, ракеты, деньги, обман, ложь. Уровень, масштабы, средства, приемы другие, а природа грабежа осталась первобытной: дикость! От простых людей скрывается главное: по чьему замыслу и с помощью каких механизмов происходит несправедливое распределение получаемых от природы и труда благ. Я затрудняюсь сравнить с чем-то другим, самым ужасным, государство Соединенные штаты Америки! Не было на свете подобного государства. В целом США называют «скопищем преступного мира», «мировым грабителем», «мировым жандармом». Это все отдельные признаки сильного государства. Но единого емкого слова для правильного обозначения этого порождения истории пока нет. Понятно, я не имею в виду простых, честных людей Америки. Это о тех, кто сосредоточил в своих руках деньги. Владельцы капитала орудуя всеми рычагами управления. Они диктуют правительству, подкупают власть, конкретных представителей власти, группы людей, и таким путем прибирают к рукам территории, при-

родные богатства, целые государства! Или для этого сначала разрушают. Что они и сделали с нашей страной, беспощадно, варварски. Все, что у нас случилось под видом «перестройки», напоминает стихию. Например, сель. Сель, как ты знаешь, грязекаменные потоки, мощная неуправляемая сила. Сель на своем пути все разрушает, крушит, дробит, ломает, смывает и уносит. Гибнут люди, их богатства. Но наш сель управляемый. Заинтересованные силы подточили, нарушили плотину, подготовились, присмотрели лакомые куски и для начала прибрали их к рукам. А потом еще ловят в мутной воде золотую рыбку. Простые люди этого не знают, не понимают. Да что простые люди! Ученые – не обижайся, «Архимед», – не понимают. Есть масса идиотов среди ученых, даже патриотов-политиков, которые бубнят: «Правительство делает ошибки...». Дурь! Все делается умышленно, по давно разработанным программам и вариантам, заложенным в компьютерные системы. Чтобы всему этому противостоять, нужна воля, стойкость, жестокое сопротивление. Даже больше того: нужно наступление. Все это разжевано в марксизме: борьба классов. Вот и получилось: в центр, в «мозговую трест», пробрались – извини за грубое сравнение – спирохеты, возбудители сифилиса головного мозга, разжижили его, парализовали мозговые центры, которые уже не в состоянии управлять должным образом функциями всего организма – страной. И спирохеты, и другие паразиты в виде демократов-«перестройщиков», всевозможных агентов влияния вроде идеолога Явлева, бешеной бабы Надворской, осатанелого комментатора Селидзе – это содержимое инъекций в наше общество мировым империализмом, ударной силой которого является сионизм – скопище капитала. Сионизм, к твоему сведению, страшнее фашизма для всего человечества. Если помнишь, то после так называемой «хрущевской оттепели» пошли открыто атаки на марксизм-ленинизм. Говорили о «творческом развитии» его, о ревизии, «разоблачении культа личности» и так далее. Постепенно понятие классов, классов-

вой борьбы отбросили напрочь. Это и открыло шлюзы Западу, Америке прежде всего, для враждебной пропаганды. Изменники предали идею, предали коммунистов и весь народ. Длинно я говорю? – остановился Василий. – Это очень схематично. Короче говоря, среди советских руководителей, в руководстве партии оказались слабаки, не выдержали испытания сытостью. Забыли о непримиримой классовой борьбе, отказались от нее, труслили перед натиском империализма. А оставшиеся в верхах идеологически здоровые силы не справились, кишка тонка оказалась. Отступили от Маркса, от Конституции, оторвались от народа. А когда кое-кто спохватился, что их давно предали рядом с ними работавшие члены Политбюро, то действовали робко, вяло, не в соответствии с требованиями Конституции и уголовного законодательства. Хотя вроде шли на самопожертвование. Знаешь, что Дзержинский умер от разрыва сердца? Умер после выступления на Пленуме ЦК. В борьбе с врагами партии, народа, государства. Вот были революционеры! Ничего для себя, кроме шинели да пары сапог. Не оказалось «личной собственности» и у Сталина.

Василий замолчал, стараясь определиться, о чем еще можно кратко сказать на интересующие ученого друга вопросы. Виктор воспользовался паузой:

– Теперь у меня есть время предаться размышлениям над тем, о чем мы говорим сейчас: я полубезработный, – горько пошутил Виктор. – Главные силы уходят на то, чтобы найти, где подработать. Свое дело открыть не могу – не по мне, да и начального капитала нет. Для «своего дела» надо стать другим. Наш НИИ ищет возможность влиться в какую-нибудь ассоциацию-корпорацию... Институт выделился из объединения. Что-то будто стало вырисовываться. Не может быть, чтобы эта фирма пропала, исчезла. Наши наработки, идеи, задумки, кадры еще как будут нужны! Крутятся вокруг нас. Из-за «бугра» наведывались с предложениями о создании совместного предприятия.

– Ждите-ждите, – с иронией заметил Василий. – Сначала вас поддержат, а потом заберут с потрохами.

Виктор насторожился:

– Как это «с потрохами?». У нас что, головы нет на плечах?

– Головы-то у вас есть, да денег нет. Вам деваться некуда. У вас головы, а у них деньги. Вот ваши мозги и купят. Даже если вы будете держать «контрольный пакет». Сначала приберут к рукам ваши идеи, потом перекупят акции, потом продадут ваше предприятие или попросту бросят его, и идите вы на все четыре стороны.

– Как так – «продадут»? – воскликнул Виктор.

– Да так. Вот ты спрашиваешь, почему науку отделили от производства, почему коммунисты не сопротивлялись и тому подобное. А ты подумай: тысячелетиями люди носили в сознании понятия – хозяин, владелец, заводчик, фабрикант, помещик, царь. И с детства внушалось, что все – «от Бога», «Богатому быть богатым, бедному – бедным», Судьба, дескать, «на роду написано». И так далее. Власть-то всегда была в руках богатых, и если кто начинал думать иначе – власть преследовала. А если сопротивлялся – душила. На виселицу посылала, на каторгу ссылала. И на том вся история. А взять советский период, который «демократы» издевательски называют «советским экспериментом». А советский эксперимент – эпоха. Он успешно показал иные правила жизни людей. Уверяю тебя: чем дальше в историю будет уходить наш опыт, тем все более захватывающим станет казаться потомкам. Ученые, историки, политики будут делать такие открытия в Советской эпохе, такие увидят возможности неиспользованные, каких мы сами до конца не понимали, мы, творцы этого «эксперимента». Не уразумели, не выработали способов сберечь, защитить его. А Сталин предупреждал о все возрастающей опасности империализма для развивающегося социализма. Вот представь себе на минуту невероятное: весь капиталистический мир относится к нам, к советскому строю, к Советскому Союзу спокойно, не

вредит, сотрудничает с нами на взаимовыгодных условиях и так далее. Даже если бы просто не мешал. Что бы произошло? А то, что нам не нужно было бы тратиться в больших размерах на армию, разведку, безопасность, МВД и тому подобные дела. Куда бы средства пошли? Правильно, на воспроизводство во всех областях целесообразной деятельности общества и, конечно, на соцкультбыт. На что наша молодежь клюнула? На заграничные тряпки, фирменные джинсы! Что, мы сами не сумели бы сделать лучше? Считали, не это главное для народа. И просчитались. Короче, на благо всего народа шли бы деньги. Уровень жизни наших людей, образ жизни, здоровье, культура и так далее стали бы настоящей рекламой для стран отсталых, как теперь их называют, «стран третьего мира». Вот и соревнуйся капиталистический и социалистический опыт, и выберите, люди, каким путем идти. Я уверен, в конце концов мир выбрал бы наш путь, путь социализма. Ведь сколько людей в Союзе стояло за приоритет общественного! Общественная психология и сейчас жива. Это у нас. А в мире? В мире капитализма совсем по-другому: капитал, частная собственность, деньги, индивидуализм – вот идеал. Такая психология изживается трудно. Но если бы старались изжить! А то ведь интенсивно пропагандируют эгоизм, наживу любыми средствами и способами, привилегию богатства, власти, роскоши... А что это несет миру? Капитализм, империализм, фашизм, наконец, сионизм. В результате – геноцид целых народов, у нас – прежде всего русского. И здесь капиталистические идеологи расковыряли в потомках бывших привилегированных сословий частнособственническую психологию, напомнили им о «благородном» происхождении и тоже толкнули на организацию тотального подрыва в политике, идеологии, экономике. Людей дико обманули, натравили друг на друга. Что несут в жизнь империалистическо-сионистские круги? «Пусть, кто успеет, пограбит немного, запачкается, мы же возьмем по крупному, а потом и тех в сторону». Кусок-то лакомый:

земля, недра, леса, пресные воды. Как и с чем только на нас не шли! Какие помои на нас не лили! Самые гнусные провокации изо дня в день. Через все границы – сухопутные, морские, из-под воды и с воздуха. Это огромная сфера! А взять эфир – здесь своя «наука» промывать мозги. Мощные пропагандистские радиоцентры делают то же, на разные «голоса». И находились такие, что припадали по ночам к приемникам, слушали и потом другим шептали. Имунитета против этой отравы не было, не выработали в людях. В результате получилось: один предал, другой спасовал, третий заблудился, а большинство обманом взяли. Сотни миллиардов долларов потратили, чтобы нас свалить! Для этого создали «пятую колонну», приобрели агентов влияния.

– Складно ты говоришь, – перебил друга Виктор. – Я вроде и сам об этом думаю. Многое пропускал мимо ушей. Казалось раньше, все так надежно и не нужны мои усилия для сопротивления в политике, в идеологии. Было кому об этом заботиться. Я на оборону работал, на экономику. Теперь не могу понять, думаю, почему люди, массы людей, раньше не придавали значения всему, о чем мы сейчас говорим? Ведь и в самом деле, об этом немало писали и говорили. Ты же знаешь: наше объединение, особенно НИИ, были режимные. Полный порядок. Все было понятно, все на доверии. И думали, что все, о чем предупреждают, – не для нас, что это где-то там, далеко и нас не касается, «коммунистическая пропаганда». Оказалось, из Москвы к нам, в глубинку, все безобразия идут, западная мода, масскультура.

– Вот ты и дал половину ответов на свои вопросы, – улыбнулся Василий. – Знаешь, как это называется? Потеря бдительности. Это, конечно, и неумение выработать иммунитет к западной пропаганде. А Запад использовал это влияние на обывателя. Но главное – «пятая колонна», агенты влияния, своеобразный «троянский конь»! Правильно ты говоришь: мы надеялись на Москву, «там о нас заботятся». А за «буг-

ром» о нас больше «заботились». Особенно в Штатах. Теперь это стало ясно. Знания приходят постепенно. Мысль ведет к практике, а практика к науке. Вот и мы от слов о капитализме перешли к капитализму на деле. Остается извлечь уроки и решить, что нам больше подходит. И добиться того на практике. Опыт, брат, великое дело! Все познается в сравнении. Теперь люди видят, сравнивают, как было и как стало. С ужасом представляю, что дальше еще хуже будет...

– Да куда же «хуже»? – не выдержал Виктор. – Я стыжусь самого себя: кем я был и кем стал? Бомжем скоро буду...

– Ничего, привыкнешь, – сказал Василий, ехидно улыбаясь. – Дворником, в конце концов, устроишься или в охранники пойдешь, грабителя твоей страны охранять будешь, чтобы его не «замочили». Может быть, сразу в милицию?... – продолжал иронизировать друг. – Сможешь старушек палками разгонять? Знакомые теперь у тебя в милиции есть. Работенка как раз по твоим моральным качествам.... – «Работа всякая нужна...». Но это так было. Теперь твоя научная работа ни к чему, нужны крепкие парни с дубинками и без мозгов. Чтобы ты не вздумал взбунтоваться. Подожди-ка, подожди! Что с тобой? Что это ты вдруг? Или я сказал что-то не то? Извини... – взволнованный Василий откинулся на спинку стула.

– Ты наступил на больную мозоль... – с горечью сказал Виктор.

– Какую мозоль? Ты о чем? – Василий снова наклонился к другу.

– Ты как будто про меня говоришь. Вот послушай...

– Давай-давай, выкладывай, – заинтересовался Василий.

– Действительно, была у меня мысль пойти служить в милицию. Вспомнил про Краснова, решил с ним посоветоваться. Найдет, думаю, какую-нибудь работенку. Порылся в записной, нашел телефон, позвонил раз-другой – не отвечает. На следующий день также никто не ответил, и на третий. Однажды случилось проходить мимо Управления милиции, решил навести

справку о нем у дежурного. Тот позвонил по внутреннему телефону какому-то полковнику, который, видимо, спросил, кто я такой. Я сказал, что Краснов вел уголовное дело о нападении на мою жену. Дежурный доложил полковнику, а потом сказал мне, что Краснов в «горячей точке». Понимаешь, в «горячей точке»! Мне-то понятно: в Чечне! Он же не омоновец и не из внутренних войск, он другой специалист. Может быть, я чего-то не понимаю? И вот совсем недавно, дней двадцать назад, сижу у телевизора, смотрю местную передачу, вылавливаю из рекламы объявления о приеме на работу. Переключаю. Идет передача о погибших милиционерах в Чечне, показывают их портреты с черной лентой на уголке, и вдруг – знакомый! И называют фамилию, имя, отчество... Краснов Игорь Васильевич. Понимаешь – убили! Такого человека!

– Да, нелепости много. Там задействован астрономический капитал. Я уже не говорю про наши издержки – это «черная дыра». Везут туда со всей страны эшелонами, – я насмотрелся, – людей, военных и штатских, продовольствие, промтовары, стройматериалы, уголь. Даже шмотки у людей собирают. Позор! Деньги не доходят. Их разворовывают. Контрактникам, людям, добровольно приехавшим на убой, не платят. Сколько было решений о восстановлении экономики Чечни! Выделяли и направляли огромные средства! Где они?

– Вот контрактники, – подхватил Виктор. – У нас на сборке был наладчик, Коля Смирнов, золотые руки! В армии в ракетных отслужи. Остался без работы, пошел контрактником. Через два месяца убили. Осталась жена с ребенком.

– Представь, Витя, лучших, в общем-то, парней туда направляют, а из них гибнут самые лучшие. Более смелые, инициативные, ответственные. Чего я там только не насмотрелся! Там нет фронта и тыла. Там везде фронт и тыл. А в тылу – партизаны. Ты посмотри: теперь такая ситуация расплзается по всей стране. Террористы? Террор – это когда убивают человека по политическим мотивам, когда хотят нанести вред государству.

Террористы – это не воинское формирование — с самолетами, танками, ракетами. А здесь так, это уже война. И террористический акт – это один из многочисленных способов борьбы. Развязали войну против собственного народа! Для прикрытия придумали термин: «террористы». Взрывы домов, мостов, поездов, военных транспортов – это война. Это диверсии. Как в Великую Отечественную против гитлеровцев. И гибнут, в основном, мирные граждане. В эту войну втянута вся страна!

– Может, хватит об этом? У меня голова пухнет.

– Хватит, так хватит, – согласился Василий.

– Ты-то как дальше, смиришься или в другую редакцию пойдешь? – понимая ситуацию, в какую попал друг-спецкорр, спросил Виктор.

– Смириться?! С чем? С этим паскудством? Ни за что! Ты меня знаешь. Продаться, конечно, можно. За меня дорого дадут. Мой опыт, моя практика, накопленный материал позволят много зарабатывать. Смотря по тому, что и как подавать. О семье, к тому же, нужно заботиться. Татьяна меня понимает, поддерживает. Но наследники.... Сашка в восьмом, Катерина в пятом. А в Москве, сам знаешь, денег много надо. Но не могу.

– И все же, присмотрел что-нибудь? – не отставал друг.

– Фирма одна приглашает. Понимаешь? Фирма. Пресс-секретарем. Дела у нее вроде неплохо идут. Информация без особой политической окраски. Ведомственный интерес. В создавшейся ситуации меня в определенной степени устраивает то, что фирма не компрадорская, ориентируется на внутренний рынок. Тут, может быть, и мне удастся кое-что доброе сделать.

– Вот и я думаю, – подхватил Виктор, – что и нам удастся что-то сохранить до лучших времен. Ведь не всегда же так будет.

– Надо надеяться, – поддержал друга Василий. – Но одной надежды мало. Надо, что возможно, сохранять, оберегать, не дать до конца разграбить. Сопротивляться надо. Так думают многие, не только мы с тобой. Поверь мне: я за последние годы многое повидал, почитал, послушал и с новых позиций,

в новой ситуации оценил: нет и не было в мире лучшей цивилизации, чем наша, Советская. А раз так, то к ней люди вновь обратятся. И создадут ее, но только в еще лучшем виде. Они меньше набьют себе шишек, меньше наломают дров. Потому что они избегут участи первопроходцев. Посмотри, на чем держатся Куба, Китай, Вьетнам, Северная Корея! Кто и как только им не мешает! Их предают бывшие друзья. У них постоянно пытаются вскормить «пятую колонну». Но они стоят, точнее – противостоят и развиваются. Да еще как развиваются! Особенно Китай и Куба. А все потому, что там стараются не отступать от передового учения, от социализма. Не допускают предательства, коррупции. Разными путями, но мир придет к социализму. Правда, империализм, сионизм наломают еще немало костей, прольют реки крови, сведут на тот свет сотни миллионов людей. Пройдет, наверное, много лет. Это движение истории, остановить его невозможно, можно только временно затормозить. Но не остановить.

– Скоро два, – заметил Виктор. – Засиделись мы. Пора спать.

– Спать так спать.

– Ложись на диван, Людмила приготовила тебе постель.

– Заведи будильник на семь, – попросил Василий.

– **Л**юдочка, на какие деньги ты купила все это? – осторожно, скрывая удивление и тревогу, спросил Виктор, указывая глазами на выложенные ею на кухонный стол продукты: вермишель, сахар, консервы, пачку печенья. Людмила знала, что удивит мужа, улыбнулась, на щеках появился слабый румянец. Волнуясь, сказала:

– Заработала... Прости, Витек, что я тебе не сказала... Мне Вика приносит, Серафима Петровна, а я продаю. Ну, надо же как-то жить...

Она ощущала некое удовлетворение: не совсем иждивенка.

Виктор Иванович, услышав такое, буквально плюхнулся на стул, широко раскрыв глаза: Людмила занимается спекуляцией! Перепродает вещи! Да какие: тряпье разное... Я не могу прокормить семью из двух человек! Людмила вынуждена терпеть такое унижение!

– Я же на базар не хожу, – пыталась жена смягчить ситуацию, понимая его душевное состояние. – Ко мне приходят, когда тебя дома нет. Это ничего... не трудно. Успокойся, Витек, это пока. Меня могут взять на работу в аэропорт и с инвалидностью. В справочную, например.

Виктор Иванович молчал, вконец расстроенный. Видя, какое тяжелое впечатление произвела на мужа ее новость, Людмила, со слезами на глазах, продолжала успокаивать его:

– Пойду работать, и все будет хорошо. Там понемногу платят. Бывает – не платят... но не всегда же...

Овладев собой, Виктор привлек и прижал к себе худенькую, податливую фигурку жены тепло и благодарно поцеловал, как бы извиняясь за свою вину перед нею.

– Людочка, может быть, тебе не надо этим заниматься? Ну, этой...

Людмила не дала ему досказать:

– Спекуляцией, ты хочешь сказать? Так теперь все торгуют. Про «челноков» слышал? Профессия такая появилась. Давно. Ездят, привозят и торгуют. Из Польши, Турции, Эмиратов... Или одни привозят, а другие продают. Вика, Валя, Клава – все. И Серафима Петровна. «Бизнес», одним словом. «Предпринимательство», «Свое дело». А что делать, Витя? Я же вижу, как ты переживаешь, как ты осунулся, почернел, сесть начал раньше времени. Я же не ворую! Может быть, место себе подходящее найдешь или объединение, институт начнут работать. А пока так надо. Я... мне... я не одна такая. Мне ничего, не тяжело. А нам не лишнее. Когда-нибудь это кончится.

Виктор Иванович продолжал молчать, опустив голову.

Возразить он не мог: нечем. Не было аргументов в пользу несогласия. Оставалось одно: смириться.

– Сегодня утром случайно Медведева встретила в аэропорту – тебе еще не успела рассказать. В командировке он здесь. Прилетал груз какой-то получать. На пенсию вышел, подрабатывает в какой-то фирме. – Людмила старалась отвлечь мужа от тяжелых переживаний. – Не согласен с реформами. Не по мне, говорит, бизнес. Не по мне – участвовать в грабеже своего народа и государства. А ведь мог бы с большой пользой для людей организовать что-нибудь: у него такая голова, такой жизненный опыт! Связи по всей стране. С людьми ладить умеет. Его очень уважали. А вынужден работать на дядю, подрабатывать. Пенсия-то какая? Как на нее в Москве прожить! Взял мой телефон. Девчата ему рассказали, как я живу, поправляюсь.

Молчит Виктор, понимает жену. И Медведева понимает, которого никогда не видел. И ничего не может предложить Людмиле взамен занятия спекуляцией. По состоянию здоровья работать учителем в школе она не может. В душе его – смятение, унижительное чувство бессилия.

Людмила прервала его мысли:

– Медведев сказал, что я похудела. Он знает, что со мной произошло, Краснов с ним беседовал, когда летал в Москву. Медведев сказал еще, – продолжала Людмила, – Виталька, по слухам, в Калининград уехал, где устроился на работу в морской порт. Медведев считает, на работу в порт направила его мафия. Я тоже так думаю. Им свои люди нужны на выходе за границу. А Виталька у них в лапах. Я ему говорила, что он головы не сносит...

На проходной Виктора Ивановича попросили пройти в отдел кадров. Там инспектор Валентина Сергеевна сказала ему: «Вам начислили деньги, зарплату. Бухгалтер из банка приедет, и можете получить».

В мгновение он подумал: «Институту выделили деньги, и теперь можно продолжить работу! Наконец-то закончу и представлю к защите диссертацию». Радостью наполнилось все его существо. Он готов был закричать «Ур-р-а-а!», схватить и расцеловать Валентину Сергеевну за такую счастливую весть. Но ее несколько грустное настроение пригасило его готовые вырваться наружу эмоции. С нотками сочувствия в голосе она обратилась к нему:

- Вот приказ и.о. директора, вам предоставлен отпуск. Распишитесь, что ознакомились.

- Какой отпуск, почему? — искренне удивился он.

Инспектор лишь пожала плечами и как-то вяло, будто нехотя, занялась своими бумагами, говоря:

- Нас всех ждут серьезные перемены... Не одного вас отправили...

- Но я заявления на отпуск не подавал! Со мной вообще никто не говорил ни о деньгах для института, ни об отпуске.

- Получите деньги и идите в отпуск, — настоятельно посоветовала инспектор.

Виктор Иванович медлил, соображая, как поступить. Валентина же Сергеевна, взглянув в окно на донесшийся с улицы звук подъехавшей автомашины, сказала:

- Бухгалтер приехала. Пройдите и получите деньги. Пятнадцать процентов за последние десять месяцев....

В этих ее словах, в твердом их тоне Виктор Иванович уловил смысл: «Бери, пока дают, а то и этого не получишь». Понял, так может советовать желающий добра и знающий ситуацию товарищ. Он расписался на приказе. Теперь у него куча денег! Можно купить нормальных продуктов. Неужто и в самом деле начальство решило, чтобы я после отдыха плодотворно поработал?

Он хотел было идти, но Валентина Сергеевна остановила:

- Виктор Иванович, вы заявление-то все же напишите на отпуск... С сегодняшнего числа... Как в приказе...

Ему, уже отпускинику, ничего не оставалось, как написать заявление с просьбой предоставить отпуск.

Получив столько денег, каких давно не держал в руках, Виктор Иванович колебался, идти или не идти разбираться с ситуацией. Надо бы узнать, сколько институту отпустили средств и на что намерены их направить. Но ощущение в кармане купюр все настойчивее побуждало воспользоваться ими. «Зайду после обеда. Все равно сегодня в лаборатории не начнешь большую работу. Надо продуктов домой принести, пусть Люда немного успокоится», - решил он.

Вприподнятом настроении Виктор Иванович пришел домой. Подал Людмиле сумку с продуктами и выложил на стол деньги. Людмила удивленно-вопросительным взглядом уставилась на мужа, поражаясь его почти счастливым выражением лица.

- Что все это значит? Откуда? - спросила она.

- **Можешь поздравить, я с сегодняшнего дня официально,** так сказать, на законных основаниях, в отпуске! - наигранно-весело, почти торжественно отчеканил он. - Теперь мы можем себе позволить кое-какие расходы. Поедем в деревню недельки на две, к тете Полине. Она нас постоянно приглашает и уже обижается. Отдохнем на свежем воздухе, немного поправимся. Огород, свежее молоко...

Людмила же оставалась сдержанной. Она уже привыкла к тому, что теперь любое, даже на первый взгляд совершенно реальное положительное известие или явление, могут содержать в себе подвох, а то и очередную беду, и спросила:

- Витя, ты уверен, что деньги институту теперь будут давать?

- Будут-будут! Видишь — уже дали! Откуда еще они могут появиться? Вот они, реальные деньги! Не бартер...

И хотя это высказал он запальчиво, уверенно, но глубоко

в сознании, как реакция на неожиданное решение начальства отправить его в отпуск, продолжала беспокоить мысль: все ли так хорошо? И вот теперь от слов Людмилы, как от спички солома, вспыхнула в душе тревога: «И в самом деле, тут что-то не то..., не ладно. Пойти разобраться? Отказаться от отпуска? Но теперь как? Деньги уже частью потрачены»...

Вдруг четко оформилась и заглушила другие мысль: «Я, гнилой интеллигент, уже много лет не державший в руках приличных денег, кажется, пленен ими! И я не желаю с ними расстаться? Да это и невозможно - их уже нет!».

- Расскажи, что произошло? - ровным спокойным голосом попросила Людмила.

Отбросив тяжелые мысли, Виктор Иванович рассказал в общем-то недлинную историю.

- Мне кажется, при любом исходе деньги возвращать неразумно, - сказала жена. - Ведь тебе все равно должны. Тебе отдали лишь часть того, что положено. Ты устал, ты вымотался в такой жизни. И не ходи, не нервничай. Отдохни, поступим, как ты предложил.

Войдя на территорию объединения в первый день после отпуска, Виктор Иванович направился в лабораторию. Вдруг почувствовал вокруг себя необычную пустоту. Тут же понял: безлюдно. К институту почему-то не шли его сотрудники как обычно в эти утренние минуты. Входная дверь оказалась запертой. На стук к двери никто не подошел. И Виктор Иванович направился в главный корпус административного здания Объединения. Здесь от немногих встретившихся сотрудников все же удалось кое-что выяснить. Сказали, что института уже нет. «Что происходит? Ничего понять не могу! Будто в потемках блуждаю...», - недоумевал вчерашний отпускник. Наконец, с каким-то тайным смыслом ему указали кабинет: «Зайдите, там вам все скажут».

Войдя, Виктор Иванович увидел сидящего за столом молодого мужчину. На вид лет двадцати восьми, чернявого, с ухоженным, румяным лицом. Одет в изящного покроя черный костюм, белоснежную сорочку с галстуком, завязанным маленьким узелком. На уголке стола на стоечке табличка с указанием: «Владлен Исаакович Дворцовский, президент ЗАО «Электросвязь».

«Что за чушь?! Какой президент?» - поразился Виктор Иванович.

Ответив на приветствие вошедшего, Владлен Исаакович спросил:

— Чем могу служить?

— Да я... я Григорьев. Из отпуска вышел... на работу. Приступить... Но институт закрыт. Вы имеете к этому отношение?

— В общем да,.. и к институту... Вы хотели бы продолжать работать?

— Да-а... Я хотел бы узнать, что происходит, почему меня не пускают на место моей работы, в лабораторию?

— Я вам все объясню. Если вы пожелаете у нас работать, вам придется оформить трудовое соглашение. Или получить окончательный расчет, — вежливо ответил президент.

— Но ведь я не увольнялся! Институт — государственное учреждение!

— Был. Повторяю, был... Вам можно только позавидовать: вы отдыхали где-то на островах или в великолепных дубравах? Отдохнули от суетных городских дел. Вижу, поприотстали.

Президент слегка улыбнулся, а затем серьезно объяснил:

— Институт приобрели компания «Грант» и американская фирма «Вирджиния». Теперь это совместное предприятие. В числе других нашей компании.

— Да-а..., но-о...

— Я вас понимаю. Приходите на той неделе, будем разговаривать, войдем в ваше положение. Нам нужны программисты,

мы запускаем две линии по производству аппаратов сотовых телефонов. Сейчас в России это актуально.

У Виктора Ивановича, как это называется, волосы на голове стали дыбом, а в голове образовался буквально хаос: «Контроль за технологическими процессами микромонтажей для изделий оборонных комплексов, до которых за рубежом могут дойти лет через пятьдесят!.. Секрет за семью печатями... И вот на тебе — аппараты сотовых? Или еще какие-нибудь кухонные микроволновки?».

Виктор Иванович почувствовал во всем теле небывалую слабость, сердце заколотилось так, что его биение стало отдаваться, как в пустой бочке, подступила тошнота. Мобилизовал все силы, чтобы успокоиться. Через небольшую паузу сказал:

— Я все понял, я приду. Но я хотел бы взять некоторые свои бумаги, они в лаборатории.

— Ничем помочь не могу. Будет создана комиссия, которая займется рассмотрением материалов, в том числе, и даже в первую очередь, Первого отдела и спецбиблиотеки. Они переданы фирме, но пока без права ознакомления... под ответственность. На сохранение. Их пока переместить некуда.

— Почему «фирме»? Это же государственный институт, государственные секреты! Первый отдел!

Президент не дал договорить:

— Не беспокойтесь, фирма сохранит секреты, сумеет распорядиться. У вас есть еще ко мне вопросы?

— Но как можно!

Президент снова перебил:

— Ничем не могу помочь, — разводя руками, сказал он, давая понять, что разговор окончен.

Ученому ничего не оставалось, как покинуть кабинет.

«**К**ак же так? В одночасье я стал посторонним на родном предприятии, которому отдал столько лет жизни!

Какой же я был наивный! Как прав был Василий! Вот как точно он все предвидел! Все, о чем он говорил..., на моих глазах!... Ведь меня и, наверное, других сотрудников института в отпуск вытолкнули, и денег не пожалели! Чтобы не помешали. А я, идиот, «институту деньги отпустили»... Обрадовался. Губу раскатал... Что я теперь Людмиле скажу? Права она! Они же все секреты выудят, пока комиссия... Вот для чего им институт нужен! И материалы диссертации уведут. Но нет уж, фиг вам! Не получите!» - чуть не вскричал в ярости ставший ненужным ученый.

У Виктора Ивановича мелькнула идея выкрасть диссертацию!

И с этого момента стал рождаться план действий. Какие только варианты не приходили ему на ум!

Пройдя вокруг территории объединения по периметру с целью подыскать место для проникновения туда, минуя проходную, Виктор Иванович увидел: кое-где кирпичная кладка ограждения разрушена, а то и вовсе в стене проломы. «Видно, кирпич на гаражи да на садовые участки разбирают, - решил он. — Вот здесь можно свободно пролезть, как раз напротив окон лаборатории. Дальше идти смысла нет». Он пробрался через пролом и, чтобы не привлечь внимания, определил маршрут с учетом слабой теперь освещенности территории, постепенно, потихонечку приблизился к стене. Тщательно осмотрел рамы окон, решетки на них. «Похоже, решетки-то укреплены не очень прочно, так что крючья, на которых крепятся, можно без особого труда выворотить. Стекла закреплены штапиком, это упрощает дело. Охранная сигнализация давно отключена, платить за нее институту было нечем. Но как подобраться к окнам второго этажа?» И он направился к складам. Тут ему повезло, он обнаружил сложенные штабелем подтоварники, сколоченные каждый из двух плах длиной метра по четыре. Осмотрел их, определил:

«Изготовлены из сухого леса, скорее всего из пихты, не тяжелые. Да и нести всего каких-то метров семьдесят».

Никем не замеченный, довольный своим разведывательным рейдом, через тот же пролом Виктор Иванович покинул территорию предприятия.

Купив в хозяйственном магазине монтажную лапу, завернул ее в газету, принес домой и спрятал за диван. Вечером сказал Людмиле, что перед сном погуляет минут двадцать-тридцать... Жена почти никак не отреагировала. Так он проделал два вечера подряд. На третий, пока Людмила занималась вечерним туалетом, сложил в сумку заранее приготовленные карманный фонарик, лапу, отвертку, перочинный нож, спички, перчатки и пошел на «прогулку». Доехав автобусом до нужной остановки городского транспорта, прошел к пролому в стене, осмотрелся, прислушался. Почувствовал, волнение усилилось. В который раз подумал: «Действую, как в детективе, как в кино про шпионов». Довольно легко добрался до стены. Еще раз внимательно прислушался – тихо. Сходил, притащил и установил подтоварник опорными поперечными колодками вверх. Получился форменный трап, и он доставал до середины нужного окна. Этого было вполне достаточно.

Добравшись до окна, «злоумышленник», как он себя окрестил, стал лапой раскачивать нижний крюк. Вскоре тот высвободился из стены. Таким же образом высвободил и второй, верхний. Стал помаленьку оттягивать решетку от окна, раскачивать ее. С каждым усилием люфт увеличивался, и вот уже стало возможным проникнуть в окно. «Только бы решетка вовсе не отвалилась, не сорвалась вниз и не наделала бы шума», — взмолился взломщик.

В лаборатории он все знал как свои пять пальцев. Плотнее задернул шторы светомаскировки, которые появились здесь по правилам гражданской обороны, приспособил фонарик так, чтобы светил в пол, и, освободив от канцелярских принадлежностей один из столов, достал из кармана ключ от сейфа.

Подошел к окну, чуть-чуть отвернул штору и некоторое время присматривался и прислушивался, не идет ли кто. Самое громкое, что он услышал, это сильное биение собственного сердца...

Действовал он уверенно, даже подумал: «Дома и стены помогают». Вскрыл сейф, взял в руки увесистую папку с листами диссертации, положил на стол. Грифа секретности его работа не имела, основные формулы, цифры, выкладки оставались в виде условных знаков, пометок, различных отсылок к источникам, из которых он мог легко внести их в диссертацию. Для этого изобрел свой собственный шифр. Многие документы, с какими он работал, были с грифом «Секретно» и «Совершенно секретно» и хранились в Первом отделе и спецбиблиотеке. Так что наполненная на самом деле секретными сведениями его диссертация шла по закрытой тематике. Но можно с некоторыми изменениями пустить и по несекретной, наполнив ее общедоступными данными.

Несмотря на успокоенность, все же «шпион» временами действовал несколько торопливо, лихорадочно – подобной практики не имел... «Если документы только нашей лаборатории попадут в руки электронщика-изобретателя или конструктора, он многое может извлечь. Нужно забрать все важнейшее сейчас же. Америка по всему свету рыщет, собирает, скупает, выкрадывает, выманивает, забирает и даже отбирает сведения, которые ее интересуют. Особенно в области науки, техники, обороны. Нельзя допустить, чтобы даже то, что в лаборатории, ей в руки попало. Правильно говорил Василий». И Виктор Иванович отбирал и откладывал, важные на его взгляд, документы. Сложив их в сумку, он присел на стул, достал из кармана носовой платок, протер вспотевшие лоб, шею, немного отдохнул. Снова внимательно поинтересовался обстановкой за окном. Помех не было, и он тем же

путем выбрался на трап. Снес сумку вниз, снова поднялся, вставил и закрепил стекло, прижал на место решетку, зажав ее обломком кирпича. «Когда-то теперь обнаружат нарушение крепления решетки...», — подумал удовлетворенно. Отнес на место подтоварник и благополучно покинул территорию.

Домой Виктор Иванович вернулся на такси в половине четвертого ночи. Людмила не спала, ждала утра в тревоге. Когда он вошел, обрадовалась: «Живой и, кажется, невредимый». Однако напереживалась, и теперь ей необходимо было выплеснуть эмоции:

— Ты где был? Ты почему ничего не сказал? Разве так делают? Я уже Бог знает что передумала. Ночь — тебя нет и нет. Что случилось? Ты ушел с какой-то сумкой? Что в ней?

— Извини, Люда, виноват, признаю. Но так надо было. Сейчас все расскажу, и ты поймешь.

Виктор рассказал все, что случилось после выхода его из отпуска.

— Нельзя допускать, чтобы достижения нашей науки доставались иностранцам! — говорил он. Нашего объединения тоже. Я взял материалы моей диссертации и еще кое-что. Но это мизер! Да и поступил я как самый заядлый эгоист: «отдайте мое!». А там у нас столько!.. Завтра же разыщу начальника Первого отдела, ему много, должно быть, известно. Пусть порекомендует меня в комиссию по рассмотрению секретной документации. Там я что-нибудь предприму, придумаю. Пойду к этому пацану, к президенту, предложу свои услуги. Сопrotивляться надо!..

Говорил он твердо, будто только что прошел боевое крещение. Людмила слушала внимательно, потом с явной иронией сказала:

— Ты так скоро боевиком станешь... На баррикады пойдешь...

— И стану! И пойду! Нам уже не до шуток. Россию, как я теперь понимаю, уже превратили в колонию. Что-то делать надо! Терпеть дальше нельзя!

Людмила хорошо понимала мужа, знала его решительный характер, в душе гордилась им: «Слов на ветер он не бросает». Взглянув на часы, сказала:

— Ложись. Отдохни. Утро вечера мудренее.

— **А**лло, слушаю! – отозвался женский голос.
– Это квартира Сусловых? – спросил Виктор Иванович.

– Да. А кто спрашивает, откуда?

– В голосе женщины слышалась тревога.

– Татьяна Павловна, здравствуйте. Виктор Григорьев из Северного беспокоит. Василий дома? Он мне писал, что скоро будет дома. Вот я и звоню.

– Нет его... – срывающимся голосом ответила женщина.

– Вы разве не слышали? Вчера по телевидению сообщили...

– Что сообщили? – насторожился Виктор.

– По телевидению в «Вестях» сообщили, трое пропали без вести... и корреспондент. Я позвонила в редакцию... Мне сегодня сказали... Вася пропал... – Татьяна говорила сквозь слезы. – Я от него не дождалась звонка. И письма давно нет. По сводке из Чечни... шла колонна машин, – а он, как всегда, стремился на передовую, колонну обстреляли, кого-то убили, кого-то ранили, кто-то пропал без вести... и Вася...

– А что говорят официальные власти?

– У них своя «версия»: Вася и еще двое пропали без вести...

– Татьяна Павловна, не расстраивайтесь сильно... Может и не так... Все еще может быть по другому.

Виктор Иванович не знал как успокоить жену друга и как закончить разговор.

– Татьяна Павловна, запишите мой телефон. Чуть что

– звоните. А пока не расстраивайтесь. Всяко бывает. Вы же знаете как сообщают: «По одним данным..., по другим..., не подтвердилось...»... Звоните, пожалуйста. И я буду звонить...

Литературно-художественное издание

Гоголев Михаил Петрович

Сель

Редакторско-корректорская правка
Генкиной В. П.

Дизайн, верстка
Вязовец С.В.

Компьютерный набор
Долгополовой О. П.

Отпечатано в ООО «Агентство рекламных форм»
г.Кемерово, ул. Черняховского, 4.

